

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДОКУМЕНТЫ
И АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОГРАФИИ,
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ

*Сборник тезисов докладов участников
Второй международной конференции
молодых ученых и специалистов*



**Участники конференции –
сотрудники, аспиранты, стажеры и студенты**

Российского государственного архива социально-политической истории
Российского государственного архива кинофотодокументов
Центрального архива общественно-политической истории Москвы
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
Санкт-Петербургского государственного университета
Института российской истории РАН
Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Историко-архивного института Российского государственного
гуманитарного университета
Научно-исследовательского университета Высшая школа экономики
Северо-Восточного федерального университета
Государственного университета управления
Белорусского государственного университета (Белоруссия)
Казанского национального исследовательского технологического
университета
Петрозаводского государственного университета
Карагандинского университета «Болашак» (Казахстан)
Поволжской государственной социально-гуманитарной академии
Северо-Восточного государственного университета
НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
Тульского государственного педагогического университета
Волгоградского государственного университета
Римского университета LUMSA (Италия)
Центрально-Европейского университета (Венгрия)
Французского университетского колледжа при МГУ
Холи Кросс Колледжа (Великобритания)
Ухтинского индустриального техникума
Общероссийского объединения корейцев

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
Российский государственный архив
социально-политической истории

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДОКУМЕНТЫ
И АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОГРАФИИ,
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ

*Сборник тезисов докладов участников
Второй международной конференции
молодых ученых и специалистов*



МОСКВА
РОССПЭН
2012

УДК 930
ББК 63
И89

Редколлегия:

А. К. Сорокин (ответственный редактор),
В. В. Журавлев, С. А. Котов (зам. ответственного редактора),
А. С. Кочетова, А. В. Лукашин, Л. А. Лыкова, А. В. Репников,
Т. В. Седова (ответственный секретарь),
О. А. Шашкова, А. А. Ширинянц

**Исторические документы и актуальные проблемы археогра-
И89 фии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего
времени.** Сборник тезисов докладов участников Второй между-
народной конференции молодых ученых и специалистов «Сію-
2012» / [отв. ред. С. А. Котов]. — М. : Российская политическая
энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 287 с.

ISBN 978-5-8243-1665-0

УДК 930
ББК 63

ISBN 978-5-8243-1665-0

©Российский государственный архив
социально-политической истории,
2011

©Российская политическая энцикло-
педия, 2011

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГОРОДЕ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Д. А. Авакян
(МГУ)

Актуальность проблемы урбанизации обусловлена усложнением ситуации, связанной с функционированием города и его новым социально-политическим значением. Город становится ведущим типом поселения, где наиболее полно представлены социальность, рациональность человека. Повышенное внимание к проблеме обусловлено не только глобальными переменами в самом процессе и росте значения города в жизни людей, но и усложнением ситуации, связанной с его функционированием и его новым значением в развитии общества. Современное обсуждение того, каким должен быть город и каким образом должны разрешаться противоречия в устройстве и организации во всех сферах, имеет в основе уже сложившиеся представления, которые были сформированы в предшествующие эпохи.

Изначально города выполняли целый ряд управленческих, экономических, культурных функций, в них сосредотачивалась как политическая власть, так и оппозиция, зарождалось большинство общественных изменений. В Древней Греции полис, по сути, являлся государством с особой социальной иерархией и системой политической коммуникации. Иерархия устанавливала особые формы общения и поведения, создавая новую культуру, которая отличалась от сельской. Полис представлял собой самодостаточную, замкнутую систему с точки зрения политической, социальной и экономической организации. В Средние века борьба за придание городу нового административного, политического, экономического статуса определялась тем, что иное положение приводило к большим правам и свободам граждан, в том числе и в сфере местного самоуправления. Развитие ремесел и торговли, накопление капитала, создание условий для перехода к мануфактурному производству способствовало подъему городов эпохи Возрождения, одновременно породив новые проблемы, включая экологические (снабжение продовольствием, водоснабжение и т. д.).

Направление развития городов стало радикально меняться с середины XVIII века. Европейская промышленная революция разрушила традиционный уклад и экономические отношения, которые ранее преимущественно основывались на земледелии. В этот период произошел резкий численный рост городов и их населения, присоединение соседних территорий, расширение функций, изменение социальной структуры, появление новых классов в конечном счете привели к появлению мегаполисов. Урбанизация как сложный процесс начинается не с определения города как особого феномена, а в тот момент, когда город становится основной формой поселения, что происходит на рубеже XVIII–XIX веков, т. е. в период промышленной революции. Не случайно термин «урбанизация» появился только в середине XIX века.

В каждый исторический период существовал свой образцовый идеал городского сообщества, в котором гармонично бы согласовывались культурные, экономические, социальные, политические и правовые вопросы, разрешались бы все противоречия, связанные с большой концентрацией людей в одном месте.

В античной философии возникают вопросы, связанные с различными аспектами существования человека в городе, в том числе и с бытовыми условиями. Платон, Аристотель полагали, что возможность гармоничной жизни появляется только в полисе, в разработанных ими проектах идеального полиса улучшение устройства приводило к совершенствованию гражданских прав и свобод, добродетелей.

В Средние века образ города, сформировавшийся в трудах античных мыслителей, подвергся критике. Согласно представлениям Августина, в реальности идеал не возможно достигнуть, он может существовать за гранью земного. Такое видение воплотилось в учение о двух градах, где град Земной противопоставлялся граду Небесному.

Стремление к максимально гармоничному сочетанию противоположностей городского и сельского образов жизни впервые появилось в эпоху Возрождения. Утопические проекты Кампанеллы Томмазо, Мора Томаса, Бэкона Фрэнсиса были тесно связаны с представлениями об идеальном городе.

Истоки урбанизма и антиурбанизма восходят именно к философии эпохи Просвещения, где оптимистическому взгляду на городскую культуру как высшему проявлению человеческой цивилизации (Ш.-Л. Монтескье) противопоставит тотальное отрицание городской среды (Ж.-Ж. Руссо).

В конце XVIII — первой половине XIX века за изменениями в сфере производства последовали и изменения в структуре социальных отношений. В этот период стали обостряться противоречия в городской жизни: возрос уровень смертности, преступности среди рабочих, ухудшились условия их жизни и т. д. В работах Оуэна Роберта¹, Фурье Шарля² воплотились идеи о преодолении противоречий между городом и деревней, попытка создания такой модели поселения, которая ограничивала бы численность и размеры. Поиск путей идеального устройства общества предполагал уход от больших городов. По сути, это продолжение антиурбанистических традиций. Мыслители пытались уйти от создания мегаполисов. Поэтому были предложены такие системы расселения, в основе которых — сеть небольших общин, полностью самостоятельных и равномерно распределенных по территории государства. Можно сказать, что эти принципы нашли реальное отражение в современной жизни, сегодня многие государства проводят политику ограничения роста больших городов.

Сен-Симон Анри³ видел главные недостатки промышленной системы в тяжелом положении рабочих и экономической конкуренции. В качестве альтернативы им был предложен проект промышленной системы с плановой организацией труда и производства, равномерное распределение ресурсов.

Труд «Кодекс общности» Дезами Теодора⁴ посвящен описанию общества будущего и путей его достижения. Основу новой организации составляет коммуна, которая представляет собой объединения трудящихся. В коммуне гармонично сочетаются преимущества города и деревни, промышленного и сельскохозяйственного труда. Дезами Т. не раз отмечает в работе отрицательные последствия роста городов, одним из которых является увеличение числа незанятого населения и бедноты.

Кабэ Этьен в работе «Путешествие в Икарию»⁵ описал объединение людей, основанное на социальном равенстве, братстве, единстве и демократии. Общество должно жить в соответствии с принципами

¹ Оуэн Р. Из книги о новом нравственном мире // Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1950.

² Фурье Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб. М., 1938.

³ Сен-Симон А. Катехизис промышленников // Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 2. М.; Л., 1948.

⁴ Дезами Т. Кодекс общности. М., 1956.

⁵ Кабэ Э. Путешествие в Икарию. М., 1948.

разума и требованиями природы. Кабэ Э. выступает как сторонник сохранения больших городов. Он показывает, что отрицательные черты современных городов — это прежде всего результат существующей общественной системы. Все недостатки должны будут исчезнуть при новом общественно-политическом строе, города станут местом концентрации промышленности, просвещения, искусств и науки.

В 1845 г. вышла работа Энгельса Ф. «Положение рабочего класса в Англии»⁶, в которой осуществляется попытка исследования феномена развития промышленности и генезиса пролетариата. В работе Энгельс показал, как влияет смена типа производства на быт рабочих, их материальное положение, условия труда, состояние здоровья. Энгельс выявляет следующую тенденцию: английские рабочие чаще болеют, раньше умирают именно по причине тяжелых условий труда и быта. Город — это место концентрации крупного капитала и централизации населения в одном месте. Энгельс переносит черты, которые характерны для Лондона (равнодушие, эгоизм среди населения, нищета), и на другие города Англии.

Таким образом, только в XIX веке город стал самостоятельным объектом исследования ряда научных дисциплин — географии, экономики, демографии, т. е. в период активного экономического развития, концентрации предприятий на определенной территории.

⁶ Энгельс Э. Положение рабочего класса в Англии. М.; Л., 1926.

**ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)**
(на примере архитектурных памятников г. Якутск)

*А. Н. Алексеева
(СВФУ)*

С каждым годом все более острой становится проблема сохранения, изучения и использования объектов культурного наследия. Этим и обуславливается актуальность данной темы. Если в центральной части России эта проблема звучит все громче, то в регионах она еще не осознана. Все в большем объеме объекты, подлежащие охране, сносятся, уничтожаются, охраняемые территории передаются под зону застройки торговых и бизнес-центров. Должного научного интереса к этой теме со стороны исследователей не наблюдается, выходят лишь отрывочные статьи и заметки, скорее констатирующие факт, и работы, посвященные отдельным темам, археологическим памятникам и музейным собраниям.

С началом нового этапа развития нашей страны, с 1990-х гг., начинается переосмысление пройденного исторического пути и, как следствие, исторического наследия. Эта тенденция отразилась и в принятых в то время законах федерального и регионального уровня. Первым основным законом Республики Саха (Якутия) в данной области стал закон «О государственной охране памятников истории и культуры Республики Саха (Якутия)» от 6 февраля 1997 г. В 2003 г. был принят ныне действующий закон «Об объектах культурного наследия народов РФ». В ней отражены основные направления регулирующих законов о сохранении объектов культурного и исторического наследия. В 2009 г. были внесены дополнения, по которым большинство полномочий по сохранению объектов муниципального, регионального и федерального значения переданы местным властям. В 2011 г. по Указу Президента Республики Саха (Якутия) была создана Коллегия Министерства культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия), которая должна рассматривать на своих заседаниях основ-

ные вопросы, связанные с проведением государственной политики в области культуры, и заниматься координацией деятельности органов управления учреждениями культуры. Здесь необходимо отметить, что кроме Коллегии в Республике проблемой охраны культурного наследия занимаются еще несколько организаций. Несмотря на это, положительных сдвигов на практике не наблюдается, на общих собраниях представители организаций больше занимаются выяснением отношений и поиском виноватых.

Несмотря на все принятые законы, работу различных организаций по сохранению объектов, представляющих культурно-историческую ценность для Якутии, остается достаточно большое количество объектов, которые не внесены в перечень реестра. По данным специалиста в области археологии долины Туймаада и г. Якутск Дьяконова В. М., в долине и в самом городе насчитывается около 210 объектов, представляющих культурно-историческую ценность, которые не включены в реестр. Территории, где находятся данные объекты, входят в зону застройки, поэтому они теряются или уничтожаются вовсе. Так, дом Г. Петровского по ул. Ярославского 2 уничтожен, бывших магазинов купца Эверстова по ул. Аммосова нет, как и нет дома начала XX века по ул. Кирова. Так же до сих пор остается открытым вопрос о дворе купца Мигалкина по улице Курашова, который числится в реестре памятников, подлежащих охране, где, пренебрегая основным регулирующим законом «О государственной охране памятников истории и культуры Республики Саха (Якутия)», в 2010 г. построили торговый центр, снеся одну из исторических построек.

Мероприятия по выявлению, учету, сохранению и осуществлению государственной системы, по охране объектов культурного наследия муниципального значения на основании ст. 13 ФЗ «Об объектах культурного наследия народов РФ» и реализация полномочий городского округа согласно пп. 18. п. 1. ст. 16 Федерального закона № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» финансируются из бюджета муниципальных образований. На данный момент в ГО «Город Якутск» муниципального правового акта, регулирующего отношения в данной области, не принято, что является основной проблемой в законодательстве об охране культурно-исторических объектов. Назревает необходимость к проведению более глубоких исследовательских работ

по уточнению списка памятников, паспортизации и инвентаризации объектов, которые могут представлять собой культурно-историческое наследие.

В 1976 г. в г. Якутск были выявлены и поставлены на государственную охрану 14 памятников истории, 15 памятников архитектуры, 1 памятник монументального искусства республиканского значения. Кроме того, в список памятников федерального значения вошли 2 памятника истории, 2 памятника архитектуры и 1 памятник монументального искусства. На территории ГО «Город Якутск» согласно постановлению Правительства РС(Я) от 12 мая 2005 г. № 270 находятся 26 памятников истории и культуры, подлежащих государственной охране как памятники муниципального значения. К 2012 г. по г. Якутск имеется 47 объектов культурного наследия, часть из которых является вольными реконструкциями и настоящей ценности как памятники истории и архитектуры не имеет. В исторической части города находится охраняемая территория «Старый город». Если в 1970-х гг. здесь располагалась большая часть архитектурных памятников, то на сегодняшний день это не совсем верное суждение. На протяжении двух десятков лет в исторической части города проводились мероприятия по созданию охраняемой зоны «Старый город», в числе которых предполагалось восстановление и реконструкция части деревянных зданий. На практике оказалось, что большая часть зданий, которая могла бы обойтись и консервацией, под предлогом реставрации была разобрана. На их месте воздвигнуты лишь внешне схожие сооружения, для возведения которых не выдержаны ни технические, ни архитектурные точности. Тем не менее на каждом из них висит табличка: «Памятник архитектуры XIX века. Охраняется государством».

Отдельно рассматривается вопрос сохранения оставшегося архитектурного наследия Заложной зоны Якутска. В этой части города до сих пор остаются дома и дворы XIX — начала XX века, представляющих ценность как культурное наследие. Но население, проживающее в этих домах, предпочитает сносить обветшалые дома и строить на их месте новые, кроме того, эта часть города является одной из сложных в социальном отношении. Постепенно началась застройка этой зоны торгово-развлекательными центрами, что тоже представляет собой опасность.

Главной проблемой охраны культурного наследия является отношение горожан и администрации к ценностям. Эта проблема не-

преодолима, пока не придет осознание необходимости сохранения исторической и культурной ценности. Из-за постепенной утраты архитектурных памятников теряется исторический облик города, забывается его история. Необходимо привлечь внимание исследователей к теории и практике охраны наследия, необходимы работы, обобщающие и анализирующие накопленный опыт.

М. Н. КАТКОВ О ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1860-х гг. XIX в.

М. Н. Архипова
(МГУ)

Очевидно, что на историю Российской империи, а потом и Советского Союза, и Российской Федерации, повлияла специфика геополитического положения ее территорий. Такое положение накладывало определенный отпечаток как на внешнюю, так и на внутреннюю политику государства.

Так, например, внутри самой Российской империи выделялись территории, на которых исконно обитало русское население и национальные окраины. С точки зрения консерваторов второй половины XIX века, на окраинах проживали «дружественные» и «враждебные» народности, причем степень «враждебности» определялась по уровню сепаратистских настроений в той или иной области¹. Наличие таких «неспокойных» районов с необходимостью вынуждало правительство заниматься национальной политикой. Кроме того, национальный вопрос становился одной из главных тем дискуссий в политической публицистике того времени.

Мыслители консервативного толка первыми обратили внимание на опасность, которую заключало в себе наличие национальных территорий, обладавших частичной административной независимостью и культурной автономией, а также низким уровнем интеграции с остальными территориями Российской империи. В ряду таких авторов стоит выделить Михаила Никифоровича Каткова — публициста и общественного деятеля, выпускавшего с 1863 года «Московские ведомости», в которых он имел возможность «...не просто выражать настроения и убеждения привилегированного общества, но и в какой-то мере его направлять, руководить им»². Каткова интересовали вопросы

¹ Новиков А. В. Российские консерваторы М. Н. Катков, Д. А. Толстой, К. П. Победоносцев и самодержавие (середина XIX — начало XX века): дис. ... канд. истор. наук. 07.00.02. М., 2001. С. 71.

² Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М.: Наука, 1978. С. 49.

внутреннего устройства Российской империи, особенности ее внешней политики. В частности, его интересовала проблема проведения взвешенной национальной политики.

Сам Катков, используя словосочетание «национальная политика», отмечал, что она «...состоит только в том, чтобы правительство было правительством своей страны, чтобы оно было силою только своего народа...»³ и преследовала именно его интересы. Катков приравнивал интересы государства и интересы народов, составлявших население Российской империи. По его мнению, сохранение за Россией звания великой державы являлось одной из важнейших задач как для населения, так и для государства: «Значение великой европейской державы есть для России вопрос жизни и смерти. Только в качестве великой европейской державы она принуждена непрестанно заботиться о развитии всех производительных сил своих, о преуспевании промыслов, торговли, наук и искусств, о благоустройстве гражданском и политическом»⁴. Такой статус напрямую зависит от единства Российской империи как от внутреннего, культурного и духовного, так и от внешнего, государственного, единства.

Польское восстание 1863 года, вспыхнувшее через несколько месяцев после начала работы Каткова в «Московских ведомостях», поставило под вопрос целостность Российской империи и нашло широкий отклик в действиях иностранных держав, высказавшихся за общеевропейское урегулирование так называемого польского вопроса. В передовых статьях газеты отмечалось, что вопрос о подавлении польского восстания входит в перечень внутренних дел страны. Но Катков практически в каждой своей статье обращал внимание читателей на то, что резонанс, вызванный данным событием, имеет вполне очевидные предпосылки в структуре международных отношений того периода. Катков делает следующий вывод: «Независимая Польша в глазах многих государственных людей Европы есть утопия; но беспокойная Польша для многих полезна, и поляки с легкомысленным самоотвержением становятся игрушкой, орудием в чужих руках, работая для тех, кто не имеет к ним никакого сочувствия, а поджигает их из своих выгод, чтобы загреть жар их руками»⁵. Подогревание

³ Катков М. Н. № 105, от 13 мая // Собрание передовых статей Московских ведомостей 1867 год. М.: Типография В. В. Чичерина, 1897. С. 245.

⁴ Катков М. Н. № 57, от 13 марта // Собрание передовых статей Московских ведомостей 1863 год. М.: Типография В. В. Чичерина, 1897. С. 115.

⁵ Катков М. Н. № 74, от 6 апреля // Собрание передовых статей Московских ведомостей 1863 год. М.: Типография В. В. Чичерина, 1897. С. 158.

интереса вокруг восстания, по мнению автора, направлено на ослабление Российской империи, на уменьшение ее значения на мировой арене, что выгодно, как много раз замечалось в статьях «Московских ведомостей», Англии и Франции, основным геополитическим противникам России.

Кроме внутреннего аспекта национальной политики Российской империи Катков выделял еще и внешний аспект, а именно отношение России к христианским народам Османской империи. Публицист отмечал, что религия, культура и общая история объединяют Российскую империю и народы, проживающие в европейских владениях Порты: «Так называемый восточный вопрос начался с той самой минуты, как началась Россия. Самые первые предания нашей истории связывают нас с судьбой тех стран и племен, над которыми висит теперь этот так называемый восточный вопрос»⁶.

Катков не отрицает, что свобода действий Российской империи ограничена в этом регионе условиями Парижского мира, но замечает, что у России нет никаких намерений, которые заключались бы в захвате и подчинении данных территорий своей воле. Более того, по мнению Каткова, «...всякое территориальное расширение для России было бы тягостью, источником скорее слабости, нежели силы»⁷. Катков высказывается за то, что народам этого региона, жителям Дунайских княжеств и христианским подданным Порты требуется свобода от посягательств как со стороны Турции, так и со стороны европейских государств. Поэтому в середине 60-х годов XIX века в своих публицистических статьях Катков высказывается за сохранение норм Парижского мира, пусть невыгодных для России, но поддерживающих хрупкое равновесие сил в Европе.

Таким образом, как в вопросах внутренней, так и в вопросах внешней политики Катков акцентирует внимание на том, какие действия являются благоприятными или неблагоприятными для процветания Российской империи. Анализируя публицистику Каткова, можно сделать вывод о том, что первостепенным для него является сохранение за Российской империей статуса великой державы. Данный статус, по мнению автора, зависит не только от агрессивной политики расширения территорий и сферы влияния империи, но и от ее внутренней стабильности. Для внешней и внутренней политики Катков выбирает

⁶ Катков М. Н. № 41, от 23 февраля // Собрание передовых статей Московских ведомостей 1866 год. М.: Типография В. В. Чичерина, 1897. С. 120.

⁷ Катков М. Н. Указ. соч. С. 123.

различные методы урегулирования имеющихся конфликтов, так, для решения «польского вопроса» автор предлагает достаточно агрессивные меры подавления мятежа, тогда как для решения восточного вопроса необходимо занять выжидательную позицию и не вмешиваться во внутренние дела Порты.

Опираясь на информацию, полученную из передовых статей «Московских ведомостей», можно в очередной раз убедиться, что 60-е годы XIX века были весьма сложным периодом в истории Российской империи, когда важные внутренние изменения совпали с очередным перераспределением сил на карте Европы.

ИСТОРИЯ ВНУТРЕННИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАЙМОВ РСФСР–СССР ПЕРИОДА НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1921–1929 гг.)

А. А. Бабкин
(РГАКФД)

Источниковой базой исследования является комплекс кинодокументов из фондов Российского государственного архива кинодокументов (РГАКФД) периода новой экономической политики (1921–1929 гг.).

До настоящего момента данная тема никогда не разрабатывалась. В рамках предлагаемого исследования впервые вводятся в научный оборот 23 кинодокумента. В процессе работы над последними была проведена детальная идентификация видов внутренних государственных займов, выпущенных Советским Правительством в указанный период и зафиксированных в документальных кадрах. Необходимость проведения такой идентификации обусловлена тем, что в НСА РГАКФД многие кинодокументы о государственных займах, по сути, не были расшифрованы должным образом: отсутствовали даты выпуска займов, их полные правильные названия. Соответственно, было невозможно определить, о каком конкретном займе идет речь, легко перепутать даты.

С 1922 по 1929 г. было выпущено 24 различных вида внутренних государственных займов. Сведения о 9 из них запечатлены в 5 кинофильмах¹, 15 киножурналах² и 3 сюжетах кинолетописи³.

В кинокадрах отражены такие явления, как продажа облигаций различных займов, реализация тиражей розыгрышей и выплата по выигравшим облигациям, агитация и подписка на займы среди рабочих и крестьян, выявлены статьи расходования заемных средств во времена Царской и Советской России.

¹ 1–698, 1–1432, 1–6771, 1–12467 а, б, 1–12540.

² 1–825, 1–1136, 1–1530, 1–1557, 1–1573 I, 1–1615, 1–1620 б, 1–1628, 1–1648 а, 1–1656 II, 1–2073, 1–12316, 1–12649, 1–12774, 1–12781.

³ 1–127, 1–697, 1–1713.

В кинодокументах зафиксированы все этапы жизненного цикла займа: продемонстрирован внешний вид облигаций, освящены процедуры покупки, продажи, коллективной подписки на облигации (для займов второй половины 1920-х гг.), реклама займа и информационно-разъяснительная работа с населением по вопросам займов, агитационная работа — летучие митинги, митинги на заводах и у крестьянских изб, стационарные митинги с участием администрации, тиражи розыгрыша займов, выплата выигрыша (только в кинодокументах о 6-процентном государственном выигрышном займе) и даже продажа облигаций с рук.

**ИЗМЕНЕНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
В ПЕРИОД РЕКТОРСТВА
АКАДЕМИКА А. Н. НЕСМЕЯНОВА (1948–1951 гг.)**

*С. С. Барбасова
(МГУ)*

Перед Московским университетом в послевоенный период стояла задача повышения качества подготовки молодых специалистов, поскольку старейший вуз страны всегда был главной кузницей научных кадров. Университет быстро рос и расширялся, усложнялось его управление и материально-техническое обеспечение. При этом не только общее руководство, но и непосредственное управление всеми звеньями было сосредоточено в руках ректора и проректоров. Эта централизация снимала всю ответственность с непосредственных руководителей отдельных частей университета, затрудняла быстрое решение оперативных вопросов, мешала проявлениям инициативы со стороны ведущих работников университета. Деканы факультетов не могли самостоятельно решать даже текущие вопросы административного и хозяйственного порядка (например, назначение стипендии, направление на практику, приобретение необходимых учебных пособий должно было согласовываться с проректорами).

Для осуществления поставленных временем задач практически сразу же после вступления в должность ректора академик А. Н. Несмеянов обозначил перед ведущими академиками и профессорами Московского университета проблему необходимости пересмотра и совершенствования функционирования всех звеньев университета. Эта работа была проведена в кратчайшие сроки: на заседании Президиума Ученого Совета МГУ 12 января 1948 г. задача была сформулирована ректором А. Н. Несмеяновым¹, а уже 30 марта 1948 г. ректор А. Н. Несмеянов подписал приказ о новой системе управления МГУ².

¹ Стенограмма заседания Президиума Ученого Совета университета от 12 января 1948 г. // Архив Московского государственного университета (далее — архив МГУ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 114. Л. 61–64.

² Приказ ректора Московского Ордена Ленина государственного университета имени М. В. Ломоносова № 220 от 30 марта 1948 г. // Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 108. Л. 85.

Упрощение системы управления и развитие самостоятельности деканов (в первую очередь финансовой самостоятельности) повлекла за собой логические изменения в хозяйственной структуре Московского университета. А. Н. Несмеянов поручил проректору профессору И. О. Броду подготовить проект новой хозяйственной структуры университета, который был обсужден на заседании Президиума Ученого Совета университета 10 мая 1948 г.

Профессор И. О. Брод представил схему взаимоотношений между руководителями основных единиц МГУ — факультетов, научно-исследовательских институтов под управлением ректората — с точки зрения тех изменений, которые было необходимо внести в хозяйственную структуру университета с децентрализацией его управления. В основу данной схемы были положены те функции каждого проректора, декана и ректора, которые были обозначены в уже упомянутом приказе А. Н. Несмеянова от 30 марта 1948 г. Профессор И. О. Брод так охарактеризовал предстоящие изменения хозяйственной структуры: «Если наша хозяйственная структура представляет собой конгломерат из крупных звеньев, и, с другой стороны, имеются какие-то небольшие, карликовые, иногда вполне самостоятельные организации, как отдельные исследовательские институты и до институтов совсем небольших, которые входят в баланс Университета, эта схема предусматривает резкую децентрализацию, если говорить о децентрализации в самом ректорате и, с другой стороны, наоборот, децентрализацию в каждом факультете»³.

Согласно представленной на рассмотрение схеме, основной хозяйственной финансовой единицей факультетов естественно-научного цикла становился непосредственно факультет, который теперь должен был выполнять не только всю научно-учебную деятельность по всем специальностям, но и стать прямым руководителем и ответчиком: каждый факультет получал свой баланс и смету, ответственность за всю хозяйственную и финансовую работу факультета ложилась на декана, а директора музеев и институтов при факультетах становились в финансовом отношении подчиненными декана. То есть титул института сохранялся, они по-прежнему проводили научные сессии, руководили группой исследовательских работ, но основные финансовые функции переходили на факультеты. Дополнительно выделялись в самостоятельные единицы административно-хозяйственного

³ Стенограмма заседания Президиума Ученого Совета университета от 10 мая 1948 г. // Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 114. Л. 378.

управления автобаза, контора снабжения, издательство, жилищно-коммунальный отдел.

Поскольку хозяйство гуманитарных факультетов было значительно меньшим, чем у естественно-научных (так как нет необходимости в проведении практикумов и лабораторных опытов), в представленной И. О. Бродом новой структуре университета все они объединились в одну единицу — «управления гуманитарных факультетов». Это объединение предлагалось как временное, обусловленное необходимостью. При этом проректор по группе гуманитарных факультетов получал финансовые и хозяйственные функции, которые на естественно-научных факультетах получали деканы.

Актуальность реформирования структуры университета была настолько очевидна, что ни одного возражения против представленной схемы не прозвучало. В целом схема, представленная проректором профессором И. О. Бродом, была утверждена, и ректор А. Н. Несмеянов ходатайствовал об утверждении новой структуры университета перед Советом Министров СССР⁴.

Таким образом, если до реформы хозяйственной структуры Московского университета все финансирование, распределение средств и ответственность за их расходование проходило через ректорат, то при представленной новой структуре все это переходило на факультеты, а в ведении ректората оставалась только главная бухгалтерия и плановый отдел, которые теперь становились главными распорядителями сумм, утвержденных ректоратом. При новой структуре деньги поступали на общеуниверситетский распорядительный счет, с которого не производится расходование этих средств, а «разассигнования» по отдельным хозяйственным единицам. Главный бухгалтер освобождался от финансовых дел факультетов, что позволяло более оперативно и эффективно контролировать расходование средств. Основные принципы управления учебно-научной и хозяйственной деятельностью университета оказались настолько жизненными, что созданная А. Н. Несмеяновым и развитая И. Г. Петровским система действовала в своей основе в МГУ более 40 лет.

⁴ Стенограмма заседания Президиума Ученого Совета университета от 10 мая 1948 г. // Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 114. Л. 382.

ПИОНЕРСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ЗДОРОВЬЕ ПИОНЕРОВ В ТУЛЕ В 1920-е ГОДЫ

А. С. Баташова
(ТГПУ)

Впервые в России санитарное просвещение как раздел государственной системы здравоохранения и медицинской науки сформировалось в 20-е гг. XX века. В это время актуальным был вопрос о здоровье рабочих и крестьян, а также их детей, которые стали рассматриваться как будущие строители новой жизни. Были приняты различные меры медицинского, социального характера для того, чтобы повысить уровень здоровья родителей и детей. Повсюду с помощью газет, плакатов, брошюр пропагандировалась гигиена и здоровый образ жизни.

Но таких действий было недостаточно, нужен был комплекс мер, охватывающий максимальное количество детей и помогающий им не только восстановить здоровье, но и научиться, как в будущем его сохранить. Для этих мер была задействована созданная 19 мая 1922 г. пионерская организация.

На основании источников партийного фонда № 1 Тульского губернского комитета ВКП(б) за 1917–1929 гг. можно увидеть, какие действия предполагалось осуществить для сохранения детского здоровья и соблюдения норм гигиены. К таким источникам относятся: протоколы губернского совещания пионерских работников; материалы работы оргбюро юных пионеров; протоколы заседаний советов пионерских отрядов; протоколы городских конференций юных пионеров¹.

Состояние детского здоровья в Туле в середине 1920-х гг. внушало опасение. Согласно тезисам доклада доктора Касаткиной на заседании президиума бюро юных пионеров за 1925 г., только 25 % детей были здоровыми, 75 % имели хронические заболевания, у 15 % детей был найден туберкулез, малокровием страдали 54,3 %, катар верхних

¹ Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 108. Д. 280, 361, 472.

дыхательных путей отмечался в среднем у 40 % пионеров, проблемы с зубами были почти у 75 % осмотренных детей. Высок был процент страдающих теми или иными нервными расстройствами. Головные боли отмечались у 55,5 %; дрожание век, пальцев, рук — у 9 %; лунатизм, бред бессонница — у 24,8 % детей. В целом по городу детей с полностью здоровой психикой было немного, в Центральном районе — 15 %, Зареченском — 9 %, Чулковском — 6 %².

Основными причинами такого плачевного состояния детского здоровья, по мнению докторов, являлись: голодные годы, «домашние условия жизни», чрезмерные школьные и отрядные обязанности³.

К названным причинам мы можем добавить: нервное перенапряжение, вызванное Гражданской войной и ее последствиями, жизнь в тесноте и антисанитарии, а также то, что многим детям с раннего возраста приходилось начинать работать.

Естественно, ситуация требовала скорейшего отклика от органов власти. После обнаружения исследований уровня детского здоровья 25 мая 1925 г. было созвано Губернское совещание пионерских работников⁴. На нем был разработан комплекс мер по укреплению и сохранению детского здоровья.

Во-первых, для того чтобы предотвратить дальнейший рост болезни среди детей, было решено, что всех вступающих в пионерские отряды необходимо было направлять к врачу для осмотра.

Во-вторых, в каждом пионерском отряде должна была появиться санитарная ячейка. Ее задачей было внедрение основных правил гигиены в жизнь пионеров и их семей:

- «1. Мыть ежедневно лицо, руки и шею.
2. Раз в неделю мыться целиком и горячей водой. Стричь коротко волосы, девочкам причесываться.
3. Чистить зубы утром и вечером.
4. Мыть руки перед едой.
5. Не грызть ногтей и карандашей.
6. Не брать ничего из чужого рта, не есть и не пить из чужой посуды.
7. Держать в чистоте одежду.
8. Не плевать на пол, не сорить, вытирать ноги перед входом.
9. Не пить спиртных напитков.
10. Не позволять целовать себя, других и животных»⁵.

² ГАТО. Ф. 108. Д. 472. Л. 50.

³ ГАТО. Ф. 108. Д. 361. Л. 16.

⁴ ГАТО. Ф. 108. Д. 361. Л. 15.

⁵ ГАТО. Ф. 108. Д. 361. Л. 35.

В-третьих, было предложено отправлять детей в дома отдыха. При этом путевки должны были получить пионеры, особо отличившиеся в ходе общественной работы.

Таким образом, действия власти в отношении детей должны были носить не только здравоохранительный, но и воспитательный характер.

Реализация перечисленных выше мер была unsuccessful. На основании доклада тов. Фоминой от 8 июля 1926 г. на заседании Президиума Губернского бюро юных пионеров можно сказать о том, что дома отдыха не оправдали своего названия и были неподходящим местом для ослабленных детей. В них не хватало посуды, лекарств, постельного белья, сахара. Дачи были плохо оборудованы и не подходили для детского отдыха⁶.

В докладе говорилось о том, что возникали проблемы и с составом отдыхающих детей. Они были различны по возрасту и социальному положению. Отсутствовала продуманная программа занятий, что приводило к чрезмерной нагрузке. У пионеров было мало свободного времени, они редко ходили в кино или театр.

Что касается медосмотров для детей, вступающих в пионерскую организацию, то на них часто не хватало средств, их выделяли недостаточно⁷. Наблюдать за состоянием здоровья пионеров приходилось не только медицинским работникам, но и пионервожатым. Они должны были в организации досуга детей уделять большое внимание закаливанию, спорту и прогулкам на свежем воздухе.

Таким образом, пионеры и пионерские работники были задействованы в мероприятиях по профилактике здоровья, по распространению среди детей и их родителей информации, касающейся гигиены быта. Но недостаток средств и ресурсов не позволил быстро исправить ситуацию с детским здоровьем в лучшую сторону.

⁶ ГАТО. Ф. 108. Д. 473. Л. 76.

⁷ ГАТО. Ф. 108. Д. 475. Л. 103.

И. А. ИЛЬИН: АНАТОМИЯ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Е. В. Бобровских
(МГУ)

В последнее время имя философа Ивана Ильина все чаще звучит с экрана телевизора. В. В. Путин, В. Ю. Сурков, В. В. Устинов и другие крупные политики не раз обращались к идеям Ильина и транслировали их в своих выступлениях. Чем эти идеи смогли так очаровать руководство страны? Иван Александрович Ильин писал в основном о России. Более полувека назад он предложил ответы на вопросы, которые вновь встали перед российской властью после распада Советского Союза. И одной из центральных тем его творчества была тема русской национальной идеи, создание которой до сих пор не удается новым кремлевским идеологам.

Русская идея Ильина на первый взгляд очень проста для понимания. Ильин дает нам представление о некоторых опорных элементах ее конструкции, но не спешит раскрывать их содержание до конца, как бы оставляя место для личного восприятия и субъективного прочувствования. «Русская идея есть нечто живое, простое и творческое»¹. По мнению Ильина, эта идея лишь формулирует то, что русскому народу уже присуще, что отличает его среди всех других народов. И в этой же идее содержатся исторические задачи, духовный путь и предназначение русского народа. Для полного ее раскрытия русскому народу нужно «сотворить вторичные силы своей культуры из первичных». Деление сил на «вторичные» и «первичные», по мнению Ивана Александровича, является выражением самобытности русской культуры. К «первичным» силам относится сердце, созерцание, свобода и совесть, из коих следует вырастить волю, мысль, форму и организацию («вторичные» силы). Основной духовно-творческой силой русской души является любовь. «Без любви русский человек есть неудавшееся существо»².

¹ *Ильин И. А. О русской идее I // Ильин И. А. О русском национализме. М., 2007. С. 109.*

² Там же. С. 111.

Для создания своей духовной культуры не следует прибегать к заимствованию и подражанию. «Каждый народ творит то, что он может, исходя из того, что ему дано. Но плох тот народ, который не видит того, что дано *именно ему, и потому ходит, подбирается под чужими окнами*»³. И Запад нам здесь не указ: «Нам нет спасения в западничестве. У нас свои пути и свои задачи. И в этом — смысл русской идеи»⁴.

При этом, создавая свою самобытную духовную культуру, нам следует заботиться не об оригинальности ее, а о предметности. Предметность — очень важная категория в философии Ильина. Она занимает центральное место в его теоретических построениях наравне с верой, свободой и любовью. Жить предметно — значит «службу превратить в *служение*, работу в *творчество*, интерес во *вдохновение*, “дела” освятить духом *Дела*, заботы возвысить до *замысла*, жизнь освятить *Идеей*»⁵. При этом сфера деятельности человека совершенно не имеет значения, так как жить предметно должен каждый. Предметность противостоит одновременно и безразличию, и своекорыстию и придает особый дух: дух искания, ответственности и служения. Предметность придает человеку чувство творческого участия «в деле мироустройства». Предметность, свобода и любовь составляют три закона духа, через примирения и сочетание которых Россия сможет выйти из кризиса и возродится к новому творчеству и новому расцвету.

Свобода нужна человеку не для «своеволия и саморазнуздания», а для предметной жизни, для «творческого самооформления». Человек, нашедший свою свободу и утвердившийся в ней благодаря предметности, знает, что уже ничто не сможет отнять или умалить ее. Источник свободы находится в высшем идеале. Для Ильина таким идеалом является Бог, от которого исходит «всяческая духовность». Русская религиозность обязана своим существованием русскому православию. Однако в деле построения единой русской нации религиозная принадлежность не является главным фактором. Люди разной веры должны обладать тремя вышеупомянутыми духовными основами, чтобы «слиться в единую национальную культуру». И главное для ее

³ Ильин И. А. О русской идее II // О русском национализме. М., 2007. С. 117.

⁴ Там же. С. 117.

⁵ Ильин И. А. О воспитании в грядущей России II // Ильин И. А. О русском национализме. М., 2007. С. 128.

создания — «воспитать в народе новый русский духовный характер»⁶. А для этого перед нами стоит задача «творить русскую самобытную духовную культуру — из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом — смысл русской идеи»⁷.

Основы самобытности культуры заложены в национальном инстинкте и дарах духа, данными каждому народу от природы или, точнее, от Бога. Сочетание инстинкта и духа создает свое неповторимое «драгоценное своеобразие»: «У каждого народа иной, особый душевный уклад и духовно-творческий акт»⁸. Национальный инстинкт Ильин называет инстинктом самосохранения, «и этот инстинкт есть состояние верное и оправданное»⁹. Он также является источником национализма. Однако истинный национализм, по Ильину, не следует путать с «химерами различного рода». Национализм Ильина построен не на «образе врага», в нем нет противопоставлений и отрицательной эмоциональной окраски. Национализм, по Ильину, покоится на таких столпах, как любовь, вера, воля, созерцание и вытекающей из них определенной системе поступков. Истинное национальное чувство является источником достоинства, единения и государственного правосознания.

Роль творить русскую самобытную культуру отведена народу. Более того, каждому человеку Ильин отводит «главенствующую роль миростроителя» и возлагает на каждого большие надежды. В своих работах Ильин предлагает нам некий идеальный образ русского человека. «Быть русским — значит не только говорить по-русски. Но значит — воспринимать Россию сердцем, видеть любовь ее драгоценную самобытность и ее во всей вселенской истории неповторимое своеобразие, понимать, что это своеобразие есть Дар Божий, данный самим русским людям, и в то же время — указание Божие, имеющее оградить Россию от посягательства других народов и требовать для этого дара свободы и самостоятельности на земле. Быть русским — значит созерцать Россию в Божьем луче, в ее вечной ткани, в ее не-

⁶ *Ильин И. А.* Что нам делать? // *Ильин И. А.* О русском национализме М., 2007. С. 9.

⁷ *Ильин И. А.* О русской идее II // *Ильин И. А.* О русском национализме М., 2007. С. 118.

⁸ *Ильин И. А.* О русском национализме I // *Ильин И. А.* О русском национализме М., 2007. С. 31–32.

⁹ Там же. С. 34.

преходящей субстанции и любовью принимать ее как одну из главных и заметных святынь своей личной жизни. Быть русским — значит верить в Россию так, как верили в нее все русские великие люди, все ее гении и ее строители»¹⁰. Образ русского человека у Ильина построен без оглядки на другие народы. Русский человек должен заглянуть в глубину своей души, увидеть то, что дано ему Богом, понять свое предназначение и предназначение России, принять его и действовать в соответствии с ним.

С точки зрения Ильина, в мировой истории России отведена духовно-культурная роль, соответствующая ее сущности и ее идее. Предназначение России не в великих экономических или политических достижениях. Она есть своеобразный мост, соединяющий духовные потенции и культурные ценности Европы и Азии, Запада и Востока, Севера и Юга, а также многочисленные народы и культуры внутри нее самой. «Россия не могла и не должна была стать путевой, торговой и культурной баррикадой; ее мировое призвание было прежде всего творчески-посредническое между народами и культурами, а не замыкающееся и не разлучающее...»¹¹

Интерес к творчеству Ивана Ильина вызван не только консервативными настроениями власти и общества, но и духовным поиском, связанным с отсутствием твердых теоретических оснований для формирования национального самосознания. Ильин показал нам возможность построения собственной национальной идеи без оглядки на другие страны и без противопоставления себя другим народам. Возможно, российской власти именно этого и не хватает. А для решения современных проблем, быть может, нужно лишь остановиться, заглянуть внутрь себя и двинуться вперед с хотя бы интуитивным осознанием исторических задач и духовного пути, предназначенного русскому народу.

¹⁰ *Ильин И. А. Почему мы верим в Россию? // Ильин И. А. О русском национализме М., 2007. С. 14.*

¹¹ *Ильин И. А. Россия есть живой организм I // Ильин И. А. О русском национализме М., 2007. С. 23.*

ОБЗОР АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАССКОГО В КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО (1864–1867 гг.)

Д. А. Вербицкий
(ТГПУ)

Современные исследователи уделяют внимание вопросам национальной политики Российской империи на «окраинах», постоянно привлекая материал по царству Польскому¹. При этом историки недостаточно изучают деятельность князя В. А. Черкасского, директора внутренних и духовных дел царства Польского (1864–1867 гг.).

В данной статье мы остановимся на обзоре неопубликованных источников по заявленной теме. Целью статьи является обращение внимания историков на редко привлекаемые материалы для написания исторических исследований.

Корпус неопубликованных источников довольно обширен. Одним из основных является Дневник супруги князя Е. А. Черкасской, состоящий из дневных записей, дополненных воспоминаниями. На его страницах мы находим важные сведения о последствиях реализации так называемой монастырской реформы. Е. А. Черкасская выражала точку зрения всего русского общества в Варшаве, опасавшегося волнений в Царстве, последовавших за насильственным закрытием монастырей, участвующих в январском восстании 1863–1864 гг. или имеющих недостаточное число монахов. Однако опасения были излишними: «Полное равнодушие всего польского общества к закрытию монастырей было доказательством того, как мало это учреждение имело корня в польском обществе; политические страсти одни сдерживали и укрепляли союз Польши с Римом и Латинством»².

¹ *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999; *Миллер А. И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000; *Он же.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006; и др.

² Дневник княгини Е. А. Черкасской. 1863–1867 гг. // НИОР РГБ (Научно-Исследовательский Отдел Российской Государственной Библиотеки). Ф. 327/1. К. 35. Ед. хр. 1/4. Л. 240.

Реализация реформы, острые обсуждения в Учредительном комитете (фактически правительстве) и противостояние влиятельной группировки, сплотившейся вокруг наместника царства Польского графа Ф. Ф. Берга, также нашли свое отражение на страницах Дневника Е. А. Черкасской³.

Княгиня писала о стремлении супруга запретить в царстве Польском религиозные общества, которые распространяли католичество в среде православных и униатов⁴. Очевидно, что радикальная политика в отношении католических обществ была выработана лично В. А. Черкасским. По-иному решались вопросы в отношении религиозных братств царства Польского. Князь писал: «Закрыть и упразднить в действительности все существующие в Польше римско-католические братства есть дело несбыточное», так как они существуют много веков и пустили глубокие корни в польском обществе⁵. Главная цель реформаторов при закрытии монастырей, религиозных обществ и братств заключалась в снижении католического влияния в стране.

Один из аспектов подготовки монастырской реформы, приведшей к закрытию значительной части монастырей в царстве Польском, отражен в Записке Н. А. Милютина⁶. В ней автор разрабатывал мероприятия по сбору сведений о римско-католических монастырях, которые стали основанием для обвинения их в «мятеже» 1863–1864 гг.

К источникам личного происхождения и законодательству относятся записки на имя В. А. Черкасского и докладные записки самого князя. Определенную ценность представляет записка «Об организации “Духовной полиции”», составленная для В. А. Черкасского в октябре 1865 г. и носящая гриф «секретно». Автор предлагал опереться в царстве Польском на «благонадежных ксендзов», которые в угоду личным интересам были готовы служить российскому правительству.

³ *Черкасская Е. А.* Дневник 1865 г. // НИОР РГБ. Ф. 327/І. К. 36. Ед. хр. 2. Л. 99; *Черкасская Е. А.* Дневник 1865 г. // НИОР РГБ. Ф. 327/І. К. 36. Ед. хр. 3. Л. 128, 137, 142.

⁴ Дневник княгини Е. А. Черкасской. 1863–1867 гг. // НИОР РГБ. Ф. 327/І. К. 35. Ед. хр. 1/4. Л. 246; *Черкасская Е. А.* Дневник 1865 г. // НИОР РГБ. Ф. 327/І. К. 36. Ед. хр. 1. Л. 12.

⁵ Переписка по делу о закрытии религиозных братств в Польше. 1867 г. Начало ответной записки кн. Черкасского // НИОР РГБ. Ф. 327/І. К. 52. Ед. хр. 9. Л. 28.

⁶ Записка о собирании сведений относительно римско-католических монастырей в Польше. Приложение к письму Н. А. Милютина от 9 мая 1864 г. // НИОР РГБ. Ф. 327/І. К. 30. Ед. хр. 16. Копия.

Предполагалось организовать встречи с католическими священниками для получения информации о «злонамеренных происках», «о скрытых действиях, тайных сношениях, затеях и т. п.»⁷. О секретной деятельности российского правительства в конфессиональной сфере царства Польского мы знаем немного. Видимо, записка могла быть одобрена, т. к. в архиве В. А. Черкасского сохранились дела о противоправных действиях католического и униатского духовенства, материалом для которых могли послужить доносы⁸.

Докладная записка В. А. Черкасского на имя Ф. Ф. Берга по вопросам, относящимся к римско-католическому исповеданию, фактически являлась программным документом князя, где высказывались предложения подчинения польской церкви Санкт-Петербургской римско-католической духовной коллегии, упразднения Варшавской митрополии, подсудности духовных лиц Царства центральным духовным органам Империи, объединения Варшавской католической академии с Санкт-Петербургской, введения присяги католических епископов на верность императору, а главное, внесения изменений в конкордат 1847 г., противоречащий интересам Российской империи⁹. Записка была объектом исследования А. Н. Кострыкина, который показал ее важнейшее значение при исследовании конфессиональной политики второй половины 1860-х гг. в Польше¹⁰.

Сохранилось несколько документов о политике русских властей в отношении униатского населения царства Польского. Незадолго до своей отставки в июне 1866 г. В. А. Черкасский в докладной записке Ф. Ф. Бергу высказывал мнение о необходимости избрания на долж-

⁷ Записка об организации «Духовной полиции». 31 октября / 12 ноября 1865 г. // НИОР РГБ. Ф. 327/І. К. 31. Ед. хр. 19. Л. 1 об. — 2.

⁸ НИОР РГБ. Ф. 327/І. К. 33. Ед. хр. 16, 33; К. 34. Ед. хр. 31; О действиях каноника Щигельского — справка рукою Ю. Ф. Каширина. Приложение к письму Черкасского от 25 октября 1865 г. 2 л. // НИОР РГБ. Ф. 327/І. К. 31. Ед. хр. 15; Записка о действиях еп. Лубенского и каноника Щигельского. 15/27 декабря 1865 г. // НИОР РГБ. Ф. 327/І. К. 31. Ед. хр. 20; Сведения о сношениях Щигельского, Лясоцкого и др. с еп. Фелинским и папой Пием ІХ. 1866 г. 4 л. // НИОР РГБ. Ф. 327/І. К. 33. Ед. хр. 53.

⁹ Докладная записка его сиятельству наместнику в Царстве Польском главного директора внутренних и духовных дел. 5/17 мая 1866 г. Варшава // НИОР РГБ. Ф. 327/І. К. 40. Ед. хр. 2.

¹⁰ Кострыкин А. Н. Формирование новой конфессиональной политики России в Царстве Польском (Сер. 60-х годов XIX в.) // Вестник МГУ. 1995. № 4.

ность епископа Холмской епархии своего ставленника И. Войцицкого¹¹. Должность осталась вакантной из-за удаления бывшего епископа-номината И. Калинского, противника проектов В. А. Черкасского¹². Заметим, что И. Войцицкий был женат, что не помешало князю добиться его назначения. Одним из важных оснований протектирования И. Войцицкому было отсутствие у него украинофильских идей, что совпадало с интересами российского правительства, стремившегося ограничить рост национального самосознания украинцев. Новый епископ должен был, в частности, вводить русский язык вместо польского в церковную проповедь. Отметим, что И. Калинский потерял вотум доверия В. А. Черкасского из-за своей попытки заменить язык проповеди с польского на русинский. Вместе с этим записка интересна предложением В. А. Черкасского в случае невозможности назначить И. Войцицкого распространить на Холмскую епархию «коллективное консисторское управление», т. е. уйти в вопросе управления епархией от единоначалия.

Перипетии борьбы «за души» и использование административного ресурса в религиозных вопросах мы находим в разработанном В. А. Черкасским Циркуляре. Согласно сведениям князя латинское духовенство неоднократно «сворачивало» униатское население в свою веру. В. А. Черкасский предлагал отказаться от ссылки католиков в сибирские губернии за эти нарушения, а наказывать «умеренными, но неизбежными взысканиями»¹³. Католикам запрещалось любое участие во внутренних делах униатских приходов. Тех же униатов, которые уже были приписаны к римско-католическим приходам, князь предлагал «считать во всех гражданских и церковных актах греко-униатами»¹⁴. Русская администрация в царстве Польском следовала своеобразному принципу справедливости, используя административ-

¹¹ Докладная записка заместителю гр. Бергу о состоянии русского дела в Холмской епархии. 30 июня / 12 июля 1866 г. // НИОР РГБ. Ф. 327/1. К. 34. Ед. хр. 5. Писарская копия.

¹² Записка об удалении св. Калинского и назначении на его место протоиерея Войцицкого от 14/26 сент. 1866 г. 6 л. // НИОР РГБ. Ф. 327/1. К. 34. Ед. хр. 28. Копия.

¹³ Циркуляр о свращении униатов в католическую веру. 11/23 мая 1866 г. Приложение к письму Черкасского князя Владимира Александровича Милютину от 15 марта 1866 г. // НИОР РГБ. Ф. 327/1. К. 34. Ед. хр. 19. Л. 4.

¹⁴ Там же. Л. 5.

ный ресурс. Конечно, правительственные мероприятия не имели ничего общего со свободным волеизъявлением униатского населения.

Большое внимание В. А. Черкасский уделял строительству униатских и православных святынь в царстве Польском. В архиве сохранилась специальная инструкция, в которой смело заявлялось, что в Польше ремонт ветхих и строительство новых церквей должен быть закончен в течение пяти лет¹⁵. Для этого выделялись большие суммы и использовались типовые проекты, которые лично одобрял В. А. Черкасский.

Привлечение архивных материалов позволит исследователям более глубоко изучить подготовку и реализацию конфессиональной политики в царстве Польском во второй половине 1860-х гг. и определить роль в ней князя В. А. Черкасского. Как свидетельствуют неопубликованные материалы, князь имел заметное влияние на реформирование конфессиональной сферы Царства. Более того, В. А. Черкасский был главным исполнителем правительственной линии и разработчиком многих положений, ставших составной частью именных указов и рескриптов.

¹⁵ Инструкция для постройки новых и исправления ветхих греко-униатских церквей в Царстве Польском. 1865 // НИОР РГБ. Ф. 327/1. К. 38. Ед. хр. 53. Л. 18 об. Оттиск.

ОБЩЕСТВО ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ «ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОСОБНЯК»: ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКИ

А. А. Веселов
(ГУУ)

В фондах Государственного архива Российской Федерации хранятся документы литературного отдела Наркомпроса РСФСР, рассказывающие о деятельности малоизученного московского объединения поэтов и писателей «Литературный особняк»¹ (неоклассического направления). Его членами были: В. Брюсов, К. Бальмонт, Арго (А. Гольденберг), имажинист и друг Есенина М. Ройзман, В. Ковалевский, Н. Бенар, С. Укше, В. Федоров и др.

«Литературный особняк» официально просуществовал с 1919 по 1929 г. и выпустил всего два сборника стихов в 1922 и 1929 г. Эти стихи, разбросанные по малоизвестным альманахам 20-х гг. (таких как «Эпоха», например), никогда не переиздавались. Но интересны не только стихи.

Документы о «Литературном особняке» ГА РФ включают в себя: манифест неоклассиков², сметы и ведомости литературного общества³, списки членов кружка, коллективное письмо к Луначарскому⁴.

Материалы о неоклассиках представлены не только в архивах, но и в литературных альманахах, газетах и журналах 20-х гг. («Шиповник», «Печать и революция», «Новости литературы», «Книжный угол», «Жизнь искусства», «Красная новь», «Абракас», «Эпоха» и др.). Так, например, в Москве в 1923–1925 гг. выходили выпуски альманаха «Лирика. Неоклассики».

¹ Наркомат — Министерство просвещения РСФСР // ГА РФ. Ф. А-2306.

² Манифест неоклассиков // ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 22. Д. 57. Л. 25.

³ Текущая документация общества «Литературный особняк» // ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 22. Д. 56. Л. 15–17.

⁴ Там же. Л. 20.

Кроме того, существуют альманахи, изданные Всероссийским союзом поэтов и Московским цехом поэтов, где также печатались члены «Литературного особняка». Прежде всего, это «СОПО» (М., 1920) и «Стык» (М., 1925). Антология «Поэт наших дней» (М., 1927), куда вошли неоклассики, была также издана Всероссийским союзом поэтов. Но неоклассики печатались не только в московских изданиях. Например, в Рязани издавался альманах «Киноварь» (1921).

Из библиографических изданий большую помощь в изучении оказали следующие работы: «Материалы к библиографии русских художественно-литературных альманахов и сборников. 1900–1937 гг.»⁵; «Литературно-художественные альманахи и сборники. 1900–1937 гг.»⁶; «Писатели современной эпохи. Словарь русских писателей XX века» под редакцией В. П. Козьмина⁷ (Т. 1. М., 1991).

Очень много информации о сборниках, в которых публиковались поэты «Литературного особняка», было почерпнуто из каталога «Русские поэты XX века в библиотеке Н. К. Гудзия. Издания 1890–1965 гг.»⁸ (М., 1996). В каталоге перечислены поэтические сборники из личной коллекции Н. К. Гудзия, хранящиеся в научной библиотеке МГУ. Это одно из немногих изданий, где упоминается об альманахах «Литературный особняк» (М., 1922; 1929).

Уникальна прежде всего деятельность «Литературного особняка», проводившего в то голодное время конкурсы поэтов и переводчиков с денежными премиями исключительно для помощи беднейшим поэтам, устраивавшего бесплатные лекции и концерты для местного населения. Работали бесплатные курсы языков и дешевая столовая. Это все происходило, несмотря на то что неоклассикам средств выделялось намного меньше, чем «революционно настроенным» футуристам и пролеткультовцам.

Суровая зима и усиливающийся голод 1919 г. сопровождалась нависшими репрессиями в литературной среде; в числе подвергшихся

⁵ Богомолов Н. А. Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. 1900–1937. Т. 1–2. М., 1994.

⁶ Литературно-художественные альманахи и сборники. 1900–1937: Библиографический указатель / сост. О. Д. Голубева, Н. П. Рогожин. Т. 1–4. М., 1957–1960 гг.

⁷ Писатели современной эпохи: Библиографический словарь русских писателей XX века / под ред. В. П. Козьмина. М., 1928. Т. 1.

⁸ Русские поэты XX века в библиотеке Н. К. Гудзия: издания 1890–1965 гг.: каталог. М., 1996.

арестам — А. Амфитеатров, А. Блок, Е. Замятин, Р. Иванов-Разумник, А. Ремизов, Ф. Сологуб и др. 7 июня арестовали Ю. Балтрушайтиса, после недельного заключения он был освобожден благодаря хлопотам М. Гершензона и А. Луначарского⁹.

Несмотря на все лишения, творческая жизнь Москвы не прекращалась и в холодном, голодном 1920-м году, во многом благодаря деятельности «Литературного особняка». 19 января было проведено собрание кружка, посвященное творчеству К. Д. Бальмонта; с докладом о его поэзии выступил В. Бутягин, О. Леонидов прочитал сонет, а сам мэтр читал стихи из новой книги «Дар земле» и венок сонетов «Перстень»¹⁰.

Кстати, вопрос об отношениях Луначарского и «Литературного особняка», неоклассиков и государственной машины, о существовании подобного литературного объединения на фоне эпохи 20-х гг. представляется чрезвычайно интересным для будущего исследования.

В связи с этим необходимо если не детальное изучение, то, по крайней мере, знание проблемы «альянса» объединений творческой интеллигенции с советской властью. Так, интересна публикация материалов Наркомпроса с вступительным словом Р. Янгирова «Великая утопия»¹¹.

Создание иерархического аппарата управления искусством и творчеством художественной интеллигенции вело к сползанию государства с демократических начал, существовавших в некоторой степени в первые два-три года Советской власти, к системе командования и в этой области. Уже к 1920-м гг. принципы демократического развития литературы, искусства, народного творчества, провозглашенные октябрём 1917 г., оказались простыми декларациями, лозунгами, которые так и не получили цивилизованного развития.

Однопартийная система, присваивавшая монопольное право на духовную жизнь общества и диктат в экономике, не могла чувствовать себя всеобъемлющей, если литература и искусство оставались бы

⁹ Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. М., 2005. С. 411.

¹⁰ Там же. С. 502.

¹¹ Янгиров Р. «Великая утопия»: К истории пореволюционной идейной эволюции художественного авангарда // Литературное обозрение. 1993. № 9–10. С. 56–60.

свободными от диктата власти. Поэзия и музыка, театр особенно опасны, ибо в них творец мог уйти от господствующей идеи, а с помощью своих изобразительных и эмоциональных средств настроить массы против существующей власти. В этих обстоятельствах творческая интеллигенция стала искать компромисс с властью. История кружка «Литературный особняк» это четко подтверждает. Творческая интеллигенция стала объединяться в профессиональные союзы по интересам и направлениям творчества на новой основе, тем самым помогая себе выдержать суровые условия жизни в России.

РУССКИЙ СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ «ЛЕЧЕБНИК» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ

Ф. Д. Воронов
(ПетрГУ)

Перед тем, как представить содержание и анализ «Лечебника», необходимо выделить два основополагающих аспекта:

1. Первые записи медицинских сведений, появившиеся в Московском государстве, были привезены иностранными специалистами (врачами и аптекарями). Такая литература распространялась в рукописных списках, в которые постепенно проникали знания, накопленные русским народом. В русском варианте такие рукописи называли «Травники», «Зелейники», «Вертограды лечебные» и т. д.

Содержав в основном знания о траволечении, эти рукописи имели большую ценность. Хранились они в монастырях и лечебницах и могли приобретаться людьми как зажиточными, так и (по возможности) другим грамотным населением. Заказчики и переписчики порой включали в тексты упоминания имен выдающихся врачей древности (таких как Аристотель, Гален, Гиппократ), иногда добавляя отрывки из их произведений (или же отсылки на них).

2. Наряду с переводными книгами (ярчайшим примером является «Прохладный Вертоград») стали появляться и рукописные тетради с лечебными записями в среде простонародья, крестьян. И пусть в них не было знаменитых имен, но содержалось гораздо больше народного опыта врачевания. На то, что рукопись была выполнена в старообрядческой среде, указывают некоторые грамматические особенности, характеристики и традиции оформления. В первую очередь обращает на себя внимание принятое у староверов написание имени Спасителя — Иисус, и название книги псалмов «Псалтырь» (в «официальном» церковном написании соответственно Иисус и «Псалтирь»).

«Лечебник» представляет сложное по структуре произведение, к тому же богато проиллюстрированное: 12 заставок, 86 инициалов, 2 концовки. Рисунки сделаны в подражание византийскому стилю.

Оригинал рукописи хранится в Алтайском краеведческом музее, объединенный в одну книгу с «Травником» под названием «Действу-

ющий травник с лечебником». «Лечебники» крайне редки, что, безусловно, повышает значимость рукописи как источника по народной медицине. Особая ценность «Лечебника» связана с тем, что старообрядческое сообщество является крайне закрытым и предоставленная рукопись является невероятно ценным документом, описывающим развитие народной медицины. Также необходимо отметить то, как исключительно важен анализ рукописи со стороны современной медицины, фармакологии и фармакогнозии. Ведь среди людей, работающих с историческими документами, редко найдутся те, кто сможет оценить важность и актуальность «Лечебника» в современном мире синтетических лечебных препаратов. Но и среди врачей и провизоров едва ли отыщутся специалисты, способные оценить вклад рукописи в историю, а также проанализировать документ в сравнении с «Травниками», переведенными с иностранного языка. И в этом отношении «Лечебник» представляет особый интерес для истории медицины.

Текст «Лечебника» представляет собой компиляцию из разных источников. На это указывает наличие повторных рецептов одних и тех же растений, которые несколько различаются по содержанию (зоря, крапива, мята, щавель). К тому же по стилю написания и по содержанию прописей весьма четко выделяются отдельные блоки. Так, «Лечебник» содержит рецепты, аналогичные с народными «Травниками», и имеется блок заимствований из работ врачей древности (во временном диапазоне от IV в. до н. э. до XI в. н. э.), блок рецептов, восходящих к средневековой медицине и, наконец, перечень готовых лекарственных средств, предлагавшихся в аптеках времени создания рукописи (вторая половина XVIII в.).

Возможно, что составителями «Лечебника» являлись местные медицинские работники, использовавшие различные рукописные сборники рецептов, которые имели хождение среди населения. Написание текста всей рукописной книги и ее изготовление было поручено старообрядцам. Позже карандашом прописывались названия отдельных трав и лекарств, а затем было проведено художественное оформление в характерном для старообрядцев стиле. Этим объясняется то, что некоторые наименования были искажены при прорисовке их чернилами, а некоторые, более трудные для прочтения, остались в карандашном варианте и от времени частично стали нечитаемы.

Основную часть «Лечебника» составили рецепты, предполагавшие использование готового лечебного сырья, которое можно приобрести у торговцев или в аптеках. В этих рецептах отсутствуют сведения о морфологии трав и условиях их произрастания, а указаны целебные

свойства («имеет силу», «имеет мочь»), способы приготовления и употребления.

Несколько рецептов подкреплены отсылками на известных врачей древности. Цитаты из них приведены в стандартной форме: «Ависена глаголет» или «Диоскер глаголет». Имена некоторых врачей написаны с ошибками, что свидетельствует о переписывании текстов людьми, слабо осведомленными в медицине.

В другой группе рецептов свойства растений определяются исходя из представлений о природе веществ, которые были распространены в Средние века в европейском медицинском мире (сухие и мокрые, теплые и холодные). Так, в «Лечебнике» сообщается, что *мускат*, или «мушкат, есть зелие тепло и мокро», а *укроп* — «сух и тепел».

Последнюю часть «Лечебника» составляют перечисления готовых лечебных средств, основанных на растительном сырье, с указанием их целебных свойств (сиропы, мази, пластыри). По замыслу составителя, лекарства должны были иметь латинские названия, например *Мазь пекторале*, которую можно иначе назвать *грудная*, или *Мазь педикорум* от насекомых (педикулез — завшивленность). Однако многие наименования лекарств остались не прописанными, в имеющихся же есть ошибки, а при некоторых рецептах вместо названия указано назначение: «Пить от звону» или «От жабы в горле».

Наличие ошибок и пропущенных наименований свидетельствует о том, что рукопись не была выверена специалистом, ее заказавшим, то есть по каким-то причинам осталась незавершенной.

В «Лечебнике» как бы соединено несколько исторических пластов, отражающих развитие медицинских. Можно считать, что в рукописи сконцентрирован народный опыт, накапливавшийся в течение столетий вплоть до последней трети XVIII в.

В большинстве рецептов требовалось произвести некоторую предварительную обработку растительного сырья: настоять, отварить, оттомить, прожарить и даже сжечь. Иногда рекомендовалось истолочь растение или растереть его. Во многих рецептах предлагалось соединить несколько компонентов, то есть готовить более или менее сложные смеси.

В качестве сопутствующих и дополнительных использовались вещества преимущественно растительного происхождения, реже — животного, а также металлы и минералы. Во многих рецептах рекомендовалось употреблять лекарства вместе с жидкостями, среди которых кроме воды названы соки, меда, алкогольные напитки отечественные и импортные (пиво, водка, фряжское вино), укусы и даже белила с

политурой, а кроме того давались общие указания: «со иным питием», «в брашне».

В старинных сборниках народной медицины — «Травниках», «Зелейниках» и др. — мало внимания уделяли дозировке. Также и в рукописи XVIII в. фитотерапевтические прописи даны в большинстве без указания соотношения компонентов при составлении смесей. Лишь в некоторых заимствованных рецептах определены дозы. Точные пропорции смесей определены только в последней части «Лечебника» в некоторых рецептах изготовления мазей и пластырей.

В большинстве рецептов не оговаривался режим лечения. Замечания, разбросанные на этот счет по тексту, мало что объясняют: «приятно как нибудь», «пити по всякие дни, доколе полегчает», «пей непрестанно» или «во всякое время», то есть они ориентированы на ощущения и потребности больного. Более четко определялся ритм приема снадобий по времени суток. Один из сиропов предлагалось принимать «и на ночь и на утра». В разделах о сиропах, мазях и пластырях указания были определеннее: «пити по стакану два раза в сутки» или «два раза по рюмке в сутки». Мази, соответственно, предлагалось «мазать пером четыре раза в сутки». Как видно из приведенных примеров, советы по употреблению готовых форм лекарств отличаются четкими указаниями дозировки и режима лечения, что сближает их с установками, принятыми в профессиональной медицине.

При всем этом последняя часть «Лечебника» сохраняет элементы народного целбника. Некоторые рецепты были дополнены отзывами и рекомендациями от лица переписчика. Среди как бы профессиональных прописей помещены заговоры, не всегда имеющие отношение к медицине, например «От собачьего лая». Заканчивается рукопись рецептом от многих болезней, также снабженным ремарками. Переписчик завершает его словами, которые можно считать отражающими сущность восприятия обывателями народной медицины: «Одним словом, это такое лекарство, которое почти ничего не стоит, но есть принято общим лекарством человеческого здравия».

СОЗДАНИЕ МОЛДАВСКОЙ АССР И ФОРМИРОВАНИЕ МОЛДАВСКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО РУКОВОДСТВА

*аспирант А. А. Воронович
(Центрально-Европейский Университет, Будапешт,
факультет истории)*

12 октября 1924 года 3-я сессия Всеукраинского ЦИКа приняла решение о создании Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики на левом берегу Днестра. Советская историография обычно начинала описание создания первой молдавской советской государственности со ссылки на воспоминания маршала Советского Союза С. М. Буденного, согласно которым еще в 1923 году на его квартире Г. И. Котовский и М. В. Фрунзе обсуждали создание республики на левобережье Днестра¹. Однако проверить истинность этой истории весьма проблематично и вполне возможно, что это красивая историческая выдумка. Тем не менее идея витала в воздухе.

Именно с целью обсуждения возможности создания республики 4 февраля 1924 года прошло заседание инициативной группы, которая преимущественно состояла из румынских и бессарабских коммунистов-иммигрантов². Результатом заседания стал документ, который был послан с грифом «Совершенно секретно» в ЦК РКП(б) с копией ЦК КП(б)У³. В докладной записке отмечалось, что будущая Молдавская республика будет как поднимать культурный и экономический уровень местного населения, так и служить плацдармом для распространения советского влияния в Бессарабии. Собственно этот документ запустил процесс, который в конечном итоге приведет к образованию Молдавской АССР.

¹ Образование Молдавской ССР и создание коммунистической партии Молдавии. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1984. С. 44–45.

² Протокол заседания инициативной группы от 4 февраля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 289. Д. 1. Л. 1–2.

³ Докладная записка о необходимости создания Молдавской Советской Социалистической Республики // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 289. Д. 1. Л. 14–19.

Процесс создания Молдавской АССР встречал немало проблем и стал ареной многочисленных партийных споров. Один из основных конфликтов был связан с формированием руководства будущей республики, что в свою очередь играло ключевую роль в выборе направления развития будущей республики. Современные исследования уже пролили некоторый свет на существование двух групп, претендовавших на руководство Молдавской республикой⁴. Одна группа состояла преимущественно из румынских коммунистов-иммигрантов во главе И. Дическу-Диком, которые в основном работали по линии Коминтерна в Москве. Другая группа состояла из бессарабских и местных левобережных коммунистов и занималась, главным образом, партийной и управленческой работой в юго-западных районах Украинской ССР, в том числе и на территории будущей Молдавской АССР. У двух групп были разные представления о стратегии развития республики. Так, румынские коммунисты считали, что Молдавская республика должна была стать революционным центром для всей Румынии, где проводилась бы усиленная политика румынизации населения и готовились бы революционные кадры для подпольной работы на румынской территории. Для румынских коммунистов между молдаванами и румынами и, соответственно, между молдавскими и румынскими языками и культурами не было никакой разницы. В свою очередь их противники исходили из предположения, что между молдавским и румынским нельзя ставить знак равенства, так как это разные, хоть и близкие, языки, культуры и, в конечном счете, национальности. Соответственно для бессарабских и левобережных коммунистов Молдавская АССР должна была стать магнитом только для Бессарабии, а не для Румынии, и в республике должна была проводиться политика молдовенизации. Именно последние сформировали руководство республики, хотя докладная записка, положившая начало всему процессу, была подписана преимущественно румынскими коммунистами. Каким образом румынские коммунисты, инициировавшие процесс создания Молдавской АССР, в конечном итоге не получили доступа к руководящим должностям в республике?

На мой взгляд, ключевую роль в выборе в пользу бессарабских и левобережных коммунистов сыграло украинское советское руководство⁵. Именно украинское руководство принимало многие основные

⁴ *Galuscenco Oleg*. Crearea Republicii Sovietice Socialiste Moldovenesti // Revista de Istorie a Moldovei. 1997. С. 3–4.

⁵ Некоторые исследователи уже отметили определенную роль украинских властей, хотя и без подробных объяснений. *Cojocarul Gheorghe E.* (ред.). Cominternul și Originele “Moldovenismului”. Chișinău, 2009. С. 18–19.

решения, связанные с образованием Молдавской АССР. Москва же активно не участвовала, за исключением нескольких случаев, в этом процессе, фактически предоставив украинским властям карт-бланш. Одним из объяснений такого «самоустранения» Москвы может быть тот факт, что приблизительно в это же время, в апреле 1924 года, украинским властям пришлось уступить по экономическим соображениям РСФСР преимущественно русскоязычный промышленный район на юго-восточной границе⁶. Именно в это же время «инициативная группа» пыталась получить еще одну часть украинской территории под создание Молдавской республики. Неудивительно, что перспектива потерять контроль над еще одним регионом была мало привлекательна для украинских властей. Поэтому, чтобы не провоцировать недовольство украинского руководства, Москва уступила ему право принимать большинство основных решений по Молдавской АССР, в частности и по формированию руководства республики. Однако почему именно бессарабские и левобережные, а не румынские коммунисты и их идеи, вызвали симпатию у украинского руководства? Мне представляется, что на их выбор повлияло несколько факторов.

Во-первых, планы тотальной румынизации населения Молдавской АССР, которые вынашивали румынские коммунисты, отталкивали украинское руководство, так как изначально было ясно, что на территории республики будет проживать немало украинцев. Во-вторых, и главное украинские власти боялись потерять контроль над политическими процессами в уязвимом пограничном регионе. У украинских властей практически не было рычагов влияния на румынских коммунистов, которые работали по каналам Коминтерна и апеллировали непосредственно к московскому руководству, таким образом часто игнорируя украинское руководство. В свою очередь румынские коммунисты не согласились бы на жесткий контроль со стороны украинцев над их амбициозным проектом.

В свете этих соображений бессарабские и левобережные коммунисты подходили украинскому руководству в большей степени. Они уже какое-то время работали в местных обкомах КП(б)У. В результате они были более знакомы украинскому руководству и были уже

⁶ О пограничных спорах между РСФСР и Украинской ССР смотри: *Terry Martin*. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001. С. 274–282; *Hirsch Francine*. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, 2005. С. 155–160.

частью советской украинской политической системы. Кроме того, у них не было сильных связей в Москве, и они не могли в отличие от румынских коммунистов решать вопросы через голову украинского руководства. Более того, местным коммунистам приходилось как раз опираться на поддержку украинской партии в их спорах с румынскими коммунистами.

В результате, как украинские власти, так и бессарабские и левобережные коммунисты оказались в выигрыше. Последние получили руководящие посты в Молдавской АССР и поддержку КП(б)У. В свою очередь украинское руководство получило гарантии, что процессы в Молдавской АССР будут под его контролем.

МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ НИЖНЕВОЛЖСКОГО РЕЧНОГО ПАРОХОДСТВА В 1930–40-е гг.: ПОИСК, РАЗРАБОТКА И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ

*к.и.н. О. А. Гоманенко
(ВолГУ)*

Источниковую базу исследования истории Нижневолжского речного пароходства (НВРП) составляет широкий круг опубликованных, а также целый пласт делопроизводственных и статистических источников, отложившихся в 30 фондах девяти центральных и местных архивов РФ и не введенных до сих пор в научный оборот: приказы, отчеты, статистические сводки и т. д. С одной стороны, такая разбросанность документов по различным архивам и фондам значительно осложняет исследовательский процесс. С другой — только систематическое исследование архивных фондов различных учреждений и ведомств (не только речного флота) и изучение комплекса материалов по социально-экономическому развитию речного транспорта в 1930–40-е гг. позволяют получить достоверные сведения о работе Нижневолжского пароходства.

Особую ценность представляют неопубликованные документы официального делопроизводства и статистические материалы, хранящиеся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Прежде всего, годовые эксплуатационные отчеты НВРП, содержащие наиболее полные сведения о работе водного транспорта региона (фонды Народного комиссариата водного транспорта и Министерства речного флота), о контингенте пароходства, среднемесячной заработной плате и т. п. (фонд Министерства финансов). Объяснительные записки к годовым отчетам НВРП, статистические и другие сводные данные Народного комиссариата речного флота (фонды Центрального статистического управления при Совете Министров и Государственного планового комитета Совета Министров) не только дают достаточно полное представление о работе пароходства, но и подтверждают сведения, содержащиеся в отчетах Наркомата водного транспорта и в опубликованных статистических данных по основным показателям работы речного флота (перевозки грузов и пассажиров в 1930-е гг.).

Если в РГАЭ представлена в основном годовая отчетность по итогам работы пароходства, то в местных архивах находятся отчеты по каждому месяцу навигации. Сопоставление таких данных кропотливо, но позволяет установить достоверность итоговых показателей по перевозкам грузов и пассажиров.

В комплексе массовых источников четко отделить делопроизводственную документацию от статистических материалов не всегда возможно. Так, большую часть делопроизводственных документов по развитию и деятельности водного транспорта составляет статистика. Учетная документация по пароходству близка по своей природе к статистическим источникам, которые помогают выявить общее состояние экономического и социального развития на предприятиях речного флота Нижней Волги до и во время войны. Данные делопроизводства по количеству перевезенных грузов и пассажиров НВРП можно подвергнуть статистической обработке.

Таким образом, поиск, разработка и систематизация перечисленных выше массовых источников позволяют провести комплексное историко-экономическое исследование деятельности НВРП и выяснить специфику организации навигационной работы водного транспорта Нижней Волги: грузовые и пассажирские перевозки, уровень технических возможностей и кадровый потенциал пароходства.

**КОМИНТЕРН И ПРАВИТЕЛЬСТВА
НАРОДНОГО ФРОНТА ВО ФРАНЦИИ И ИСПАНИИ
В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
1935–1938 гг.**

Н. Н. Довжик
(РГАСПИ)

Вторая половина 1930-х гг. — время постепенного нарастания и развития военной угрозы. Агрессивные действия фашистских государств в Европе и за ее пределами неуклонно вели мир ко Второй мировой войне.

Однако в правящих кругах великих держав не было единства в видении обстановки и направлениях внешней политики. Политической силой, неуклонно провозглашавшей наличие военной опасности, стремившейся указать миру на опасность фашизма, было мировое коммунистическое движение, подчиненное единому центру — Коммунистическому Интернационалу, руководство которого находилось в Москве — столице социалистического государства.

В 1935–1938 гг. Коминтерн, поддерживая внешнеполитический курс Советского Союза, отстаивал идею создания системы коллективной безопасности — совместных действий государств для поддержания мира и противостояния актам агрессии.

На VII конгрессе Коминтерна, проходившем с 25 июля по 20 августа 1935 г. в Москве, произошел поворот в тактике организации. В знаменитом докладе Г. Димитрова «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма» была дана установка на создание единого фронта рабочего класса против фашизма. Он предполагал единство действий рабочих Коммунистического и Социалистического Интернационалов на всех уровнях — начиная с предприятия или района, заканчивая всемирным союзом двух организаций для оказания мощного отпора фашизму. Провозглашался также курс на создание широкого народного фронта — установление единства действий пролетариата

с крестьянством, массой городской мелкой буржуазии, всех антифашистских элементов¹.

Предполагалась возможность создания правительства Народного фронта, не являющегося формой диктатуры пролетариата, но представляющего собой «...правительство борьбы против фашизма и реакции»². Особенность его в том, что «это должно быть правительство, возникшее в результате движения единого фронта и никоим образом не ограничивающее деятельность коммунистической партии и массовых организаций рабочего класса, а, наоборот, предпринимающее решительные меры против контрреволюционных финансовых магнатов и их фашистских агентов»³. Таким образом, правительство Народного фронта является «правительством политического кризиса перед лицом мощного антифашистского массового движения, правительством, опирающимся на широкий единый фронт, правительством, направленным против фашистов, которое осуществит ряд мероприятий в пользу трудящихся масс»⁴.

Поворот в тактике Коминтерна был вызван складывающейся политической ситуацией и продиктован политическими требованиями момента. Революционные призывы уступают место более гибкой тактике. Главной задачей становится сохранение мира, недопущение новой войны.

Задачей данного исследования, основанного на документах архива Коминтерна, содержащихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), является выявление роли Коминтерна в попытках создания системы коллективной безопасности, взгляда руководства организации на проблему безопасности в Европе. Данная тематика рассмотрена нами на примерах двух стран, в которых в указанный период происходили одни из важнейших исторических событий. Кроме того, именно во Франции и Испа-

¹ *Димитров Г.* Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. Доклад на VII всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала 2 августа 1935 г. // VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975. С. 137, 144.

² Там же. С. 172.

³ Там же.

⁴ Директива ИККИ КП Франции от 23.10.1935 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 18. Д. 1023. Л. 16.

нии были созданы правительства Народного фронта. В этих странах борьба объединенных сил коммунистов и социалистов имела особенное значение и оказала непосредственное влияние на европейскую безопасность.

Франция стала для коммунистического движения страной, где им были достигнуты во второй половине 1930-х гг. наибольшие результаты. В 1935 г. решения VII конгресса были для Франции наиболее актуальны. Она стала первой страной, где коммунисты пошли на такой беспрецедентный для себя шаг, как вхождение в правительство после парламентских выборов 1936 г. Задачей коммунистов, также сформулированной Г. Димитровым в докладе на VII конгрессе, была реализация не только политических, но и в первую очередь экономических и социальных задач, препятствующих развитию монополистического капитала, а следовательно, и фашизма во Франции. Проведение ряда социальных реформ, запрет фашистских организаций предотвратило их приход к власти и само по себе стало вкладом в дело европейской безопасности.

Как видно из документов ИККИ по французскому вопросу, партия уделяла особое внимание национальной проблеме во Франции, а также тесно связанным с ней внешнеполитическим проблемам: проблеме Версальского договора и франко-немецких отношений. Линия ФКП по этим вопросам лежит в русле политики мира и безопасности. В докладе на Заседании Президиума ИККИ 16 февраля 1936 г. А. Марти, один из крупнейших деятелей ФКП, со ссылкой на главу компартии М. Тореза заявил: «...мы не против Версальского договора, мы не хотим, чтобы это было поводом к войне <...> Мы, коммунисты, — сторонники неделимого мира, и мы с радостью приветствовали бы соглашение с Германией, даже с гитлеровской Германией, при условии, что оно будет основано на всеобщей организации мира и на отказе от всех завоеваний»⁵.

Но политика коммунистов, получившая поддержку в 1936 г., теряла популярность в широких массах. На наш взгляд, одной из немаловажных причин этого процесса является рост националистических настроений, разжигаемых гитлеровской пропагандой по всей Европе, имеющих и объективные причины, заложенные в условиях Версальского договора. Это подтверждалось уже опытом плебисцита в Саар-

⁵ Стенограмма Заседания Президиума ИККИ от 16.02.1936 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 237. Л. 85.

ской области 13 января 1935 г., когда 477 тыс. из 539 тыс. голосовавших высказались за присоединение области к Германии.

Дело Народного фронта оказалось непрочным, и союз с социалистами просуществовал только до конца 1938 г., что по времени совпало и с полным крахом идеи коллективной безопасности.

Тяжелые испытания выпали на долю правительства Народного фронта, образованного в Испании после выборов 16 февраля 1936 г. В июле 1936 г. Испанию охватил фашистский мятеж под руководством Ф. Франко. Объединение всех антифашистских сил стало вопросом выживания республики.

Конфликт быстро приобрел международный оттенок, сразу после начала мятежа Германия и Италия стали оказывать помощь мятежникам. Англия и Франция заняли позицию невмешательства в испанские дела, которая фактически означала попустительство и отказ от оказания сопротивления фашизму.

Руководители Коминтерна, давая анализ ситуации вокруг Испании, отмечали наличие у европейских держав экономических интересов в регионах страны. С точки зрения коммунистов, империалистические, грабительские интересы держав определяют их позицию в отношении республиканцев. «Что касается Франции, всем известна ее старая политика в отношении Каталонии. Каталония — это путь к Марокко. Политика Франции в отношении Каталонии, начиная с периода последнего мятежа, была политикой ярко выраженного желания завязать дружбу с Каталонией <...> Как известно, Франция относится благоприятно к сепаратистским течениям в Каталонии»⁶, — говорилось на Заседании Президиума ИККИ 20 сентября 1937 г. Подобные интересы имеет и Англия в отношении Бискайи: «...Англия на этой территории преследует свои интересы, она хочет сохранить железные рудники, индустрию, банки, морской транспорт и т. д. Ее целью было как-нибудь повернуть войну по другому пути и сохранить свое влияние на территории Бискайи, допуская компромиссы в отношении остальной части Испании»⁷. Коминтерн стремился доказать трудящимся массам, что ни одна капиталистическая страна не преследует цели укрепления европейской безопасности, не сознает серьезности международной обстановки, а лишь следует собственным корыстным интересам.

⁶ Стенограмма Заседания Президиума ИККИ от 20.09.1937 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 265. Л. 130–131.

⁷ Там же.

Советский Союз, хотя в моральном отношении с самого начала поддерживал республику, не мог с точки зрения политической оказать ей прямой поддержки с самого начала, так как это могло означать прямой конфликт с фашистскими государствами. Но СССР, следуя идее коллективной безопасности и преследуя интересы мира, искал пути поддержки антифашистских сил в Испании. Безусловно, Коминтерн оказывался чрезвычайно важным институтом, преследующим те же цели, что и само советское государство.

Коминтерн, руководствуясь задачами реальной политики, предостерегал компартию Испании: «Нельзя ставить на данном этапе задачу создания советов и стараться установить диктатуру пролетариата в Испании. Это было бы роковой ошибкой. Поэтому нужно сказать: действуйте под флагом защиты республики, не сходите с позиций демократического режима в Испании в тот момент, когда рабочие имеют оружие в руках, что имеет большое значение в деле победы над мятежниками»⁸.

Руководство Коминтерна осознавало: социалистическая революция еще более дестабилизирует обстановку и приведет к расширению военного конфликта. Следуя задаче сохранения безопасности в Европе, Коминтерн предостерегает КПИ от опасных шагов, настаивает на создании профессиональной армии и ее вооружении для отпора мятежникам в отличие от ультралевых элементов — троцкистов и анархистов, полагавших, что создание армии ведет к диктатуре, и борьба должна осуществляться силами народной милиции.

Проблема троцкизма и анархизма в Испании чрезвычайно важна для Коминтерна, особенно начиная с 1937 г. Критика ультралевого курса, особенно в свете московских процессов, происходивших в это же время, приобретает постоянный характер.

Но и Народный фронт в Испании вступает в полосу разногласий и конфликтов между его участниками. По мнению некоторых исследователей, идеологическое и военное вмешательство Коминтерна «...стало еще одним фактором, оказавшим не только решающее воздействие на интернационализацию испанской гражданской войны, но и усилившим идеологическую поляризацию конфликта, исключая всякую возможность компромисса»⁹. Нужно отметить, что эти утверждения

⁸ Постановление Секретариата ИККИ по испанскому вопросу от 23.07.1936 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1101. Л. 14.

⁹ *Пожарская С. П., Саплин А. И.* Коминтерн и гражданская война в Испании // История Коммунистического Интернационала 1919–1943 гг. Документальные очерки. М., 2002. С. 130.

небезосновательны. Однако поддержка антифашистских сил со стороны Коминтерна, как и борьба самих республиканцев с фашизмом, носила прогрессивный характер. Целью антифашистов была борьба против войны, за безопасность в Европе.

В заключении хотелось бы отметить, что Народные фронты во Франции и Испании во второй половине 30-х гг., созданные как кризисные правительства, имеющие целью улучшение положения трудящихся и сохранения мира в Европе, явились одновременно важным этапом развития мирового коммунистического движения. В них проявились как его сильные стороны, так и слабости. В условиях националистической пропаганды и стремлений фашистских государств к отмене Версальского договора интернационализм, предлагаемый коммунистами, не стал объединяющей идеей.

Разногласия со II Интернационалом так и не были преодолены, что стало причиной краха Народных фронтов в момент, когда европейская безопасность была под наибольшей угрозой. Совокупность этих факторов, провал попыток создания антифашистского единства как на уровне государства, так и на уровне массового движения, привели к трагическим последствиям — началу Второй мировой войны.

ПРОБЛЕМА КОМПЛЕКТОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ АРХИВОВ В XXI ВЕКЕ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

*А. Ю. Евдокимов
(РГАСПИ)*

Процесс комплектования политических архивов неразрывно связан с политическими процессами в стране, можно сказать, что он является отражением самой политической системы. Так, например, Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, на базе которого и создан РГАСПИ, во времена СССР комплектовался, в основном, документами тех организаций, которые входили в партийную номенклатуру. Также «прицельно формировались фонды и других союзных архивов.

После запрета КПСС РГАСПИ был официально признан не комплектуемым, однако работники архива продолжили комплектование самостоятельно. В «бурные» девяностые, когда Россия получила полную политическую свободу, когда было образовано множество политических движений, партий, архив просто не мог упустить возможности начать собирать документы этих партий и движений. Именно в начале 90-х гг. прошлого века были заключены договоры с ведущими в то время и наиболее значительными партиями: Демократическая партия России — ДПР (Партия Травкина), Республиканская партия РФ — РПРФ, Аграрная партия России — АПР, ЛДПР, КПРФ, с их руководителями, а также с видными политическими и общественными деятелями. Тогда же по инициативе Группы комплектования сотрудники Архива начала активно собирать агитматериалы всех политических сил, в результате чего собрана уникальная коллекция.

Однако без поддержки государства в условиях политического беспорядка и катастрофической нехватки кадров группа комплектования не имела возможности охватить все поле деятельности. В результате многие движения, игравшие важную роль в 1990–2000-е гг., оказались незатронутыми.

С окончанием 90-х гг. в России наступила политическая «стабильность», большинство партий, появившихся в 90-е гг., прекратило свою

деятельность, однако ситуация с политическими архивами улучшилась ненамного. Из зарегистрированных ныне партий, имеющих свои фракции в Государственной думе, только КПРФ сдавала свои материалы в РГАСПИ в полном объеме, ЛДПР сдавала не полностью.

Зимой 2011–2012 г. общероссийское движение «За честные выборы» побудило Президента Российской Федерации Д. А. Медведева предложить либерализовать закон о регистрации партий в России¹. В момент написания статьи этот законопроект обсуждается в Государственной думе. В случае принятия законопроект разрешит регистрировать партии начиная с 500 человек. Следует ожидать, что в этом случае будет зарегистрировано большое количество новых партий, а также будут восстановлены старые. Это обозначает новый вал материалов, претендующих на место в архиве. Однако, учитывая сложившуюся ситуацию в сфере комплектования, большая их часть канет в небытие.

На сегодняшний день можно выделить несколько проблем, которые следует решить:

- 1) нежелание партий и общественных организаций сдавать документы;
- 2) сдача материалов партий и общественных организаций одновременно в разные архивы, следственно их разрозненность².

Конечно, существуют и такие проблемы, как нехватка кадров в самих архивах, низкая зарплата сотрудников и т. п., однако решение этих проблем должно рассматриваться отдельно. В данном случае следует исходить из сложившейся ситуации.

Как уже было описано выше, многие партии не желают сдавать архивы на постоянное хранение. Прискорбно то, что это зачастую случается из-за того, что руководители партий и движений просто не видят необходимости сдавать документы из-за простого непонимания, что если они хотят остаться в истории, то обязаны об этом позаботиться уже сейчас, собирая все документы и материалы с нуля, с начала образования организации; из-за боязни использования сданных материалов против партии, а также по другим причинам. Решение двух проблем невозможно до тех пор, пока сдача документов политических партий и общественных организаций не станет обязательной. Следует

¹ URL: Rg.ru/2011/12/23/zakonoproekt-site.html

² Некоторые партии (к примеру, ЛДПР) сдают свои материалы в несколько разных архивов, вследствие чего работа над материалами ЛДПР для исследователя становится весьма проблематичной.

предложить законопроект, обеспечивающий **обязательную** сдачу материалов зарегистрированных политических партий в определенный архив. Причем подписать такое обязательство они должны при регистрации. Это не только решит проблему сохранности политических материалов нашего времени для будущих поколений, но и сделает политику в России более открытой и прозрачной, предоставив людям информацию о тех организациях, которым они доверяют.

Учитывая то, что в ближайшее время принятие такого законопроекта довольно сомнительно, а время торопит, необходимо составление методических материалов по комплектованию политических архивов, анализ и дополнение старых критериев по отбору источников комплектования, определению актуальности и важности материалов, поступающих в архив на постоянное хранение.

Чтобы комплектование политического архива соответствовало требованиям, группа комплектования должна иметь ряд навыков и выполнять ряд функций, которые необязательны при комплектовании других архивов. В первую очередь, немаловажна «политическая подкованность» членов группы: человек, не разбирающийся в политике, вряд ли сможет оценить актуальность материалов, имеющих отношение к политической сфере. Во-вторых, требуется постоянный «мониторинг» политической ситуации. Это позволит не упустить новые организации, вовремя заключить с ними договор, заметить распад, изменение статуса старых организаций. В-третьих, поддерживать постоянный контакт с руководством новых организаций и людьми, за это ответственными, постоянно напоминая им о необходимости регулярной передачи документов в архив.

В том случае, если состояние политических архивов останется прежним, у исследователя просто не будет возможности представить себе ту политическую картину, которая сложилась в России на сегодняшний день.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ 1920-х ГОДОВ

А. Н. Ерендеева
(Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия)

Значительный интерес представляет недостаточно изученная история развития здравоохранения в Самарской губернии в 1920-е гг. Ее можно воссоздать по документам как местных региональных, так и федеральных архивов. В имеющихся документах наиболее полно представлена деятельность органов здравоохранения в Самарской губернии, основные направления их работы в проведении лечебных, санитарно-профилактических мероприятий в рассматриваемый период. В материалах Центрального государственного архива Самарской области содержатся различные виды источников по теме и прежде всего законодательно-распорядительная документация — циркуляры и директивы Народного комиссариата здравоохранения, приказы Самарского губернского отдела здравоохранения по личному составу, хозяйственным и производственным вопросам¹.

Самой значительной по объему является документация, образованная в порядке текущего делопроизводства. Это различные положения (к примеру, о правах и обязанностях участковых врачей), отчеты о состоянии здравоохранения и организации медицинской помощи населению сел и городов, инструкции (инструкция для санитарных врачей)², телеграммы, письма, протоколы заседания коллегии, доклады и отчеты Самарского губернского отдела здравоохранения. Производственные планы по работе подразделов уездных отделов здраво-

¹ Приказы по Самарскому губернскому отделу здравоохранения // Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-158. Оп. 9. Д. 1.

² Инструкция для санитарных врачей (1924 г.) // ЦГАСО. Ф. Р-158. Оп. 8. Д. 26. Л. 9.

охранения³ дополняются докладами, донесениями, а также отчетами заведующих о деятельности санитарно-эпидемического, лечебного, фармацевтического и других подразделов (охраны здоровья детей, материнства и младенчества⁴). В Государственном архиве Российской Федерации многочисленны материалы о санитарно-просветительной работе в уездах, имеются списки лечебных учреждений по Самарскому губернскому отделу здравоохранения⁵, программы съездов⁶, сведения о научных кружках врачей⁷.

Редким источником по теме являются источники личного происхождения, благодаря которым можно ярче, нагляднее воссоздать образ прошлого, посмотреть на эпоху глазами жителя 1920-х гг., узнать о его мыслях и внутренних переживаниях. Огромный интерес представляет статья сельского врача Федора Владимировича Стадлера «Об утомляемости», обнаруженная в фонде ГА РФ, «Центральные комитеты профессиональных союзов медицинских работников». В ней описываются три дня из его жизни в селе. Взяты они из его личного дневника, в котором Ф. В. Стадлер фиксировал события своей ежедневной врачебной деятельности. В селе он провел около двух лет, каждый из рабочих дней расписан очень подробно с самого раннего утра и до позднего вечера. Данный источник свидетельствует о тяжелом положении сельского медицинского персонала, который по утрам делал обходы, перевязки, проводил операции, вел прием больных, а также читал лекции по санитарному просвещению. Нередко приходилось ехать за несколько десятков верст в соседнее село «для производства операции»⁸. В селе постоянно ощущалась нехватка ме-

³ Производственные планы работ Ставропольского уездного отдела здравоохранения на 1921 год // ЦГАСО. Ф. Р-158. Оп. 5. Д. 28. Л. 7.

⁴ Отчет о деятельности санитарно-эпидемического подотдела и подотдела охраны здоровья детей, материнства и младенчества (1921) // ЦГАСО. Ф. Р-158. Оп. 5. Д. 28. Л. 4 об.

⁵ Перепись лечебных учреждений по Губздравам в 1921 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. А-482. Оп. 3. Д. 451. Л. 2–88.

⁶ Программа III Всероссийского Съезда по малярии 3–8 февраля 1925 г. // ГА РФ. Ф. Р-3341. Оп. 6. Д. 11. Л. 2.

⁷ Проект примерного устава научного кружка врачей (1922 г.) // ГА РФ. Ф. Р-5465. Оп. 4. Д. 172. Л. 5.

⁸ Статья врача Федора Владимировича Стадлера «Об утомляемости» в редакцию газеты «Медицинский работник» (1926 г.) // ГА РФ. Ф. Р-5465. Оп. 8. Д. 234. Л. 3.

дицинского персонала, а имеющийся должен был быть готовым к любой ситуации. Частым явлением было посещение больных на дому, где им в зависимости от тяжести случая медицинская помощь оказывалась либо в домашних условиях, либо после отправки больного в больницу. Вот как описывает подобную ситуацию Ф. В. Стадлер: «14 июля 1925 г. 12 ч. ночи — вызов в наше село, так как “баба” не может разрешиться вторые сутки. Съездил и сказал немедленно везти в больницу, так как без операции дело не кончится благополучно»⁹. Вся эта деятельность приводила к постоянному перенапряжению сил, которое порой становилось невыносимым, на что и жаловался сельский врач.

Наряду с лечебными мероприятиями в целях предотвращения заболеваний в Самарском крае проводилась санитарно-профилактическая работа. Губернский отдел здравоохранения в целях санитарного просвещения населения устраивал передвижные гигиенические выставки в сельской местности. Сохранились воспоминания жителей сел, в которых проходили подобные выставки. Например, житель с. Парфеновка Бузулукского уезда Фролов описывает прибытие выставки в село, ее размещение в здании школы «за неимением более удобного помещения», перечисляет темы прочитанных лекций, которые сопровождались наглядным материалом. Но, самое интересное, из сообщения Фролова можно узнать об отношении местного населения к проводимым мероприятиям, которое с большим удовольствием посещало выставку, слушало лекции, «благодарило Самгубздрав и отдельно Шафита* за чтение лекций на понятном крестьянству языке»¹⁰.

Впечатлениями от гигиенической выставки делилась и А. Соловьева — председатель Домашкинского школьного Совета (Домашка — село Бузулукского уезда). Она приводит следующие, довольно интересные сведения. Жители с. Домашка, узнав, что в соседнем селе проходит гигиеническая выставка, которая должна была обойти стороной их село, обратились в местный волисполком с просьбой организовать в с. Домашка выставку. Руководство пошло им навстречу. Выставка с лекциями была проведена, после которой местные жители

⁹ Там же.

* доктор, заведующий гигиенической выставкой.

¹⁰ Гигиеническая выставка Самгубздрави в селе Парфеновка Бузулукского уезда // ЦГАСО. Ф. Р-158. Оп. 5. Д. 70. Л. 52–52 об.

пришли к выводу, что никакими знахарями болезни не могут быть вылечены. В этом может помочь только опытный врач¹¹.

В фонде Самарского областного государственного архива социально-политической истории «Самарский губернский отдел профессионального союза работников медико-санитарного труда (Медсантруд)» сохранились личные профессиональные карточки безработных врачей за 1923 г., которые заполнялись, видимо, самими врачами. К сожалению, в документах нет каких-либо на это указаний. По данным карточкам можно восстановить основные вехи биографии врачей. В них указаны фамилия, имя, отчество врача, его возраст, национальность, специализация. Содержатся сведения о стаже работы по специальности, а также о прошлом месте работы с указанием временного промежутка. Имеются данные об образовании врачей (среди перечисленных фигурируют Самарский, Саратовский, Киевский, Казанский университеты), их общественной деятельности (почти все они были членами Союза Всеобщего медикосантруд), а также о семейном положении, членах семьи и месте проживания¹².

Таким образом, по истории здравоохранения Самарской губернии 1920-х гг. в федеральных и местных архивах содержатся различные виды источников, самыми малочисленными из которых являются источники личного происхождения. Тем не менее именно данная группа дает представление не только по истории функционирования медицинских учреждений в рассматриваемый период, но и медработников. Приведенные в качестве примера документы предоставляют сведения о жизни и деятельности врачей, позволяют раскрыть отношение местных жителей к проводимым мероприятиям в области здравоохранения, узнать о положении врачей и об их отношении к проблемам медицинского персонала. Законодательные и делопроизводственные документы, составленные в основном по определенному шаблону, не передают отношения автора документа к происходящим событиям, не позволяют охарактеризовать их с позиции жителей 1920-х гг.

¹¹ Впечатления от Гигиенической выставки по борьбе с заразными болезнями Самарского Губернского Здравоохранения, бывшей в селе Домашке Бузулукского уезда // ЦГАСО. Ф. Р-158. Оп. 5. Д. 70. Л. 53–53 об.

¹² Личная профессиональная карточка № 27 441 // Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 428. Л. 1.

К ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАГРАДНОЙ СИСТЕМЫ: НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ ПРОЕКТЫ В ЗЕРКАЛЕ ФОНДОВ РГАСПИ

Д. В. Завольский
(РГАСПИ)

В фондах РГАСПИ находятся разрозненные документы, касающиеся неизвестных или не полностью известных эпизодов эволюции советской наградной системы. В данном сообщении рассматриваются такие эпизоды, как подготовительная работа над лентами и колодками медалей СССР образца 1943 г. и нереализованный проект новых лент, колодок и планок к медалям «Золотая Звезда» и «Серп и Молот».

Согласно распространенному представлению, история развития советской наградной системы, ее художественных и нормативных принципов достаточно четко делится на ранний этап (включая учреждение орденов 1942 г. на колодках с красной лентой¹) и «классический» период, отмеченный известной вехой: опубликованным 20 июня 1943 г. указом Президиума Верховного Совета СССР об учреждении лент к орденам и медалям, о введении планок, о новых правилах ношения наград².

Однако внимательное изучение опубликованных указов усложняет эту картину.

Так, указ об учреждении медалей за оборону Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда³ и указ об учреждении медали «Партизану Великой Отечественной войны»⁴ уже содержит описания этих наград на пятиугольных колодках. При этом ленты медалей за оборону городов еще не оливковые, с одной полоской 2 мм посередине (соответственно зеленой, голубой, синей или красной), а многоцветные,

¹ Орден Отечественной войны, ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского.

² Правда. 20 июня 1943 г.

³ Правда. 24 декабря 1942 г.; см. также решение утвердить проект указа в протоколе заседания Политбюро ЦК ВКП(б). № 39. П. 110 от 22 декабря 1942 г. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1046. Л. 30.

⁴ Правда. 3 февраля 1943 г.

прямо скажем, демаскирующей яркости. Медали за оборону городов предписывалось носить *на правой стороне груди*. Но если их ленты, несмотря на непривычную для нас расцветку, были шириной 24 мм, то к медали «Партизану Великой Отечественной войны» полагалась лента *шириной 20 мм* и, соответственно, колодка меньшего размера. Кроме того, лента партизанской медали имела цветовую гамму, известную из июньского указа (светло-зеленая с красным для I ст., светло-зеленая с синим для II ст.), но вместо одной продольной полоски 2 мм посередине степень обозначалась *двумя полосками 2 мм по краям*.

Видимо, при подготовке июньского указа решено было ликвидировать и вправду неуместный разноразмерностью как в расцветке лент к медалям (присвоив им скромные, «солдатские», фактически защитные цвета), так и в правилах ношения наград (тем более что за прошедшие напряженные полгода массовых награждений новыми медалями не состоялось). Однако уже из упомянутых актов очевидно, что развитие советской наградной системы могло пойти различными путями. Например, хотя предпочтительный выбор пятиугольных колодок следовал из логики тяготения к удобным дореволюционным решениям (установление воинских званий, включая генеральские, погон, прежнего покроя формы, различение наград по лентам и т. д.), верх могла взять идея использовать ленты меньшей ширины и колодку меньшего размера.

Пожалуй, еще больший интерес представляет решение Политбюро, принятое за день до утверждения проекта указа о медалях за оборону городов, т. е. 21 декабря 1942 г. Это решение до сих пор не стало достоянием гласности. Речь идет о следующих пунктах в протоколе заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 39:

100. — О новых лентах для медали «Золотая Звезда» Героя Советского Союза и золотой медали «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда.

1. Утвердить образцы и описания новых лент...
2. Одобрить проект Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР...

101. — О новых лентах для медалей Союза СССР.

1. Утвердить образцы и описания новых лент для медалей Союза ССР.
2. Одобрить проект Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР...⁵

⁵ Ф. 17. Оп. 3. Д. 1046. Л. 27–28.

Однако данных указов так и не последовало. Какие же описания содержатся в приложении к протоколу вместе с проектами указов⁶, датированных 21 декабря?

«Золотую Звезду» и «Серп и Молот» планировалось впредь подвешивать к *пятиугольным колодкам с лентой шириной 18 мм*. Конструкция колодки отлична и от «июньских», и от «февральских» медальных колодок и не вполне ясна, ибо рисунки в деле отсутствуют. Предписывалось, что «в верхней части колодочки лента продевается под горизонтальную позолоченную планку, составляющую одно целое с колодочкой». Возможно, что эта «планка» должна была выглядеть приблизительно так же, как верхняя часть уже существовавшей четырехугольной колодки или немного отличного от нее варианта 1943 г.

Однако положение усложняет следующий неожиданный пункт: «Для ношения одной ленты без медали лентой покрывается *прямоугольная колодочка с горизонтальной позолоченной планкой, прикрепляемая к одежде*» (курсив мой. — Д. 3.). Вероятно, упомянутая «прямоугольная колодочка» с неясно как размещенной «позолоченной планкой» внешне представляла собой нечто подобное гвардейскому знаку ВМФ. Главное же, что этим пунктом должны были быть утверждены *планки для ношения вместо «Золотой Звезды» и «Серпа и Молота»*, идея разумная, но так никогда и не реализованная.

Предусмотренные описанием ленты к «Золотой Звезде» и «Серпу и Молоту» также отличались от привычных нам красных.

Расцветка ленты «Золотой Звезды»:

Посередине ленты красная полоска шириной 4 мм, ближе к краям две тканых золотом полоски шириной по 5 мм каждая, еще ближе к краям две белых полоски шириной по 1 мм и по краям ленты две красных полоски, каждая шириной 1 мм.

Расцветка ленты «Серпа и Молота»:

Посередине ленты красная полоска шириной 4 мм с золотистыми нитями по краям, ближе к краям ленты две светлоголубых полоски шириной по 5 мм каждая, по краям ленты две тканых золотом полоски шириной каждая 2 мм⁷.

⁶ Ф. 17. Оп. 3. Д. 1046. Л. 128 (Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР «О введении новых лент для медали “Золотая Звезда” Героя Советского Союза и для золотой медали “Серп и Молот” Героя Социалистического Труда»); Ф. 17. Оп. 3. Д. 1046. Л. 131 (Указ... «О введении новых лент для медалей Союза ССР»).

⁷ Ф. 17. Оп. 3. Д. 1046. Л. 129–130.

Описание к проекту указа «О введении новых лент для медалей Союза ССР» также содержит неожиданные для нас расцветки лент к первым советским медалям:

«За отвагу» — лента «красного цвета с светло-синими полосками по краям шириной каждая 3,5 мм»,

«За боевые заслуги» — лента «красного цвета с светло-серыми полосками по краям шириной каждая 3,5 мм»,

«XX лет РККА» — «красного цвета с желтыми полосками по краям шириной каждая 3,5 мм»,

«За трудовую доблесть» — «фиолетового цвета с красными полосками по краям шириной каждая 3,5 мм»,

«За трудовое отличие» — «фиолетового цвета с оранжевыми полосками по краям шириной каждая 3,5 мм»⁸.

Возникает вопрос: почему уже утвержденный на заседании Политбюро проект указа был отклонен? Можно с достаточной уверенностью предположить: Герой Социалистического Труда И. В. Сталин в последний момент рассудил, что ленты, предложенные для звезд Героев, слишком пестры, а предложенные для воинских медалей слишком яркие. Можно даже допустить (но эта версия, конечно, нуждается в проверке), что автором утвержденной полугодом позже расцветки лент к медалям выступил сам Сталин. Поиск нужного варианта путем простой, но логичной перетасовки⁹ имевшегося материала был вполне в его натуре, о чем свидетельствуют многие факты сталинского руководства, к примеру, кинематографией.

Поспешно менявшиеся указания о внешнем виде советских боевых наград, бесспорная неудачность промежуточных решений, наконец, отзыв проекта указа Верховного Совета, утвержденного на заседании Политбюро, не только говорят о напряженности «изобретения традиций» в годы Великой Отечественной войны, но являются еще одним свидетельством как сверхцентрализации власти, так и сложных отношений между административными и творческими силами, привлеченными к реализации наградных проектов.

⁸ Ф. 17. Оп. 3. Д. 1046. Л. 132–133.

⁹ Как известно, медалям «За отвагу», «За боевые заслуги», «XX лет РККА» были присвоены серые ленты соответственно с синими, желтыми и красными полосками 2 мм по краям. Медалям «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие» были присвоены сиреневые ленты соответственно с красными и золотистыми полосками 2 мм по краям.

МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКУЮ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920-х гг.

Е. С. Захаров
(РГАСПИ)

Одним из самых противоречивых и сложных периодов в судьбе Российской интеллигенции, а в частности научно-технической, стали 20-е гг. XX в. После окончания Гражданской войны перед руководством ВКП(б) встал вопрос о восстановлении народного хозяйства и кардинальном пересмотре всей модели государственной, экономической и внутренней политики страны. Первоначально власть холодно отнеслась к представителям старой интеллектуальной элиты, хотя понимая, что без этого профессионального и компетентного багажа «старой школы» невозможно осуществить цели и задачи Новой экономической политики. Курс на восстановление и развитие отечественной промышленности, подъем уровня культуры производства в условиях острого недостатка квалифицированных работников оказал существенное влияние на политику сотрудничества с научно-технической интеллигенцией.

В этом ключе партия вырабатывает основные цели в отношении политики взаимодействия с научно-технической интеллигенцией. Одной из значимых и важных целей являлось выявление идеологических врагов в среде старой (царской) интеллигенции. Причина таких действий была, по определению известного американского советолога Ш. Фицпатрик, в оставшихся после 1917 г. в России представителях бывших привилегированных классов, являвшихся потенциальными союзниками русских эмигрантов и иностранных капиталистов¹.

Изучая данную проблематику, в первую очередь необходимо рассмотреть мотивы, по которым научно-техническая интеллигенция шла по пути сотрудничества с партийным руководством.

¹ *Фицпатрик Ш.* Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х гг. // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 12.

Большая часть интеллигенции, несмотря на трудности и испытания Гражданской войны, еще держала в себе революционные традиции, либеральные идеи предреволюционного времени. Многие крупные ученые, оставшись на родине, избрали патриотическую позицию сотрудничества с советской властью, позицию, которая предполагала непрекращающийся компромисс и уступки как властям, так и позднее новой генерации «красных специалистов»², занимавшихся «социалистической реконструкцией науки». В целом можно утверждать, что русские ученые дали урок стоицизма не только правящей элите, но и всему, на тот период, западному капиталистическому сообществу. Одним из таких «стоиков» был И. П. Павлов, «несогласный с Советской властью, он отлично понимал тяжелое положение страны. Когда ему предложили помощь, он попросил только собак для экспериментов, дров для лаборатории и сена для лошадей»³. Такое явление не было упущено и А. М. Горьким, который выражал чувство полного уважения, гордости, восторга, когда описывал, с каким героизмом и «стоическим мужеством» талантливые специалисты переживали дни голода и материального упадка⁴.

Также стоит отметить позицию представителей интеллигенции, уже пребывавшей в эмиграции в то время, к примеру, мнение выдающегося ученого начала первой половины XX в. В. И. Вернадского, который писал своему другу И. И. Петрункевичу⁵ в июне 1923 г.: «Мое неучастие в политической борьбе основано на моей критике прошлого и на сознании, что всякая культурная и бытовая работа в данный исторический момент гораздо важнее... А сила русская сейчас в творческой культурной работе, научной, художественной, религиозной, философской. Это единственная пока охрана и русского единства, и русской мощи»⁶.

² *Абрамов В. Н.* Техническая интеллигенция России в условиях формирования большевистского политического режима (1921–1930-х гг.). СПб.: Нестор, 1997. С. 83.

³ Десять лет советской науки. М.; Л., 1927. С. 313–314.

⁴ *Горький А. М.* Письмо С. Ф. Ольденбургу 22 августа 1925 года. Собр. соч. Т. 29. С. 441.

⁵ Петрункевич Иван Ильич (1843–1828) — политический деятель, один из лидеров русского либерализма и земского движения. Организатор и председатель «Союза освобождения». С февраля 1919 г. — в эмиграции. Близкий друг В. И. Вернадского.

⁶ *Вернадский В. И.* Дневники. Март 1921 — август 1925 г. М.: Наука, 1999. С. 11.

Тем не менее в среде научных специалистов мотив патриотизма был не единственным, толкающим на сотрудничество с новой властью. Одним из таких мотивов был фактор боязни репрессий и расправой над учеными, показавшими в той или иной форме свое несогласие с политикой большевиков в период революции и Гражданской войны. Для некоторой части ученых можно говорить о стремлении к карьерному росту в условиях сильного дефицита научных кадров. И, наконец, в качестве одного из важных мотивов к сотрудничеству можно назвать «прогрессистский» характер идеологии большевизма, ее устремленность в будущее, к замене «отживших» форм общественной жизни на новые, которые только предстояло разработать. А это открывало огромные перспективы для новых научно-технических разработок.

Рассматривая проблему механизмов воздействия между властными структурами Советского государства и научно-технической интеллигенцией, стоит сказать, что методы и пути были неоднородными. С одной стороны, власть применяла жесткие меры воздействия, такие как репрессии, идеологизация науки (которая вела к сужению, а в некоторых случаях к ликвидации многих сфер и направлений, лишая автономии научные и образовательные центры), высылки из страны; с другой — старалась создать условия для положительной мотивации к труду, учреждая комитеты, комиссии по проблемам научной и технической интеллигенции.

Методы воздействия новой власти, имеющие репрессивный характер, можно охарактеризовать не что иное, как стремление смести институты прежнего строя или так называемую буржуазную науку. Одна из наиболее масштабных акций большевиков в отношении «старой» интеллигенции была связана с высылкой за рубеж в 1922 г. около 200 наиболее выдающихся обществоведов, писателей и др. ученых⁷. В этом же русле руководством ВКП(б) были предприняты действия по ликвидации автономий высшей школы, целых научных направле-

⁷ На «философском пароходе» за границу были высланы: ректор Московского университета М. М. Новиков (зоолог), ректор Петербургского университета профессор Л. П. Карсавин (философ), группа математиков во главе с деканом математического факультета МГУ, профессором В. В. Стратоновым, экономисты — профессора Б. Д. Бруцкус, С. Н. Прокопович, историки — А. А. Кизеветтер, Г. В. Фроловский, А. Мякотин, Боголепов, социолог П. Сорокин, философы — Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Б. П. Вышеславцев и другие.

ний старой социологии, философии, политэкономии, истории. Был проведен ряд политических процессов в отношении интеллигенции. Все эти процессы в целом были связаны с общим «великим переломом» в развитии страны, с политикой «сплошной советизации» «научного фронта», в первую очередь Академии наук как высшего научного учреждения Советского государства.

Обратной была политика привлечения к сотрудничеству более лояльных представителей научно-технической интеллигенции. Это проявилось сначала созданием 10 ноября 1921 г. СНК РСФСР Центральной Комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ), основные цели которой были: оказание ученым материальной и продовольственной помощи, содействие их научной деятельности позже, в 1925 г., в интересах экономического развития СССР, разрешая кратковременные заграничные командировки в обмен на добросовестную работу и невмешательство в политическую сферу⁸. Последнее утверждение можно расценивать как действия власти в сторону ограничения проявления идейно-политической активности. Однако это предположение можно опровергнуть тем, что склонность к политике и идеологии среди научной и технической интеллигенции в силу характера исполняемых ею функций (обслуживание потребностей материального, а не духовного производства) была присуща в гораздо меньшей степени, чем гуманитариям и интеллигенции, занимающейся «обществоведческой проблематикой»⁹.

Делая выводы, можно сказать, что основной целью взаимодействия власти и научно-технической интеллигенции было, прежде всего, восстановление народного хозяйства, пришедшего в глубокий упадок после Мировой и Гражданской войн. Недоверие к «буржуазной интеллигенции» со стороны власти обуславливалось в первую очередь ее идеологическими установками на интересы «эксплуатируемых классов», к которым интеллигенция отнесена не была. Коллективная психология «военного лагеря», окруженного врагами, сформировавшаяся во время Гражданской войны, хоть и не соответствовала в полной мере условиям 1920-х гг., оказала огромное влияние на восприятие интеллигенции как потенциального пособника врага. Наконец, отработку методов тоталитарного контроля естественно было начать

⁸ *Казанин И. Е.* Власть и интеллигенция: (Исторический опыт формирования государственной политики в октябре 1917 — 1925 гг.). ВолГУ, 2006. С. 308.

⁹ Там же. С. 310.

с относительно небольшого слоя населения, к тому же в силу своей профессиональной деятельности в большей степени открытого для контролеров.

Тем не менее, понимая невозможность восстановления экономики без «старой школы», партия пошла на сближение с той частью, которая проявляла большую лояльность и умеренность в критике курса партии. Интеллигенция со своей стороны параллельно предпринимала шаги к сотрудничеству, прежде всего руководствуясь чувством патриотизма, революционными идеалами, необходимостью нахождения средств для выживания. Механизмы воздействия на интеллигенцию шли по двум путям: 1) применение жестких мер с теми, кто не согласен с курсом власти, лишение автономий многих научных центров, внедрение пролетарской идеологии в науку; 2) мероприятия по улучшению и облегчению жизни ученых, награждение за добросовестную работу, создание условий для положительной мотивации со стороны научно-технической интеллигенции.

СИСТЕМА ЗАПРЕТОВ ДЛЯ РОЖЕНИЦЫ У ЭВЕНОВ КАМЧАТКИ

А. Ю. Зеленская
(СВГУ)

Беременность и роды всегда были важным этапом в жизни любого этноса. Соблюдение суеверных традиций во время беременности было призвано оберегать женщину, носившую в себе ребенка. Рождение человека у большинства северо-восточных народов (ительменов, эвенков, эвенов, коряков, якутов) являлось священнодействием.

Для анализа системы запретов, сопровождающей беременность и роды у эвенов Камчатки, стало возможным использовать этнографические описания участников научных экспедиций XVIII–XX вв., музейные коллекции Быстринского районного этнографического музея (п. Эссо, п-ов Камчатка), а также данные личного опроса местного населения.

С наступлением беременности жизнь эвенской женщины строго регламентировалась, обставлялась рядом определенных правил и запретов, множеством ограничений, носивших магический характер и способствовавших благополучному исходу родов. К таким запретам относились:

- пищевые запреты, нарушение которых могло отразиться на умственном развитии ребенка;
- запреты, касающиеся бытовой стороны жизни и приносящие неудачу в случае их несоблюдения.

Пищевые запреты

По данным информаторов, желание будущей матери съесть каких-либо специфических продуктов старались удовлетворить, так как оно, по поверьям эвенов, исходит от ребенка и играет важную роль в формировании его физических черт и характера.

По традиции в период беременности многие продукты считались запретными, например медвежатина, кишки оленя, глаза оленя. Эвены верили, что употребление беременной женщиной этих продуктов отрицательно влияет на умственное и физическое развитие будущего ребенка. То есть эти запреты были из области имитативной магии —

«по образу и подобию», свойства людей, животных или предметов «могут» перейти на новорожденного¹.

Запрещалось во время еды доставать костный мозг из нераздробленных костей позвоночного ствола оленя — ребенок родится развратным. Информатор Банаканова Пелагея Михайловна рассказывала о запрете беременной женщине пить крепкий чай, но по какой причине это запрещалось, она не помнит. Возможно, повышение артериального давления от крепкого чая могло повлиять на самочувствие беременной женщины и даже спровоцировать выкидыш. Таким образом, на интуитивном уровне народные обычаи и приметы помогали беременной женщине избежать нежелательных последствий.

В целом же в период беременности женщина не должна есть много, чтобы не поправиться, иначе ребенок родится больным. Также лишний вес мог помешать беременной женщине работать наравне с остальными членами общины.

Запреты, касающиеся бытовой жизни

Помимо пищевых существовал ряд бытовых запретов.

Беременной женщине нельзя было переступить через охотничьи принадлежности мужчины, прикасаться к дичи — не будет удачи на охоте. Нельзя лежать на медвежьей шкуре — роды будут тяжелыми, нельзя шить заранее одежду новорожденному. Большим грехом считалось прикасаться к оленю (*сэвэку*) и его сбруе, переходить тропу или идти по тропе охотника, в течение месяца до родов нельзя было обрабатывать шкуру оленя и прикасаться к топору². И действительно, например, неожиданная встреча с диким зверем в лесу могла окончиться нежелательными последствиями для беременной женщины.

В многочисленных предписаниях, в том числе и магических, которым должна была следовать беременная, явственно прослеживаются следы предохранительной магии. В частности, информатор Мандятова Матрена Ильинична сообщила о том, что беременной женщине запрещалось ходить на кладбище, участвовать в похоронной процессии, ходить по дороге, по которой везли покойника. Эти запреты были продиктованы опасениями и за здоровье беременной, и будущего мла-

¹ Корнишина Г., Беляева Н. Традиционная родильная обрядность мордвы: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zubova-poliana.narod.ru/history-tradition-kids.htm> (Дата обращения: 30.10.2011).

² Алексеева Е. К. Очерки по материальной культуре эвенов Якутии (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 2003. С. 77.

денца. Действительно, присутствуя на похоронах, будущая мать могла испугаться или сильно разволноваться, что нежелательно в таком положении.

Я. И. Линденау зафиксировал у эвенос следующие запреты: «беременная женщина не должна заплетать волос, сучить нитки, должна воздерживаться от тяжелой работы и переступить через палку»³. Несоблюдение предписаний могло привести к повреждению плода в чреве матери или же нанести вред самой роженице.

В первой половине беременности трудовой режим женщины изменялся незначительно, во второй, с появлением видимых признаков беременности, некоторые виды домашних работ запрещались, как-то: поднимание тяжестей, ношение воды, иногда пиление дров. Беременной женщине не разрешалось долго спать, наоборот, предписывалось много двигаться, бывать на свежем воздухе⁴. Такие правила помогали выносить здорового ребенка, т. к. насыщение крови кислородом беременной от активной работы на свежем воздухе благотворно сказывалось на внутриутробном развитии плода.

Однако, несмотря на обилие охранных правил, женщине в целом не воспрещалось исполнять тяжелую работу по хозяйству буквально до последних часов перед родами. Если же родовые схватки начинались в пути, во время перекочевок, то женщинам приходилось рожать прямо на поле или в тайге. В этих случаях ограничивались тем, что строили для роженицы небольшой конический чум, крытый шкурами и служивший ей уборной⁵. Информатор Чуприна Мария Яковлевна рассказывала о том, что во время перекочевки во время схваток ей пришлось уйти в лес, подальше от мужичин, а через некоторое время она вышла с ребенком на руках и как ни в чем не бывало продолжила путь. Сама она объясняет эту ситуацию отменным здоровьем эвенских женщин.

Также надо отметить, что у камчатских эвенос беременная женщина считалась нечистой: она могла принести семье и роду какие-то болезни и промысловые неудачи. Поэтому существовал ряд бытовых запретов для роженицы, охраняющих других членов общины. Например, беременным женщинам запрещалось переходить вброд через

³ *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-востока / под общ. ред. И. С. Вдовина. Магадан: Маг. кн. изд-во, 1983. С. 66.

⁴ *Алексеева Е. К.* Указ. соч. С. 78.

⁵ Там же.

рыбные речушки, перешагивать через орудия промысла (удачи не будет), навещать больных (последние сильнее заболеют)⁶.

Таким образом, система запретов и предписаний для роженицы у эвенов была вызвана необходимостью уберечь женщину и ее будущего ребенка от ситуаций, которые могли неблагоприятно сказаться на их здоровье. Часто эти запреты носили интуитивный характер, и лишь многовековой опыт помогал эвенкам ориентироваться в сложных условиях севера.

⁶ *Гурвич И. С.* Эвены Камчатской области. Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера / *И. С. Гурвич* // Труды ИЭ. М., 1960. С. 14.

ШИРОКОМАСШТАБНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА ЗАКЛЮЧЕННЫХ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ В 30–50-х гг. XX ВЕКА И АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

*к.и.н. В. Г. Зеляк
(СВГУ)*

Проблематика использования труда заключенных остается достаточно актуальной для современной историографии. В общегосударственном масштабе на данном направлении плодотворно работают О. В. Хлевнюк, Г. М. Иванова, Н. В. Петров, С. П. Сигачев и многие другие ученые. Режим содержания и трудовое использование лагерных контингентов Дальстроя изучают К. Б. Николаев, А. Г. Козлов, А. И. Широков, И. Д. Бацаев, С. А. Шулубина. Большие исследования по лагерной тематике ведутся в других знаковых регионах — Кузбасс, Дальнего Востока, Норильск, Воркута, Коми и т. д.

На современном этапе в исторической науке четко сформулирована позиция о возможности решения задач форсированной индустриализации СССР без создания огромного сектора принудительного труда территориально-производственных главков системы НКВД, составной частью которой являлся и Дальстрой. Аргументы в пользу данной позиции достаточно полно представлены в работах О. В. Хлевнюка¹.

Применительно к конкретно-исторической ситуации на Северо-Востоке России в 30–50-х гг. XX века в историографии остаются не вполне разрешенными вопросы о возможных альтернативах развития региона.

За годы деятельности Дальстрой добыл 1187,1 т золота в химически чистом эквиваленте, 65,3 тыс. т олова в концентрате, 2,85 тыс. т трехокси вольфрама в концентрате, 397,5 т кобальта в концентрате, око-

¹ Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ–НКВД–МВД СССР в 30–50-е годы XX в.: проблемы и источники // Исторические записки. 2002. Вып. 5 (123). С. 43–68.

ло 150 т уранового концентрата². При этом было вскрыто 224 млн м³ торфов, промыто на промприборах 137,5 млн м³ песков, добыты сотни тысяч тонн руды. Для обеспечения нормальной работы золотодобывающей промышленности были построены тысячи километров автодорог, сотни производственных и жилых объектов. Такие результаты были достигнуты главным образом за счет широкомасштабного использования труда заключенных и бывших заключенных, оставшихся по собственному желанию или задержанных против своей воли на Колыме и Чукотке.

В советской историографии (Н. А. Жихарев, Б. И. Мухачев) сложилось однозначное мнение о том, что старатели во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. не могли справиться с задачей резкого увеличения золотодобычи на Северо-Востоке в сжатые сроки, поэтому потребовалась организация Дальстроя. Другие варианты развития региона не предлагались.

В постсоветский период К. Б. Николаев остро поставил вопрос: «Можно ли было добывать золото на Северо-Востоке без Дальстроя, в организационных формах, существовавших до него? Или, может быть, в каких-то новых формах, но без лагерей, без унижений и расстрелов?»³ Сам К. Б. Николаев считал, что силами вольнонаемных добыча золота была бы существенно меньше, и, создав Дальстрой, Сталин выбрал самый быстрый и дешевый путь наращивания добычи золота, а потом и олова.

Весьма распространенной является точка зрения о том, что, поскольку золото на Северо-Востоке добывалось трудом заключенных, следовательно, в то время не могло быть иных вариантов. Доведем эти рассуждения до логического завершения, наполним их конкретным содержанием. Через лагеря Дальстроя прошли 870 тыс. заключенных, из них 125 тыс. умерло. Лагерники использовались во всех отраслях народнохозяйственного комплекса региона, но все отрасли были подчинены главной задаче — обеспечению максимально возможной добычи золота. За годы своей деятельности Дальстрой добыл почти 1200 т золота, то есть каждая тонна дальстроевского золота потребо-

² *Зеляк В. Г.* Пять металлов Дальстроя: история горнодобывающей промышленности Северо-Востока в 30–50-гг. XX в. Магадан, 2004. С. 272.

³ *Николаев К. Б.* К вопросу изучения истории Дальстроя // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛАГ. Магадан, 1996. С. 45.

вала эксплуатации 725 заключенных, в том числе 104 из них погибло⁴. Каждые 9,6 кг золота уносили одну жизнь. Это был очень тяжелый металл, он достался слишком дорогой ценой. Позиция «раз так было, то иначе в тех условиях быть и не могло» фактически оправдывает насилие репрессивной системы сталинского режима над сотнями тысяч людей.

Альтернатива имелась прежде всего в привлечении рабочего населения обычными способами, стимулируя приток и закрепление кадров повышенной заработной платой и различными льготами. Месторождения Колымы в свое время обнаружили и начали разрабатывать старатели. Действительно за 1926–1931 гг. им не удалось добиться впечатляющих результатов. На первоначальном этапе освоения на приисках периодически возникал голод, широко распространялась цинга, жилищно-бытовые условия были самыми примитивными. Однако при соответствующей поддержке государства — льготы, материально-техническое и продовольственное снабжение, как это было, например, при освоении золотоносных месторождений Алдана (с 1923–1924 гг.), ситуация обязательно нормализовалась. Кроме этого, на прииски Колымы в первой половине 1930-х гг. могла быть направлена молодежь, как это было сделано в 1956 г. по массовому комсомольскому призыву.

Другая альтернатива заключалась в методах эксплуатации заключенных, которые могли быть существенно мягче, что позволило бы сохранить жизни тысяч людей. И такие попытки периодически предпринимались в реальности. Так называемый берзинский период деятельности Дальстроя исследователи называют мягким, «либеральным»⁵. Заключенные, хотя и выполняли самые тяжелые виды физического труда, получали заработную плату, денежные премии, трудовые зачеты. С конца 1937 г. положение заключенных серьезно ухудшилось, многие льготы, и послабления режима были отменены, что в свою очередь привело к повышенной смертности лагерного населения. В военный период на определенном этапе вновь последовало смягчение режима, руководство Дальстроя заботилось о поддержании

⁴ Козлов А. Г. Дальстрой как «комбинат особого типа» и его роль в освоении Северо-Востока России // II Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 70-летию Дальстроя. Магадан, 2002. С. 28.

⁵ Э. П. Берзин — первый руководитель Дальстроя, возглавлял его в 1931–1937 гг.

работоспособности заключенных. В послевоенный период с 1949 г. для заключенных восстановили гарантированную заработную плату и питание. За перевыполнение планов заключенных переводили в категорию расконвоированных, им сокращали сроки, освобождали досрочно. Фактически эти меры приближали их к положению вольнонаемных и давали положительный эффект.

Следующая альтернатива заключается в том, что многие исследователи принимают как аксиому необходимость именно таких объемов добычи золота, какие были на Колыме, прежде всего в предвоенный период. Вопрос о том, насколько могла обойтись страна не такими объемами, а не на треть, наполовину меньшими, даже не ставился, однако он имеет полное право на существование. Как известно, в первую пятилетку индустриализация СССР обошлась вообще без колымского золота. Золотодобывающие организации Главзолото (в которую Дальстрой не входил) в 1930-е гг. давали большое количество валютного металла — 31,6 т в 1932 г., 85,5 т — в 1937 г., 79,3 т — в 1940 г. Это данные только по добыче золота из недр, кроме того, оно поступало от попутной добычи, через скупку от населения и других источников. Реально в распоряжении властей валютного металла было еще больше⁶.

Архивные документы позволяют несколько приблизиться к закрытой ранее информации о реализации золота за рубежом на различные нужды государства. Так, например, в 1934 г. на экспорт Внешторгу было сдано 15 665 кг или 23 % от общего поступления золота за этот год из недр и от попутной добычи⁷. Как видно, не подавляющая часть полученного золота, не половина, а меньше четверти ушло на граничные операции. При этом 1934 г. — это второй год второй пятилетки, время активного продолжения индустриального строительства и развития производственных мощностей в СССР.

Ситуация в стране в целом позволяла потратить некоторое время на вполне нормальную организацию золотодобывающих работ на Северо-Востоке. Многие тонны Колымского золота вполне могли быть добыты и несколько позже — не в 1934 г., а в 1938–1939 гг. Даже

⁶ Зеляк В. Г. Советская золотодобывающая промышленность в 1930-х — начале 1940-х гг.: Главзолото и Дальстрой // Вестник Северного международного университета. Магадан, 2003. Вып. 1. С. 50–55.

⁷ Рапорт А. Серебровского, И. Опарина, А. Борисова, Р. Лидермана, Е. Богина о выполнении плана добычи золота за 1934 г. от 14 января 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 29. Д. 589. Л. 5.

если бы Колыма в предвоенный период дала бы и в половину меньше металла, чем это сделал Дальстрой, это не грозило экономическим коллапсом, не ослабляло обороноспособность. При этом понятно, что золото Колымы было весьма востребованным для руководства страны высоко ликвидным ресурсом.

Первоначальный «успех» массового использования мускульного труда заключенных прошел достаточно быстро. Далее потребовалась полномасштабная механизация горных работ, поэтому исходя именно из реалий 1930-х гг., проводимой индустриализации, обращение к принудительному, фактически рабскому труду заключенных являлось техническим, а в более широком смысле — и общественным, историческим регрессом.

В лагерях Дальстроя, как и в других ИТЛ, погибло или не смогло реализовать свой творческий потенциал огромное количество одаренных людей. Едва выжили и смогли продолжить карьеру знаменитый ракетоконструктор С. П. Королев, генерал А. В. Горбатов, артист Г. Жженов. Однако подавляющее большинство выживших вынуждены были остаться на Колыме, их время было упущено. Многие исследователи уже указывали, что таланты и профессионализм сотен тысяч узников лагерей могли принести значительную пользу, не будь они репрессированы. Для личности лагерное время — это трагедия, катастрофа, «темное пятно» в жизни и даже «ад» (М. С. Ротфорт: «Колыма — круги ада»).

Таким образом, освоение Северо-Востока требовало огромных усилий и в ограниченные сроки, но государство в первой половине 1930-х гг. далеко не исчерпало все возможности более приемлемых (не экстраординарных) способов развития горной промышленности в регионе. Выбор модели освоения был определен скорее субъективными предпочтениями правящих верхов, чем объективными факторами. Исторический урок деятельности Дальстроя заключается в том, что необходимо учитывать этот тяжелый опыт, осознавать его негативные последствия, реальность альтернативных путей развития и прежде всего для того, чтобы не добиваться временных экономических «успехов» дорогой ценой многих тысяч человеческих жизней и искалеченных судеб.

ИНФОРМАТИВНОСТЬ И ДОСТОВЕРНОСТЬ УСТНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ (АРХИВОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

*к.и.н. О. С. Иванова
(БГУ, Белоруссия)*

Подходы устной истории¹ на сегодняшний день уже не являются новыми, а скорее востребованным в актуальной ситуации: они, по мнению ряда исследователей, использовались еще Геродотом, автором же современного понимания традиционно считается профессор Колумбийского университета А. Невинс (1940-е гг.). На постсоветском пространстве на методы устной истории ученые обратили внимание в 80-е гг. XX в. Наибольший всплеск интереса наблюдался начиная с 90-х гг., когда начался активный поиск источников для альтернативных исторических исследований. Он сопровождался и сопровождается активными дискуссиями и критикой со стороны так называемых традиционных историков.

В Беларуси «первооткрывателями» устной истории по праву могут считаться этнографы, фольклористы, а также журналисты. С начала 1990-х гг. сбор устных воспоминаний² начался с новой силой. К этой работе подключились различные научные учреждения и общественные организации: Институт истории НАН Беларуси, Республиканский институт высшей школы, центр гендерных исследований при Европейском гуманитарном университете, общественное объединение «Дыярыюш», общественные проекты «Пакаяныне» и «Беларуская нацыянальная памяць» и др. Сбор устных воспоминаний проводился профессиональными историками Н. Стужинской, А. Смаленчуком, И. Романовой, И. Маховской, И. Кашталян и др., а также краеведами,

¹ Под «устной историей» здесь понимается направление в гуманитарных науках, которое исследует как прошлое, так и особенности социальной памяти путем его записи, архивизации и анализа устных воспоминаний.

² Под «устным воспоминанием» здесь понимается зафиксированный с помощью технических средств разговор интервьюера с респондентом по определенно разработанной схеме (вопроснику) с целью получения информации о прямых и косвенных событиях жизни респондента. Синонимом понятия «устное воспоминание» в данном контексте является понятие «интервью».

языковедами, журналистами³. Наиболее актуальными темами и поводом для сбора воспоминаний стали темы репрессий, жизни в Западной Беларуси, неизвестные биографии лиц, оказавших существенное влияние на формирование белорусской государственности и культуры, история повседневности, история местностей, организаций, различных социальных, этнических, религиозных групп.

За двадцать лет в Беларуси накоплен достаточно объемный и ценнейший комплекс источников по устной истории. Возникает вопрос об их архивном хранении, в противном случае серьезной становится угроза их утраты. Проектирование эффективной системы архивного хранения устных воспоминаний открывает не только возможности сохранения документов, но и их поиска, удостоверения, а также развития основных направлений использования с учетом методологических особенностей устной истории.

Проблема архивного хранения устных воспоминаний уже неоднократно ставилась как «устными историками» А. Невинсом, П. Томпсоном и др., так и непосредственно архивоведами и архивистами В. Н. Гармашем, Д. Н. Хубовой⁴ и др. В архивоведении данный вопрос можно отнести к направлению деятельности так называемых антропологических архивов (или архивов личного происхождения), основной задачей которых является обеспечение возможности каждого человека сохранить о себе память⁵.

Система архивного хранения устных воспоминаний в зависимости от субъектов, участвующих в создании источника, включает ряд элементов (стадий)⁶:

1. сбор интервью (постановка целей и задач, составление вопроса, поиск респондентов). Действующие субъекты: интервьюер — респондент;

2. архивирование (комплектование, научное описание и регистрация, транскрибирование, обеспечение условий хранения). Действующие субъекты: архивист (транскрибатор) — интервьюер (владелец коллекции воспоминаний);

³ *Смалянчук А.* Вусная гісторыя і культура памяці ў Беларусі: уводзіны ў канцэпцыю архіва і яго задачы. URL: <http://www.nashapamiac.org/archive/about.jsp>

⁴ *Хубова Д. Н.* Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт. Дис. ... канд. истор. наук. 07.00.02. Отечественная история. М., 1992. С. 320.

⁵ Формулировка идеи взята у основателя «Народного архива», советско-го и российского архивоведа Б. С. Илизарова.

⁶ См.: *Хубовой Д. Н.* Этапы документирования устной истории. С. 66.

3. доступ и направления использования. Действующие субъекты: архивист — пользователь.

Несомненно, что круг проблем, возникающих на данных этапах, достаточно широк и в целом исчерпывающе изложен в вышеупомянутой работе Д. Н. Хубовой. Здесь бы хотелось коснуться тех из них, которые наиболее всего влияют на информативность и достоверность устного воспоминания как исторического источника.

Д. Н. Хубова в своей работе очень точно определяет разницу подходов архивиста и историка к сбору воспоминаний: для архивиста интервью и респондент являются целью, а для историка — средством получения информации. То есть архивист ставит своей целью получение максимально полной информации, которой владеет респондент, историк — только информации, необходимой ему для исследования. Тем не менее очевидная «ограниченность» историка тематическими рамками на практике существенно корректируется возможностями респондента, который находится в центре повествования, трактует события через призму своего субъективного восприятия, «стирая» жесткие рамки. Проблема же архивиста, наоборот, заключается в отсутствии границ, единственным его ограничением является сам респондент, его способность и желание поделиться информацией. Для архивиста в этом случае нет информации важной и неважной, существенным является только ее наличие, однако особенности информации требуют фиксации в описаниях.

Влияние интервьюера на содержание устного воспоминания может быть различным⁷:

1. интервью может практически полностью создаваться интервьюером исходя из знания ситуации. В этом случае респондент лишь отвечает на непосредственные вопросы интервьюера, часто односложно;
2. интервью направляется интервьюером, на вопросы респондент отвечает легко и полно, при этом не дает информацию самостоятельно;
3. интервью создается респондентом, редкие вопросы интервьюера создают повод для целостного воспоминания;

⁷ Предлагаемое деление достаточно близко к традиционному делению на открытые, полукрытые и закрытые интервью, дополняя и несколько уточняя его. Также можно сравнить с разделением на биографические и тематические интервью. См.: *Белановіч А., Раманава І.* Метад “вусная гісторыя”: гісторыя узнікнення, асноўныя падыходы і рэкамендацыі для правядзення інтэрв’ю. URL: <http://www.nashapamiac.org/archive/methodology.jsp>

4. интервью полностью создается респондентом, интервьюер выступает лишь в качестве слушателя.

Подобные определения, даваемые при описании интервью на стадии архивации, расширяют возможности определения пользователем информативной значимости конкретного интервью, сокращая временные затраты на его прослушивание и анализ.

Встраивание отдельного воспоминания в систему архивного хранения позволяет придать ему достоверность (легальность, проверяемость), отраженную в архивном шифре.

Таким образом, этап архивирования, на котором происходит описание интервью и их встраивание в систему архивного хранения (легализация, удостоверение), может являться определяющим не только для последующего использования устных воспоминаний в научных исследованиях, но и определять методику и даже цели сбора интервью, существенно повышая их информативность и достоверность.

ИТЛ ВОЛГОСТРОЯ В 1935–1953 гг.:
ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ТРУДОВОЙ
КОНТИНГЕНТ И ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД
НА ОБЪЕКТАХ ГИДРОСТРОИТЕЛЬСТВА

В. А. Ильяшенко
(МГУ)

Вопрос о роли производственных главков НКВД–МВД в реализации задач сталинской форсированной индустриализации стал в последние годы предметом исследования целого ряда российских и зарубежных историков. С начала 1930-х гг. и вплоть до смерти Сталина трудовой контингент ГУЛАГа составлял заметную часть рабочей силы ряда отраслей промышленности страны.

Немалое место в планах советского руководства занимало промышленное строительство, связанное с водными путями. Одной из первых крупнейших строек, на которых использовался труд заключенных, стал знаменитый ББК — Беломорско-Балтийский канал. После него был Волго-Балтийский водный путь, строительство других крупных гидроузлов, в том числе гидроузлы и гидроэлектростанции на р. Волге («Волжский каскад»), которыми занималось управление строительства гидротехнических узлов на р. Волга «Волгострой», в том числе самый большой лагерь управления — Волжский ИТЛ (ИТЛ Волгостроя, Волголаг).

Анализ архивных материалов Государственного архива Российской Федерации (Ф. 9414 — фонд ГУЛАГа и Ф. 9401 — фонд НКВД–МВД, а также материалы региональных архивов) дает достаточно полное представление о деятельности лагеря. 07.12.1935 г. в соответствии с постановлением СНК № 2074 от 14.09.35 на р. Волге с управлением в с. Переборы Ярославской области был организован ИТЛ¹, основной задачей которого было строительство и впоследствии обслуживание Рыбинского, Угличского, Б. Шекснинского гидроузлов, Углич-

¹ Приказ НКВД СССР № 0156 «Об организации Волжского ИТЛ НКВД» от 7 декабря 1935 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9401. Оп. 1. Д. 480. Л. 174.

ской ГЭС². Общая стоимость строительства по проекту составляла 1,6 млрд рублей. Целью строительства этих гидроузлов было создание водохранилища в районе Молого-Шекнинского междуречья (сейчас Рыбинское водохранилище) и обеспечение судоходного подхода к каналу Москва–Волга. За время своего существования лагерь претерпевал различные изменения, менялось его название, подчинение — сначала он подчинялся ГУЛАГу, с осени 1940 до осени 1941 г. — ГУЛГТС, с 1944 по 1946 г. — ГУЛПС, менялись его основные задачи — от строительства гидроузлов и их обслуживания до военного производства и легкой промышленности.

Лагерь существовал до 1953 г., в апреле этого года лагерь, переданный в ведение Министерства юстиции СССР, был расформирован³. Кроме проведения работ по постройке гидротехнических сооружений лагерь занимался постройкой железной дороги Калязин–Углич, шоссейными работами, и, в связи с тем что при создании водохранилища в зону затопления попадала большая территория (в том числе старинный город Молога), ИТЛ проводил работы по переносу селений из затопляемой зоны в количестве около 37 000 хозяйств. Во время Великой Отечественной войны основной задачей лагеря стало обслуживание гидроузлов, а также производство оборонной продукции и лесозаготовки, а в конце существования лагеря в его задачи входило также и сельское хозяйство, рыбная ловля и др.⁴

Волжский ИТЛ во время строительства гидроузлов был одним из крупнейших лагерей в стране. Численность заключенных достигала 96 000 человек в 1941 г. О важности этого строительства говорит также и то, что его начальником был назначен ст. майор ГБ Я. Д. Рапопорт, который в это же время являлся зам. начальника ГУЛАГа и начальником ГУЛГТС НКВД.

Несмотря на то что начатые в 1935 г. работы по строительству гидроузлов на Волге планировалось закончить к навигации 1939 г., сроки выдержаны не были, строительство задерживалось, пересматривались планы, финансирование. К концу лета 1945 г. было сдано пять агрегатов из планируемых восьми, а последний агрегат Рыбинской

² Из справки ГУЛАГ о хозяйственной деятельности ГУЛАГ, не ранее января 1938 г. // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2947. Л. 2.

³ Из приказа Министра юстиции СССР № 0038 от 29 апреля 1953 г. // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 143. Л. 57–63.

⁴ Динамика производства спецкупорки предприятиями НКВД // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1 Д. 328. Л. 180.

ГЭС был сдан в эксплуатацию в 1950 г. План не выполнялся по разным причинам: несвоевременное поступление рабочей силы, низкая производительность труда, слабое использование экскаваторов и гидромониторов, например, в 1937 г. «не более 60 % своей нормативной производительности». На протяжении всего 1937 г. отсутствовал технический проект, рабочие чертежи не всегда поступали вовремя в распоряжение строителей, из-за этого происходили сильные задержки в работе, а, кроме того, подобные проблемы «явились одной из причин производства 300 тыс. кубометров внепроектных земляных работ»⁵. Кроме того, бетонные комбинаты, которые должны были обеспечивать Волгострой, вводились в эксплуатацию с опозданием, в основном потому, что оборудование для них поставлялось «несвоеременно и некомплектно», а также из-за отсутствия квалифицированной рабочей силы и административно-технического персонала.

Несмотря на важность строительства, в бухгалтерских отчетах лагеря постоянно идет речь о невыполнении плана. Например, в 1936 г. план в целом по Волгострою «был выполнен всего на 65,1 %, в том числе:

- по земляным работам — 80,1 %,
- по бетонным работам — 28,1 %,
- по прочим основным работам — 38,1 %,
- по гражданскому строительству — 106,0 %,
- по дорожному строительству — 109,2 %,
- по переносу строений — 89,2 %»⁶.

Это объясняется не только нерациональным использованием техники, но и низкой производительностью труда заключенных. Архивные материалы позволяют проследить изменения в численности и структуре рабочей силы Волгостроя, получить сравнительные оценки производительности труда, условий жизни заключенных.

⁵ Отчет о хозяйственно-финансовой деятельности Управления Волгостроя и Волголага НКВД за 1937 г. // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 961. Л. 8.

⁶ Там же. Л. 8, 18.

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ ДУХОВНОЙ ЦЕНЗУРЫ В ЭПОХУ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

Д. А. Карпук
(СПбГУ)

Исследования по истории цензуры стали выходить в России еще в 60-е гг. XIX века. Современные исследователи дореволюционную историографию цензуры разделяют на две неравные части: «официозно-охранительную» и «буржуазно-либеральную»¹. Принципиальное расхождение между авторами этих направлений заключается в том, что первые считали инициатором пересмотра законов о печати государственную власть², а вторые, критикуя первых, настаивали на том, что изменения правительственной политики в области печати происходили под усиливающимся давлением общественного мнения³. В постсоветский период количество общих работ по истории цензуры в сравнении с периодом советским⁴ увеличилось⁵.

¹ Григорьев С. И. Придворная цензура и образ верховной власти (1831–1917). СПб.: Алетейя, 2007. С. 22.

² См.: Щебальский П. К. Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862. 107 с.; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного Просвещения (1802–1902). СПб., 1902. 787 с.; *Нотович О.* Исторический очерк нашего законодательства о печати. СПб., 1873; *Арсеньев К. К.* Законодательство о печати. СПб., 1903. 264 с.

³ См.: *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892. 495 с.; *Энгельгард Н.* Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903 гг.). СПб., 1904. 389 с.; *Лемке М. К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. 436 с.; *Джанишев Г. А.* Эпоха великих реформ. СПб., 1907; *Розенберг В., Якушкин В.* Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905. 251 с.

⁴ *Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати в 60–70-е гг. XIX в. Л., 1989.

⁵ См.: *Патрушева Н. Г.* Цензурная политика в России 1865 г.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л., 1990; *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX века. СПб., 2000; *Он же.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.

В начале XXI века к данной проблематике обращаются все больше исследователей⁶.

Однако при всем обилии работ по истории цензуры приходится констатировать, что история духовной цензуры, если не считать нескольких обобщающих очерков⁷, до сих пор не становилась предметом отдельного исследования. Из имеющихся в наличии дореволюционных работ по данной проблематике можно назвать только цикл статей Т. В. Барсова, рассматривающего историю духовной цензуры только до начала XIX века⁸, и монографию А. Н. Котовича, который ограничивает свое исследование первой половиной XIX века⁹. Положение духовной цензуры во второй половине XIX — начале XX веков вообще не было предметом отдельного исследования. Вместе с тем духовная цензура в XIX века считалась современниками одной из самых строгих, поэтому процесс ее институционализации и взаимодействия со светской цензурой, а также влияние не только на собственно церковную, но и на светскую литературу, представляет особый интерес.

⁶ *Гусман Л. Ю.* Проекты реформ цензуры иностранных изданий в России (1861–1881 гг.). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. СПб., 1999; *Потапова Е. В.* Влияние духовно-цензурных комитетов на развитие библиотечного дела в России во второй половине XIX века. Дис. ... канд. педаг. наук. М., 1999. 143 с.; *Пищеничная М. А.* Государственная политика в области цензуры печати в России XIX — начала XX веков. Дис. ... канд. истор. наук. Ставрополь, 2002. 205 с.; *Ячевский С. И.* Цензурная политика царского правительства в пореформенный период (вторая половина XIX — начало XX вв.). Дис. ... канд. истор. наук. М., 2002. 202 с.; *Полусмак Т. Л.* Цензурное законодательство дореволюционной России. Дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. 194 с.; *Бурлакова Р. И.* Правовое регулирование цензуры печати в России в XVIII — начале XX века. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 208 с.; *Марцоха И. Е.* Институт цензуры в информационной правовой политике России. Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 133 с.; *Осташевский А. А.* Цензурные уставы XIX века и их влияние на формирование системы российской прессы. Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009. 160 с.

⁷ *Лялина Г. С.* Цензурная политика церкви в XIX — начале XX в. // Русское православие: веки истории. М.: Политиздат, 1989. С. 463–500.

⁸ *Барсов Т. В.* О духовной цензуре в России // Христианское чтение. 1901. № 5. С. 691–719; № 6. С. 966–998; № 7. С. 110–130; № 8. С. 238–257; № 9. С. 390–404.

⁹ *Котович А.* Духовная цензура в России (1799–1855 гг.). СПб.: Типография «Родник», 1909. С. XVI, 608, XIII.

Вплоть до начала XVIII века весь процесс контроля духовной литературы носил спорадический характер. Указы издавались по мере необходимости, а собственно цензурный контроль возлагался на книжных справщиков, чью деятельность в свою очередь контролировало священноначалие.

В 1720 г. 5 октября вышел указ Сената о запрете печатать церковные книги без предварительной цензуры. В 1721 г. был издан главный церковный законодательный документ всего синодального периода «Духовный регламент», согласно которому цензорские обязанности возлагались на членов Священного Синода¹⁰. Существенные изменения в вопросе о духовной цензуре произошли при императоре Павле I, когда был создан цензурный комитет в Москве, располагавшийся в Донском монастыре.

В период правления императора Александра I разработка законодательной базы в области цензуры была продолжена. Первый цензурный устав 1804 г. включал в себя как светскую, так и духовную цензуру. Собственно устав духовной цензуры был утвержден 22 апреля 1828 г. Согласно этому документу, а также уставу духовных академий 1808–1814 гг. цензурные комитеты учреждались при духовных академиях. Центральными комитетами становились столичные: Санкт-Петербургский и Московский. Полномочия двух других, Киевского и Казанского, при соответствующих академиях были незначительными.

Ситуация в ведомстве духовной цензуры существенным образом начинает меняться с середины 50-х гг. XIX века, когда цензорские полномочия щедро раздаются как отдельным лицам, так и организациям. В частности, в некоторых епархиях с 1860 г. начинают издаваться «Епархиальные ведомости», цензура которых была поставлена под контроль правящего архиерея, который в свою очередь назначал особого цензора из числа духовенства. К концу 60-х гг. число таких особых цензоров доходило уже до 30 человек. Кроме того, согласно новому академическому уставу 1869 г. цензурные комитеты выделялись из состава академий и становились отдельными структурными подразделениями.

¹⁰ Сборник законоположений и распоряжений по духовной цензуре с 1720 по 1870 гг. СПб., 1870. С. 1, 9–10.

В январе 1870 г. при Св. Синоде была учреждена комиссия для пересмотра действующих постановлений о духовной цензуре под председательством архиепископа Макария (Булгакова), чтобы на законодательном уровне закрепить произошедшие изменения. По итогам заседаний был составлен проект изменений¹¹. Св. Синод высказался за осуществление представленных предложений. Однако согласно Высочайшему повелению от 21 декабря 1870 г. проект был передан на рассмотрение учрежденной 2 ноября 1869 г. комиссии статс-секретаря С. И. Урусова. Впоследствии проект дальнейшего движения не получил, как и все работы этой комиссии относительно реформ гражданской цензуры. Попытка реформирования духовной цензуры в 1870–1871 гг. представляет для истории этого ведомства особый интерес. Ведь именно тогда были предложены такие варианты, благодаря которым духовная цензура могла стать более либеральной.

В 1881 г. при обер-прокуроре Св. Синода К. П. Победоносцеве была предпринята еще одна попытка произвести преобразования в сфере духовной цензуры. Однако все изменения были ограничены «штукатурными работами», сводившимися к изменению количества членов цензурных комитетов и выделяемых на содержание комитетов денежных сумм.

Вплоть до 1905 г. периодически продолжали выходить указы Св. Синода, касающиеся отдельных частных вопросов духовной печати, разъясняющие разные стороны духовной цензуры¹², однако пересмотра устава 1828 г. так и не произошло, и он формально оставался главным законодательным документом для духовных цензурных комитетов вплоть до 1917 г.

Вопрос о духовной цензуры в рамках Русской православной церкви в настоящее время не является больше достоянием прошлого. Дело в том, что в 2008 г. архиерейский собор Русской церкви принял определение «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви», в котором, с одной стороны, положительно оценивалось состояние церковного издательского дела. С другой стороны, священноначалие постановило сделать «необходимым обязательное получение благословения епархиального Преосвященного на выпуск православных изданий, выходящих на территории его

¹¹ РГИА. Ф. 796. 1886 г. Оп. 167. Ед. хр. 2258. Л. 11–14 об.

¹² П. И. Краткий обзор истории и современного состояния вопроса о церковном наблюдении за произведениями литературы // Прибавления к Церковным ведомостям. 1909. № 6. С. 289–293.

епархии, и ведение централизованного учета этих изданий на общецерковном уровне»¹³. Осуществление рецензирования всех церковных изданий поручено издательскому совету Русской православной церкви¹⁴, который в настоящее время осуществляет не только предварительную, но и карательную цензуру.

¹³ Определение Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви». URL: <http://www.mospat.ru/archive/41632.htm> (Дата обращения: 25.02.2012).

¹⁴ Определение Священного Синода от 25 декабря 2009 года об издательской деятельности. URL: http://izdatsovet.ru/doc/index.php?ELEMENT_ID=801 (Дата обращения: 25.02.2012).

СТАЛИН И СТАЛИНСКАЯ ЭПОХА

К. Картман

(Холи Кросс Колледж, Великобритания)

Личность Сталина находится сегодня в центре внимания как политиков, так и обывателей, как историков, так и деятелей искусства: исторические исследования, статьи в журналах, фильмы. Это неслучайно, поскольку этот человек более 30-ти лет находился у руля управления одной из великих держав мира. Еще он управлял целой группой стран, которую называли «социалистическим лагерем». И каждое новое поколение хочет постичь тайну этой личности и того явления, которое с наибольшей силой проявилось в этой личности. Обычно этому явлению дают имя «культ личности».

Но авторитарные методы управления были характерны для всех вождей Советской России. После прихода большевиков к власти в поведении Льва Троцкого, Григория Зиновьева, Иосифа Сталина такие черты проявились наиболее ярко. После смерти Владимира Ленина внутри партийного руководства началась борьба за лидерство, и претенденты на «партийную корону» вступили в яростную схватку. В итоге победил И. В. Сталин.

Опубликованные документы говорят о том, что на партийных съездах и конференциях до конца 20-х гг. XX века звучали голоса тех, кто попытался обратить внимание «товарищей по партии» на те черты характера Сталина, которые уже говорили о приближающейся эре «жесткого лидерства».

Существовало «Письмо съезду» Ленина, где тот давал характеристику партийным лидерам. Там говорилось о Сталине, и Ленин предлагал переместить Сталина с поста генерального секретаря из-за склонности к «культовой болезни». Но, насколько известно, это письмо не было воспринято всерьез, оно расценивалось как проявление острого соперничества в борьбе за лидерство.

В конце 20-х — начале 30-х гг. Сталин захватил лидерство в партии и стал фактическим руководителем СССР вплоть до смерти в 1953 г. За эти годы идеологические службы СССР сформировали идеологию культа его личности, и это имело самые тяжелые последствия для Советской России.

О культе личности Сталина написано очень много интересных исследований. Большинство авторов считают, что культ личности Сталина возник как неизбежный результат антидемократических принципов, которыми руководствовалась сама партия. Некоторые авторы считают, что культ личности заложен в самой социалистической идее. С конца 80-х гг. в исторической литературе в России появилась тенденция разделять понятия: Сталин, сталинщина, сталинизм. Но для западного обывателя все эти понятия практически едины: жесткий вождь, жесткая политика, жесткое общество. Имея неограниченную власть, И. В. Сталин допустил жестокий произвол, подавлял человека морально и физически. Создалась такая обстановка, при которой человек не мог проявить свою волю. Массовые аресты и ссылки тысяч и тысяч людей, казнь без суда и нормального следствия порождали неуверенность, вызывали страх и даже озлобление.

Позже, после смерти И. В. Сталина будет принято Постановление «О преодолении культа личности и его последствий», но в этом документе не был дан ясный ответ на вопрос, почему возник культ личности.

Сегодня мы знаем, что со временем Сталин и круг близких к нему функционеров партии выработали целую систему репрессивного механизма. Представлялись списки осужденных с указанием меры наказания, и И. В. Сталин заставлял лиц из своего окружения ставить под этими списками свои подписи.

Но при этом отношение массы тоталитарных индивидов к И. В. Сталину было интимно-психологическим и личностным: он был для них не просто символическим знаком новой идеологии и политической практики, но еще и яркой индивидуальностью. Его индивидуальные качества срослись с символическими, и в этой системе он заменил в СССР место Бога. Символические ритуалы и обязательные комплименты в его адрес заменяли молитву и были ритуальным элементом существования и осуществления тоталитарной власти каждым на своем месте. Исчезновение личностного символа системы изменило духовную атмосферу внутри ее. Новые поколения как бы вышли из-под влияния той идеологической и психологической силы, которая формировала в каждом качества тоталитарного индивида.

Было бы неправильно не признать реальные успехи сталинского режима, использовавшего мобилизационную экономику для укрепления государства: была создана мощная промышленность, решены вопросы массового и элитарного образования, развивались наука, си-

стема здравоохранения страны, была создана сильная армия, которая особенно ярко проявила себя в годы Второй мировой войны.

После смерти вождя система сталинизма угасла, его преемник Никита Хрущев не смог стать таким же ярким вождем, как «вождь народов».

Эпоха Сталина ушла вместе с ним.

ПРОБЛЕМА БЮРОКРАТИИ В АНАРХИСТСКОЙ ДОКТРИНЕ М. А. БАКУНИНА

А. М. Козлова
(МГУ)

Михаил Александрович Бакунин — выдающийся политический мыслитель XIX столетия, один из самых ярких приверженцев анархизма. Его труды многогранны и отличаются непоследовательностью взглядов и идей. По характеру своей индивидуальности, во многом обусловившей жизненные перипетии и отразившейся в особенностях его теоретического поиска, Бакунин предстает перед нами прежде всего «практическим революционером», человеком, в котором, по свидетельству А. И. Герцена, «лежал зародыш колоссальной деятельности»¹. В своем идейно-политическом развитии Бакунин прошел долгий путь от стойкого апологета государственности до яркого революционера-анархиста.

В своих трудах мыслитель поднимает множество социальных проблем, причины которых, по его мнению, коренятся в государственной организации общества, основанной на насилии и угнетении народа. Одной из центральных проблем, которая лейтмотивом проходит через все главные произведения Бакунина, стала проблема бюрократии, которая по сей день не теряет своей актуальности и является одной из злободневных проблем общества.

Особое внимание в своих работах Бакунин уделяет российской бюрократической системе, которую оценивает как систему взяточничества и продажности. Мыслитель часто размышляет о социально-политической ситуации в стране и старается найти опору царского правления, и приходит к мнению, что народ уже давно перестал быть тем социальным столпом, на который опирается монархия. Говоря об опорах русской монархии, Бакунин также отвергает армию и духовенство. После чего его внимание привлекает российская бюрократиче-

¹ *Шириняц А. А., Матвеева Ю. А., Талеров П.* Михаил Александрович Бакунин. Избранные труды / М. А. Бакунин; [сост. П. И. Талеров, А. А. Шириняц]. М.: РОССПЭН, 2010. С. 18.

ская система, которую он впервые подробно охарактеризовал. Он выделил несколько характерных черт российского чиновничества.

Прежде всего Бакунин отметил иерархичность бюрократического аппарата Российской империи. «Чиновный мир есть хорошо расчлененное целое, лестница, состоящая из бесчисленных ступенек, из которых нельзя пропустить ни одной, если хочешь достичь вершины, царя. Недаром сказано в поговорке: до неба высоко, до царя далеко»².

Бакунин сравнивает чиновничество с болотом, полным кровососущих пиявок, которые то и дело подвергают народ наглому обману и тирании. Добиться правосудия при такой системе нет возможности, ведь «все жалобы застревают по дороге в Петербург в канцеляриях высокопоставленных мошенников». Таким образом, русское чиновничество Бакунин представляет как единый организм с тесно сплетенными внутри него нитями, перед которыми даже закоренелый немецкий бюрократ, по утверждению автора, может прийти в немое изумление.

Другой важной особенностью бюрократии в России является ее коррупционность. «Начиная с наивысшей точки этой пирамиды до самого ее основания все чиновники воруют самым циничным образом. Это настолько установившийся порядок и до такой степени считается присущим службе, что старший чиновник попрекает младшего тем, что тот-де для своего служебного положения (Tschin) слишком крадет»³.

Рассуждая о продажности российского чиновничества, Бакунин приходит к интересному выводу. Он утверждает, что обман в нашей стране настолько укоренился, что чиновник, который имеет идеальное представление о долге и чести, будет рассматриваться всеми как враг, он будет белой вороной в черном обществе, если не станет делать то же, что и другие. «Честный человек среди воров должен погибнуть. Без его ведома с помощью подлога соответствующих документов его или сделают соучастником преступления, или объявят политически неблагонадежным, и горе ему, если он в обоих этих случаях не обеспечен сильным покровительством при дворе. Он должен уйти, “он якобинец, он не хочет брать!” — говорят о нем, и высшие начальники из собственных интересов помогают освободиться от чудака, ко-

² *Бакунин М. А.* Положение в России. Избранные труды / М. А. Бакунин; [сост. П. И. Талеров, А. А. Шириняц]. М.: РОССПЭН, 2010. С. 132.

³ Там же. С. 144.

торый позволяет себе иметь иное представление о государственной службе»⁴.

«Видимость — это все, что требуется в России от хорошего чиновника», — рассуждает Бакунин. Только видимость может приносить доход и повышения по службе, «существо же ведет в Сибирь». Исходя из этого автор приходит к выводу, что, несмотря на кажущуюся организацию, в рядах российской бюрократии существует самая большая дезорганизация, которая является очередной важной характеристикой чиновничьего мира. Этот мир воров за многие поколения настолько разросся, что перестал контролироваться кем бы то ни было. «Нет такого сенатора, такого министра, такого начальника департамента в Петербурге или в провинции, который не воровал бы. Даже жены чиновников используют эту привилегию своих мужей, и супруга министра полиции Бенкендорфа привозила целые пароходы, полные контрабандного товара, в Кронштадтский порт и содержала через посредство своих крепостных служанок большие торговые склады»⁵.

Даже царь не имеет больше власти над чиновниками. Он предпринимал попытки положить конец такому положению дел, но те действия, которые предпринимались, были похожи на удары прутьями по воде, несколько капель которой брызжут и, падая на берег, высыхают, не уменьшая количество воды. Огромная численность воров делает невозможной любую реформу.

Бюрократия стала действительным правителем России благодаря своей многочисленности и отсутствию какого-либо контроля над ее действиями. «По ее могущественным ступеням доходят приказы царя до народа, по ним подымаются просьбы и жалобы народа к царю, но все это только с согласия самих чиновников. Если приказ сверху кажется им подозрительным и угрожающим их безопасности, то он, правда, тут же получает движение, даже, быть может, и опубликовывается, но только не исполняется, так как народ и частные лица не могут добиться его исполнения; их просьбы и жалобы не приводят ни к каким результатам, даже золото не действует на высших ступенях, так

⁴ Бакунин М. А. Положение в России. Избранные труды / М. А. Бакунин; [сост. П. И. Талеров, А. А. Ширинянц]. М.: РОССПЭН, 2010. С. 145.

⁵ Бакунин М. А. Государственность и анархия. Избранные труды / М. А. Бакунин; [сост. П. И. Талеров, А. А. Ширинянц]. М.: РОССПЭН, 2010. С. 474.

как сумма недостаточно соответствует чину; одним словом, до неба высоко, до царя далеко!»⁶

Подводя итоги своих рассуждений, Бакунин сделал вывод, что естественным следствием такой грабительской системы чиновников в России стало бесконечное озлобление народа против этого класса, озлобление, которое превышает ненависть к дворянству. «Чиновный мир, который, как мы видим, предписывает царю законы или же исполняет царские приказы, когда это ему заблагорассудится, не является больше орудием престола, а, скорее, могущественным орудием революции, которой он приносит в жертву самого себя вместе с царем»⁷.

Таким образом, бюрократия является, по мнению Бакунина, своеобразным зарядом для пороховой бочки, которая в любое мгновение может взорваться и привести к гибели монархии и освобождению народа. В знаменитой работе «Исповедь», которую Бакунин пишет в Петропавловской крепости по настоянию Николая I, он предлагает выход сложившейся ситуации только в воспитании таких качеств в чиновнике, как «благородство чувств, самостоятельность мысли, гордая безбоязненность чистой совести, уважение человеческого достоинства в себе и в других, и, наконец, публичное презрение ко всем бесчестным, бесчеловечным людям, общественный стыд, общественная совесть!»⁸. Но эти качества, утверждает писатель, можно воспитать только в свободном обществе, а не там, где преобладает рабство и страх. И только революция, считает мыслитель, способна положить конец угнетению народа, раз и навсегда освободить Россию от тирании чиновника.

⁶ *Бакунин М. А.* Положение в России. Избранные труды / М. А. Бакунин; [сост. П. И. Талеров, А. А. Шириняц]. М.: РОССПЭН, 2010. С. 148–149.

⁷ Там же.

⁸ *Бакунин М. А.* Исповедь. М.: Азбука-классика, 2010. С. 237.

ИЗДАНИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГРАМОТ В РОССИИ XX ВЕКА

*к.и.н. Н. А. Комочев
(ИАИ РГГУ)*

В обобщающих работах по истории отечественной и зарубежной археографии традиционно отсутствует раздел, посвященный изданиям западноевропейских источников российских собраний¹, и в стороне остается довольно значительный в качественном отношении комплекс публикаций.

Издания данной группы, подготовленные специалистами по всеобщей истории, закономерно рассматривать как наиболее яркие достижения отечественной медиевистики XX века. Очевидно и то, что подготовка иноязычных средневековых источников требует особой археографической подготовки. Именно источники определяют археографическую специфику изданий, которые с методической точки зрения отличаются от изданий источников российской истории. В частности, рассматриваемые издания испытали на себе непосредственное влияние традиций западноевропейской археографии. Все это делает актуальным обращение к отечественному опыту публикации западноевропейских средневековых актов, рассматривая его как самостоятельное направление российской археографии XX века.

Крупнейшим изданием западноевропейских средневековых актов, подготовленным в нашей стране, является публикация грамот Кремены из собрания Института истории АН (Санкт-Петербург)².

¹ *Валк С. Н.* Советская археография. М.; Л., 1948; *Корнева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М.* История археографии в дореволюционной России: учеб. пособие. М., 1969; *Королев Г. И.* Медиевистическая археография за рубежом: Труды XVI–XVIII веков. М., 2001; *Он же.* Труды XIX – начала XX века. М., 2003; и др.

² Данному изданию предшествовали другие публикации западноевропейских грамот. Так, еще к 1920-м гг. относится публикация В. В. Бахтина, принадлежавшего к научной школе О. А. Добиаш-Рожественской. Им были рассмотрены три диплома IX–X веков, один из них прокомментирован, к другому даны разночтения по сравнению с публикацией в MGH, третий опубли-

Первый выпуск, включающий 165 грамот за 960–1227 гг., вышел в 1937 г.³ На тот момент из всего числа опубликованных в нем актов было издано только 8 грамот, все издания в публикации учитывались. Акты сохранились в составе коллекции Н. П. Лихачева, приобретенной им в конце XIX — начале XX века⁴. Собрание принадлежало архиву кремонской епископии, который был распылен между разными архивохранилищами. Это объясняет тот факт, что сводного издания актов кремонских епископов в Европе сделано не было и всего на момент выхода в свет издания насчитывалось около 500 изданных актов Кремоны VIII–XIII веков⁵. На этом фоне советское издание явилось большим международным событием.

Первый опыт изучения собрания кремонских актов Академии наук был сделан О. А. Добиаш-Рождественской в 1920-е гг. В описании и копировании грамот участвовали ее слушатели (около 35 человек), сделавшие примерно 60 копий актов⁶. Издание документов было включено в план Института истории в 1932 г. Транскрипция актов и их сверка с изданиями проводилась С. А. Аннинским в 1933–1934 гг. Через год издание было уже готово, оно вышло с историческим предисловием О. А. Добиаш-Рождественской и под ее редакцией, общую редакцию осуществил А. С. Орлов.

В историографии издание нередко рассматривается как заслуга в первую очередь О. А. Добиаш-Рождественской или даже как исключительно ее заслуга⁷. Между тем, хотя инициатива и принадлежит О. А. Добиаш-Рождественской, основная работа по подготовке издания была проведена С. А. Аннинским.

кован. Издана была грамота 866 г., согласно которой монастырю Инде поступали два участка земли. См.: *Бахтин В. В.* Две хартии раннего Средневековья из архива Инды // Средневековье в рукописях Публичной библиотеки / под ред. О. А. Добиаш-Рождественской. Л., 1925. С. 62–77.

³ Акты Кремоны X–XIII веков в собрании Академии наук СССР / подгот. к изд. С. А. Аннинский; предисл. О. А. Добиаш-Рождественской. М.; Л., 1937. XXIV. 381 с.

⁴ См. также: *Простоволосова Л. Н.* Н. П. Лихачев: судьба и книги. Библиографический указатель. М., 1992. С. 10–11, 13–14, 16.

⁵ Акты Кремоны... С. 1–5.

⁶ См. также: *Люблинская А. Д.* О. А. Добиаш-Рождественская как историк // Средние века (далее — СВ). М.; Л., 1942. Вып. 1. С. 219.

⁷ *Брагина Л. М.* Крестьянские движения в Северо-Восточной Италии в XIII–XIV веках // Вопросы истории. 1955. № 8. С. 73.

Сергей Александрович Аннинский (1891–1942) — фигура в своем роде исключительная. Выпускник Историко-филологического института в Санкт-Петербурге и Архивных курсов при Петроградском археологическом институте, он работал в Ленинградском отделении Центрархива, а затем являлся ученым хранителем рукописного отделения БАН⁸. За очень короткий срок ему удалось сделать чрезвычайно много, особенно велика его роль в деле публикации источников различных эпох на разных иностранных языках (он владел шестью языками, при этом в совершенстве классической и средневековой латынью).

Введение С. А. Аннинского к сборнику оказалось очень удачным, его влияние чувствуется и в последующих изданиях. Подробно были рассмотрены: происхождение коллекции грамот; предыдущие европейские издания; состав издаваемых грамот (хронология, классификация); целые исследования посвящены нотариам (62 человека), хронологии грамот, дорсальным надписям. В конце введения приведены правила передачи текста грамот.

Текст самих документов дан с учетом разночтений. За порядковым номером следует заголовок, данный в глагольной форме на латинском языке, что соответствует традициям западной актовой археографии⁹. Указаны место составления грамоты (для обозначения этого термина С. А. Аннинский пользовался выражением «локальная лата» — буквальный перевод с *date de lieu*), дата, размер, а также предшествующие публикации. То, что заголовки к грамотам сделаны на латинском языке, компенсировано наличием перечня актов по содержанию, представляющим собой перевод заголовков. В качестве приложений фотографически воспроизведены знаки нотариев. В издании имеются именная и географическая указатели, содержание (на русском языке), на вклейках даны фотографии 7 актов.

В рецензии издание «Актов Кремоны» было оценено как «превосходное» издание, причем отмечалось его большое международное значение, личный вклад С. А. Аннинского (при этом были перепутаны его инициалы)¹⁰. Издание уже после войны стало основой для изучения истории землевладения в средневековой Кремоне¹¹.

⁸ Пашуто В. Т. Советский археограф С. А. Аннинский // АЕ за 1969. М., 1971. С. 179–183.

⁹ См.: Капитанов С. М. Актовая археография. М., 1998. С. 283.

¹⁰ Е. К. [Рец. на «Акты Кремоны...»] // Историк-марксист. 1938. № 1 (65). С. 157–158.

¹¹ См.: Цабенко О. Феодальное землевладение епископской церкви и положение крестьян в Кремоне XI–XII веков. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Львов, 1956.

Почти одновременно с «Актами Кремоны» выходят еще две публикации средневековых грамот С. А. Аннинского. Им был издан по подлиннику диплом Оттона I от 18 апреля 969 г.¹² Подлинник до этого считался утраченным, и в МGH акт был издан по ранним изданиям XVII–XVIII вв. С. А. Аннинский приводит достаточно подробное описание внешней формы грамоты с указанием основных особенностей подлинника, размеров, дорсальных надписей. Особого внимания заслуживают страницы, на которых публикатором уточняются писец и диктатор грамоты, анализ при этом проведен в традициях западной дипломатики. При этом С. А. Аннинский, насколько известно, впервые в отечественной историографии в полной мере использовал латинскую схему деления формуляра, употребив термины *invocatio*, *intitulatio*, *arenga*, *promulgatio*, *narratio*, *dispositio*, *corroboratio*, *signatio*.

Текст грамоты передан по-латыни без перевода на русский язык, заголовок (с глагольной формой) дан также по-латыни. Учтены все разночтения по сравнению со списками, рассматриваемыми в МGH, предшествующие публикации. Правила передачи текста оговорены. Публикация снабжена фотографическим изображением источника с приложенной линейкой, что позволяет оценить реальные размеры подлинника. Содержание статьи в несколько сокращенном виде повторено С. А. Аннинским в том же сборнике на латинском языке. Сама публикация и статья выполнены С. А. Аннинским на очень высоком уровне и по своему характеру соответствуют традициям МGH.

В том же сборнике С. А. Аннинский публикует еще одну грамоту, но по несколько другим правилам. Был издан диплом императора Гвидо, подтверждающий пожалование императрице Агельтруде монастыря святой Агаты в Павии от 21 февраля 891 г.¹³ Подлинник диплома не был до того известен, всего от императора Гвидо было известно на момент публикации 11 подлинных актов, издаваемый в данном случае — двенадцатый. С. А. Аннинский достаточно подробно рассмотрел канцелярское происхождение грамоты на основании почерка, подписей, удостоверительных знаков. Заголовок грамоты в данном случае составлен по-русски. Текст передан с учетом известных разночтений,

¹² Аннинский С. А. Диплом Оттона I в коллекции Академии наук СССР // Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. ст. М.; Л. 1937. С. 141–160.

¹³ Аннинский С. А. Императорский диплом IX века в собрании Академии наук СССР // Там же. С. 161–169.

указаны все списки грамоты, издания, регесты и упоминания в литературе. Имеется фотографическое воспроизведение грамоты с линейкой. Сокращенный текст этой же статьи передан С. А. Аннинским на этот раз по-итальянски.

Вторая часть издания актов Кремоны вышла в 1961 г. и включает 90 актов за 1228–1500 гг.¹⁴ Исторический очерк написан Е. Ч. Скржинской, а археографическое введение — Л. Катускиной и В. Рутенбургом. Введение по своей структуре написано в традициях введения С. А. Аннинского и носит исследовательский характер. Правда, во введении не указано, издавались ли публикуемые документы ранее, таким образом, предшествующие издания в данном случае не учитывались.

Тексты документов опубликованы на латинском языке без перевода. Заголовки сделаны на русском языке (в глагольной форме), указываются место выдачи, дата, размер. Оглавление содержит краткое название документов на латинском языке. Имеются указатель имен нотариев с воспроизведением нотариальных знаков, именной и географический указатели, 13 вклеек с фотографиями грамот.

В рецензии на издание грамот Кремоны было отмечено его большое значение для исторической науки, высокую оценку дали Г. Острогорский, У. Гвальяцини, Р. Морген, Ж. ле Гофф, Э. Вернер и др.¹⁵

Таким образом, корпус средневековых грамот Кремоны из собрания Академии наук с выходом второго тома может считаться изданным. Правда, возможны находки новых источников. Еще в 1960-е гг. были изданы два акта 1150 г., которые публикатор по ряду косвенных признаков отнес к корпусу кремонских грамот¹⁶.

Издания грамот Кремоны проложили путь новым фундаментальным изданиям западноевропейских грамот из отечественных собраний. Через несколько лет вышла публикация книг итальянских нотариев XV в., открывшая новые возможности для изучения истории нотариата и средневековой дипломатики¹⁷.

¹⁴ Акты Кремоны XIII–XVI веков в собрании Академии наук СССР / под ред. В. И. Рутенбург, Е. Ч. Скржинской. М.; Л., 1961.

¹⁵ *Бернадская Е. В.* [Рец. на:] Акты Кремоны... // СВ. М., 1963. Вып. 24. С. 272–275.

¹⁶ *Кононенко А. М.* Неизданные кремонские акты XII в. // СВ. М., 1964. Вып. 26. С. 181–184.

¹⁷ Итальянские коммуны XIV–XV веков. Сб. док. из архива Ленинградского отделения Института истории АН СССР / подгот. к печ. Е. В. Бернад-

Как продолжение издания грамот из собрания Н. П. Лихачева можно рассматривать публикацию актов Падуи¹⁸. Было опубликовано 90 грамот конца XIII–XIV вв. В археографическом оформлении чувствуется влияние «Актов Кремоны».

В качестве объекта изучения с точки зрения актов археографии могут выступать описания и перечни хранящихся в архивах западноевропейских грамот. Грамоты аббатства Сент-Антуан коллекции П. П. Дубровского из собрания Российской национальной библиотеки нашли отражение в каталоге¹⁹. К числу исследовательских описаний относится также сборник по материалам ЛОИИ, где авторами выступили В. И. Рутенбург, А. М. Кононенко, В. И. Мажуга, Т. Н. Таценко, И. П. Медведев, В. Е. Возгрин, И. С. Шаркова²⁰. Имеются описания отдельных собраний²¹. Целый ряд описаний актов отдельных архивных фондов и коллекций публикуется в сборнике «Вспомогательные исторические дисциплины».

Говоря о фундаментальных изданиях западноевропейских грамот, нельзя забывать о публикациях отдельных источников, среди которых есть и ранние памятники. В частности, Е. Ч. Скржинской и А. М. Кононенко были опубликованы два частных акта X века²². Публикации снабжены исследовательскими статьями и фотографиями публикуемых грамот.

ской, Л. Г. Катускиной, В. И. Рутенбургом. М.; Л., 1965. Рец. см.: *Котельникова Л. А.* Новые данные по истории Италии XIV–XV в. // СВ. М., 1967. Вып. 30. С. 294–300.

¹⁸ Акты Падуи конца XIII–XIV вв. в собрании Академии наук СССР / подгот. текстов Е. И. Скржинской, А. М. Кононенко, В. И. Мажуги; под ред. В. И. Рутенбурга. Л., 1987.

¹⁹ Грамоты аббатства Сент-Антуан XIII–XVIII вв.: Каталог. Л., 1979.

²⁰ Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР: археографический сборник. Л., 1982.

²¹ *Мажуга В. И.* Грамоты XIII в. монастыря Бульруа (Архив ЛОИИ СССР АН СССР) // СВ. М., 1980. Вып. 43. С. 229–247; *Малов В. Н.* Латинские грамоты Ростовского музея // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1998. Вып. IX. С. 166–169.

²² *Скржинская Е. Ч.* «Дарение Агельтруды» (Частный акт 907 г. из Италии) // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 338–349; *Кононенко А. М.* Поручительство из Пьяченцы (Частный акт 938 г.) // Там же. С. 350–356.

Немало актов было опубликовано в журнале «Средние века»²³. Некоторые документы публиковались по изданиям²⁴ и в переводе на русский язык²⁵.

Проведенный обзор (далеко не исчерпывающий) позволяет говорить о существовании в отечественной актовой археографии особого направления, связанного с публикацией западноевропейских грамот. С точки зрения археографии, в них наблюдается очевидное влияние западноевропейской практики начиная от формы заголовка и заканчивая общей структурой издания. Издания данной группы необходимо рассматривать, с одной стороны, в контексте развития отечественной археографии и медиевистики и, с другой стороны, в русле европейских исследований и издательских проектов. Во всяком случае, отечественная актовая археография имеет прочные традиции в деле издания западноевропейских средневековых грамот, а наличие в нашей стране собраний иностранных источников позволяет ожидать новых достижений в этой области.

²³ *Червонов С. Д.* Две неизвестные редакции кастильско-генуэзского договора 1146 г. из ленинградских собраний // СВ. М., 1983. Вып. 46. С. 335–343; *Близнюк С. В.* Неизвестный венецианский документ 1346 г. по истории кипро-венецианских отношений // СВ. М., 1990. Вып. 53. С. 191–203; *Кучумов В. А.* Испанский документ их Архива ЛОИИ АН СССР // Там же. С. 204–212; *Срединская Н. Б.* Ранние документы из архива графов Сакрати в собрании СПб. филиала Института российской истории // СВ. М., 1995. Вып. 58. С. 188–198; *Червонов С. Д., Варьяш О. И.* Грамоты испанских королей из собрания Лихачева // СВ. М., 1994. Вып. 57. С. 262–273; *Срединская Н. Б.* Договор об аренде рабочего скота (зоатика) из архива графов Сакрати // Там же. С. 274–278; *Бусыгин А. В., Рыбаков В. В.* Шведские документы XIV–XVI вв. из собрания П. И. Щукина // СВ. М., 2004. Вып. 65. С. 311–317.

²⁴ *Щеглов А. Д., Кузина А. Ю.* Договор 1397 г. о Кальмарской унии // СВ. М., 2003. Вып. 64. С. 271–292.

²⁵ *Баранов Ю. В.* Купеческие хартии в англии начала XIV в. и их предыстория // СВ. М., 1992. Вып. 55. С. 234–247.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОГО КУПЕЧЕСТВА ВО 2-й ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ПОИСК ПУТЕЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

С. С. Костриков
(ГУУ)

После либеральных реформ 60–70-х гг. XIX века происходят серьезные сдвиги во всей общественно-экономической жизни России. Идет ускорение процессов буржуазного развития. Меняется социальное лицо страны. Дворянство продолжает играть основную роль в социально-политической жизни, но из прежней сословной тени все решительнее выдвигается купечество и представители крестьянства, вставшие на путь предпринимательства. В течение 2-й половины XIX века российское купечество и часть крестьянства превращаются в буржуазию. Она становится одной из ведущих сил промышленного и общего экономического развития России. Вместе с этим происходит и переосмысление ею своей роли в социально-политической жизни страны. Наиболее продвинутые представители старого купечества уже давно осознали свое общественно-экономическое значение. Многие из них не первый год вели активную общественную деятельность в области местного самоуправления, благотворительности, развития образования и культуры и т. п. После александровских реформ эта тенденция усиливается, а роль нарождающегося класса предпринимателей возрастает.

Многие вопросы истории российской буржуазии, особенно ее экономической и политической деятельности, довольно хорошо исследованы. Этим занимались советские историки — А. Л. Сидоров, В. И. Бовыкин, их многочисленные ученики, ряд других специалистов. В последние два десятилетия интерес к предпринимательству, купечеству как сословию и различным сторонам его жизни существенно вырос, что объясняется изменившейся в нашей стране политической и экономической ситуацией. Есть труды общего порядка, посвященные истории российского предпринимательства, а также работы по

отдельным персоналиям, купеческим семьям и династиям. Написано много работ, в том числе и диссертаций о купеческой благотворительности, меценатстве, региональном купечестве и т. п. Однако в нашем аспекте их значительно меньше, а по отдельным вопросам и персонам вообще нет или ничтожно мало.

Среди отечественного купечества особое место занимало купечество московское. Это было связано со старыми традициями Москвы как первопрестольной столицы и исторически сформировавшегося торгово-промышленного центра европейской части империи. Хотя в 80-е гг. XIX века из почти 800-тысячного населения Москвы торгово-промышленные круги (т. е. те, кто владели основными средствами производства) составляли всего 15–16 %, а наиболее крупные хозяйства составляли не более 25 тыс. человек, их роль в жизни города была очень велика¹.

С точки зрения нашей темы, следует более подробно изучить жизнь и деятельность наиболее видных представителей московского купечества, как достаточно известных, например П. Н. Третьякова, семьи Алексеевых, семьи Боткиных, так и обойденных до последнего времени вниманием исследователей Н. А. Найденова, А. А. Колли, семьи Трапезниковых и др. Важно проследить, как эти незаурядные люди в довольно сжатых рамках самодержавия находили пути своей общественно-политической реализации, какой вклад они внесли в важные сферы общественной, культурной и политической жизни не только Москвы, но и всей России.

Известный исследователь московского купечества П. А. Бурышкин приводит в своей книге «Москва купеческая» рассуждения выдающегося русского критика и общественного деятеля В. В. Стасова: «...В течение первой половины настоящего столетия выросла иная еще порода людей купеческой семьи, с иными потребностями и иными стремлениями, людей, у которых, невзирая на богатство, всегда было мало охоты до пиров, до всякого жуирства и нелепого прожигания жизни, но у которых была вместо того великая потребность в жизни интеллектуальной, было влечение ко всему научному и

¹ *Нифонтов А. С.* Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. (по материалам переписей населения г. Москвы в 70–90-х гг. XIX в.) // Исторические записки. Т. 54. М., 1957. С. 245.

художественному...»² Автор отмечает у этой просвещенной части московского купечества особое чувство ответственности перед людьми, почти религиозное стремление жертвовать свои капиталы на общественные нужды. Перечисляя многочисленные деяния московских купцов — построенные больницы, богадельни, библиотеки, училища, гимназии, даже институты и др., он пишет: «...и разве вообще можно припомнить все те памятники жертвенности представителей “темного царства”, того “чумазого”, который неустанно шел вперед и не хотел торговать миткалем, а интересовался категорическим императивом, гегелианством, Штейнеровской антропософией и картинами Матисса, Ван Гога и Пикассо»³.

Таким образом, пример московских купцов показывал, что российское купечество, по большей части старообрядческое, в период после реформ Александра II представляло собой, с одной стороны, особое сословие, которое вышло из недр феодального общества, а с другой (наряду с представителями других сословий, например крестьян и мещан) — составную часть активно формирующейся буржуазии. Оно занимало все более прочное место в экономике государства. За купечеством вплоть до начала XX в. сохранялись старые сословные привилегии, особенно для купцов первой и второй гильдии: освобождение от телесных наказаний или, например, право визита к императорскому двору, получение «за оказанные отечеству особенно важные заслуги» наград и пр. Как пишет современный исследователь, в этот период купцы не только ожидали поддержания своего высокого общественного статуса, но и сами искали новые пути самореализации⁴.

Специалист по социально-экономической истории Б. Б. Кафенгауз по этому поводу писал, что после либеральных преобразований 60–70-х гг. XIX века «...появился новый тип купца, отправлявшего ту или иную общественную должность не с мыслью о чине и ордене, а с целью защиты общих интересов перед лицом правительства и других социальных групп»⁵.

² Бурьшкин П. А. Москва купеческая. М., 1990. С. 112.

³ Там же. С. 105.

⁴ См.: Судовиков М. С. Политическая деятельность купечества в России во второй половине XIX — начале XX в. // Вопросы истории. 2009. № 7. С. 86.

⁵ Там же. С. 86.

Таким образом, по известной формуле наше купечество из «класса в себе» превращалось в «класс для себя» со всеми вытекающими общественно-политическими и социокультурными последствиями, выгодно отличаясь при этом с общественно-нравственной точки зрения от своих западных собратьев.

МАТЕРИАЛЫ ТЕКУЩЕГО УЧЕТА РАДЗИВИЛЛОВ (XVIII–XIX вв.) КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

*к.и.н. В. А. Кохнович
(БГУ, Белоруссия)*

Княжеский род Радзивиллов владел по состоянию на 1760-е гг. 1650 городами, местечками и селами¹. При этом что к тому времени он окончательно потерял права на «нойбургские владения» угасшей биржанской ветви Радзивиллов (Слуцк, Копыль, Любча, Биржи, Глубокое, др.). По размерам владения, по авторитету и влиянию этот род можно поставить в число самых богатых и влиятельных знатных фамилий Европы. Свидетельством этого влияния являются документальные собрания рода в Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ) — сейчас фонд 694 в составе 12 описей и 25,5 тыс. единиц хранения за период с 60-х гг. XIV в. до 1937 г. Так, помимо массивов документов по крупным владениям в Беларуси (Грабовское староство, Давид-Городокская, Несвижская и Клецкая ординации, Мирское графство), Украины (Олыкское княжество), Польши (Бяльское графство), Литвы (Биржанское староство) встречаем здесь документы о различных владениях в Германии. Прежде всего это экономические документы (отчеты, хозяйственные описи, счета) XVIII в.: имения Лихтенвальде, Шлавентиц, Кроссен, Фельмергайн, Фрайлайн, Лойтен, Пуцлау, Боссен, Юнгфернгоф, Альт-Дрезден, Польштерштайн графов Флеммингов в Верхней Саксонии, Померании и Силезии (фонд 694, опись 6).

Вторая половина XVIII в. стала для владений княжеского рода Радзивиллов в Беларуси, Литве, Украине (Воынь) и Польше чрезвычайно важной касательно преобразований в системе вотчинного управления хозяйством. Так, помимо разработки и введения различных хозяйственных инструкций появляются рекомендации и предписания владельцев о вотчинном управлении и документообороте. Белорусский исследователь П. Г. Козловский считал, что стройная система управления вотчинным хозяйством Радзивиллов сформирова-

¹ *Мацук А. У.* Зямельныя ўладанні Радзівілаў... Мінск, 2003. С. 143.

лась во второй половине XVIII в.: все владения делились на графства или княжества, которые в свою очередь подразделялись на ключи, последние — на фольварки, по 2 и более в каждом ключе. Каждый ключ располагал своей администрацией (комиссар вотчины или эконом, писарь по доходам, кассир, бухгалтер), но не обладал хозяйственной самостоятельностью и подчинялся предписаниям вотчинной администрации княжества или графства, которые в свою очередь отчитывались перед Главным управлением². Параллельно с этим процессом получила свое развитие система делопроизводства и учета: в ключах, княжествах и фольварках заводились амбарные книги, реестры скота, приходно-расходные ведомости, ведомости посевов, книги использования барщинных дней, дневники экономов, кассовые книги. Некоторые из них, например книги учета барщинных дней, месячные, полугодовые и годовые отчеты экономов имений, появились лишь в последней трети XVIII в.³

Из материалов XVIII в. наибольшую разработку получили инвентари имений (П. Г. Козловский, В. И. Мелешко, М. Ф. Спиридонов, А. М. Лютый, В. Ф. Голубев). Особую ценность имеет издание инвентарей имения «Тимковичи» за 1622, 1638, 1670, 1691, 1713, 1730, 1761, 1778 гг. На данный момент проблему составляет сохранность многих инвентарей владений Радзивиллов, подробных и достаточно хорошо изученных в белорусской и польской историографиях. Также, касаясь традиций вотчинного делопроизводства у Радзивиллов, отметим, что не пресеклись они и в XIX столетии, хотя в 1814 г. была учреждена в г. Несвиж особая Комиссия для разбора радзивилловских долгов. В ведомство этой комиссии переходило управление имениями рода в Российской империи и Герцогстве Варшавском (Королевстве Польском)⁴. Это оказалось возможным в силу того, что князь Доминик Радзивилл выступил на стороне Наполеона и на его владения был наложен секвестр. Помимо того, князь, погибший в битве при Ганеу 30 октября 1813 г., оставил колоссальные долги, с которыми наследники (пруссский наместник в Познани Антоний Радзивилл и дочь князя Доминика Стефания) не могли разобраться. Известно, что вышеупомянутая комиссия (Опекунская комиссия) уже в 1819–1827 гг.

² Козловский П. Г. Магнатское хозяйство Белоруссии... Минск, 1974. С. 100–101.

³ Козловский П. Г. Указ. соч. С. 103.

⁴ Полное собрание законов Российской Империи. Т. XXXII. СПб., 1830. С. 749.

продала значительную часть имений (до 640 тыс. десятин) для погашения задолженности владельцев⁵.

Можно заметить, что с 20-х гг. XIX столетия и до 1873 г., пока действовала Опекунская комиссия, отчетная документация по имениям «Радзивилловской массы» сокращалась, все большее число имений передавалось в аренду или в управление кредиторов князей Радзивиллов. Из писем администраторов имений «Радзивилловской массы» можно понять, что по крайней мере до 1873 г. управление владениями сосредоточивалось в Несвиже, несмотря даже на принадлежность имений «массы» различным представителям рода Радзивиллов и наследникам Стефании Радзивилл — мужу и сыну князей Л. П. и П. Л. Витгенштейнов⁶. О характере управления имениями в этот период свидетельствует тяжба между владельцем Давид-Городокской ординации (наследуемое лишь в пределах рода владение) Львом Радзивиллом и кредитором полковником П. Чудовским в 1836–1844 гг. Кредитор, управлявший ординацией, по свидетельству владельца, учинил «совершенное тех имений и крестьян разорение и истребление ординатских лесов», ущерб оценивался в 372,8 тыс. руб.⁷ Кроме инвентарей по отдельным имениям на данный момент за период первой половины XIX в. известна одна сводная ведомость по 92 имениям князя П. Л. Витгенштейна в Минской губернии 1839–1850 гг. Из нее ясно, что все имения сдавались в аренду за 250 518,9 руб. Лишь одно владение «Юркевичи и Ленин» Мозырского уезда и только с 1847 г. находилось в непосредственном управлении владельца⁸. Из этого следует, что многие фольварки, кропотливо устроенные Радзивиллами ранее, в новых обстоятельствах исчезли. Если обратиться к материалам бухгалтерского, первичного и материального учета первой половины —

⁵ Записка помощника главного администратора имений К. Милевича о положении наследственных имений, оставшихся после смерти кн. П. Л. Витгенштейна. 1889 г. // НИАБ (Минск). Ф. 694. Оп. 15. Д. 3. Л. 3.

⁶ Письма администраторов кн. Витгенштейна. 1857–1863 гг. // НИАБ (Минск). Ф. 694. Оп. 7. Д. 567. Л. 447–503 об.

⁷ Докладные записки и прошения князей Радзивиллов на имя царя в Правительствующий Сенат. XVIII в. — 1914 г. // НИАБ (Минск). Ф. 694. Оп. 1. Д. 621. Л. 32–33 об.

⁸ Пропшения и переписка Управления с Виленским и Минским губернаторами по производству 10-процентного сбора-контрибуции с дохода от земель, находящихся в пользовании дворян. 1863 г. // НИАБ (Минск). Ф. 694. Оп. 3. Д. 803. Л. 17–27.

середины XIX в., то можно найти множество сведений по частным вопросам.

Однако вызывает сомнение точность и достоверность приведенной информации, что логичнее всего осветить на примере годовых отчетов управляющих Олыкской и Несвижской ординаций за 1849–1854 гг. и отчета Администрации имений князя Витгенштейна за те же годы⁹. Владения принадлежали князьям Вильгельму и Богуславу Радзивиллам, которые постоянно проживали в Берлине, однако туда был направлен из Несвижа ревизор из вотчинной администрации князя П. Л. Витгенштейна, который выявил серьезные расхождения в данных. Выяснилось, что в среднем ежегодно по Олыкской ординации издержки завышались на 66,3 %, по Несвижской — на 67,7 %, причем за 1853/1854 г. — на 230,4 %. Кроме того, за 1853/1854 хозяйственный год общий доход по первой был завышен на 30,7 %, по второй — на 47 %. Таким образом, от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{3}$ доходов ординаций оказались не отражены в отчетах управляющих и скорее всего похищены.

Лишь в 1875 г. датируется первый из выявленных для XIX в. после 1814 г. сводный бюджет владений Радзивиллов. Он объединяет счета по Несвижской, Клецкой и Давид-Городокской ординациям¹⁰. В основном отражены категории прихода по арендуемым фольваркам, хуторам и различным оброчным статьям (мельницы, корчмы, речные перевозки). Характерно, что, согласно источнику, сведения по Давид-Городокской ординации не были доставлены своевременно из-за неясности учета в ней. Также следует обратить внимание на то, что недоимки предыдущего времени, а также кредиторские вливания причислялись в ведомостях в доход. Отметим, что такие же проблемы учета отмечались и далее, в 1911–1913 гг.

⁹ Доклады и сведения об имениях Несвиж и Олыка и о стекольной фабрике в имении Олыка. 1854 г. // НИАБ (Минск). Ф. 694. Оп. 7. Д. 383. Л. 178 об. — 218.

¹⁰ Категории денежных приходов князя-ордината А. В. Радзивилла за 1875–1876 гг. // НИАБ (Минск). Ф. 694. Оп. 2. Д. 10 387. Л. 1 об. — 202 об.

**КОМИССИЯ ПО ВОПРОСАМ РЕЛИГИОЗНЫХ
КУЛЬТОВ ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ ВЦИК:
ПРОТИВОСТОЯНИЕ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ
ПОЛИТИКИ ЦК ВКП(б)**

А. С. Кочетова
(РГАСПИ)

Советский Союз был одной из самых крупных мировых держав. Он являлся не просто многонациональной страной, но и многоконфессиональной. Несмотря на это, идеология партии официально признавала только атеизм. С 1918 г. государственная власть боролась с проявлением религиозного мировоззрения различными способами. Декреты, циркуляры, постановления — все было направлено на антирелигиозную борьбу¹. Однако в скором времени стала понятна невозможность быстрого изживания религии, а с переходом к новой экономической политике и укрепления связи города с деревней религиозная политика нуждалась в смягчении, так как большинство верующих проживало в сельской местности. Этого же требовала и международная обстановка. Жесткие меры, применяемые против духовенства и верующих, могли стать препятствием на пути расширения международных связей². Таким образом, государственно-конфессиональные отношения наделялись долговременным характером, а значит, необходимо было пересмотреть не только методы антирелигиозной пропаганды, но и характер работы ведомств, контактирующих с религиозными организациями.

¹ Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 18. С. 263; Инструкция НКЮ «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 24 августа 1918 г. // Законодательство о религиозных культах. Сборник материалов и документов / под ред. В. А. Куроедова. М.: Юридическая литература, 1971. С. 63–65; Циркуляр НКЮ «По вопросу об отделении церкви от государства». Декабрь 1918 г. // Там же. С. 58–62; и др.

² См.: *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы. М.: Политиздат, 1991. С. 222.

Именно поэтому 24 августа 1924 г. V (ранее VIII) «ликвидационный» отдел Наркомюста был упразднен³. Деятельность существовавшей на тот момент Комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК РКП(б) (она же Антирелигиозная комиссия ЦК РКП(б) — ВКП(б)) также не соответствовала новым задачам и требованиям⁴. Несмотря на то что попытки создания единого центрального органа, который бы придавал государственной религиозной политике плановость и единообразие, были начаты с 1922 г., Комиссия по вопросам религиозных культов (далее — Комиссия) была образована лишь 8 апреля 1929 г., при этом она функционировала при Президиуме ВЦИК. Возглавлял Комиссию Смидович П. Г., входивший в то время в Антирелигиозную комиссию ЦК ВКП(б)⁵. Таким образом, образованный орган фактически должен был отвечать за государственно-конфессиональные отношения лишь на территории РСФСР. Однако важен сам факт создания Комиссии. Ее образование, да и само ее название, подтверждало признание государственной властью наличие религиозных конфессий и верующего населения, а также необходимости налаживания отношений с ними.

Изначально Комиссия была образована «для рассмотрения всякого рода вопросов, связанных с деятельностью религиозных объединений». Также были определены и ее первоочередные задачи: разработать проект циркуляра о «необходимости строго придерживаться утвержденного Президиумом ВЦИК постановления от 8 апреля 1929 г. “О религиозных объединениях”»⁶, рассмотреть вопросы о возможности участия служителей религиозного культа в кооперативных организациях и об отмене циркуляра Наркомзема РСФСР о правах на землепользование служителей религиозного культа от 13 марта 1928 г.⁷ При этом в Постановлении об образовании Комис-

³ См.: *Одинцов М. И.* Хожение по мукам // Наука и религия. 1990. № 5. С. 9.

⁴ Постановление Политбюро «О комиссии по антирелигиозной пропаганде» от 19 октября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 318. П. 4.

⁵ Постановление ВЦИК «О создании Постоянной Комиссии по вопросам культов» от 8 апреля 1929 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 1. П. 21. С. 79 об.

⁶ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных культах» от 8 апреля 1929 г. // Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941 / под ред. О. Ю. Васильевой. М.: Библейско-Богословский институт Св. Апостола, 1996. С. 250–261.

⁷ Постановление ВЦИК «О создании Постоянной Комиссии по вопросам культов» от 8 апреля 1929 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 1. П. 21. С. 79 об.

сии не были прописаны ее полномочия и обязанности. Положение о Комиссии было принято лишь 30 мая 1931 г.⁸ Однако это не помешало приступить Комиссии к активной деятельности. Произошло это в основном благодаря председателю Комиссии Смидовичу П. Г., который с 1924 г. занимался решением вопросов религиозного характера от имени ВЦИК⁹, а с 1925 г. — и от имени ЦИК СССР¹⁰. Кроме того, Смидовичу П. Г. доверили самостоятельно сформировать Комиссию, подобрать людей, с которыми ему предстояло в дальнейшем «проводить в жизнь законодательство о культах»¹¹.

Таким образом, несмотря на указания в постановлении, Комиссия стала рассматривать те религиозные вопросы и проблемы, с которыми в 1920-е гг. сталкивался Смидович П. Г. и которые он считал наиболее важными. При этом они касались не только православных религиозных объединений, но и других религиозных культов, которые существовали на территории СССР.

Всего Комиссией было проведено 53 заседания, из них 10 секретного содержания и два внеплановых специальных заседания¹².

Несмотря на антирелигиозный настрой партии и верхушки государственной власти, все вопросы, рассматриваемые Комиссией, касались притеснений представителей религиозных культов и верующего населения. Такими вопросами являлись: финансовый вопрос, а именно налоговое и страховое обложение; о гражданских правах представителей религиозных культов и снявших сан; о колокольном звоне и использовании колоколов; о землепользовании служителями культов; о порядке закрытия религиозных зданий; о нарушении религиозного законодательства местными органами власти.

⁸ Постановление Президиума ВЦИК РСФСР «Об утверждении Положения о Постоянной центральной и местных комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов» от 30 мая 1931 г. // Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. 1931 г. № 27. Л. 248–249.

⁹ Выписка из Протокола заседания Президиума ВЦИК от 25 августа 1924 г. // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 102. Д. 120. Л. 7.

¹⁰ Выписка из протокола № 42 заседания Президиума ЦИК СССР от 23 января 1925 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 1. Л. 5.

¹¹ Постановление ВЦИК «О назначении и утверждении председателей учреждений и постоянных комиссий при ВЦИК» от 23 мая 1929 г. // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 74. Д. 43. Л. 27.

¹² См.: ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1, 5, 9, 10, 22, 33.

Проанализировав решения Комиссии, можно сделать вывод о правозащитном характере ее деятельности. Несмотря на противостояние Наркомата финансов, членам Комиссии удалось отменить промысловый и подоходный налог, взимаемый с религиозных объединений. Кроме того, за неуплату других налогов Комиссия запретила печатывать здания и налагать штрафы на членов религиозного общества¹³. Ей же была отменена выплата авторского гонорара за церковные песнопения. Налог за уклонение от воинской службы по религиозным убеждениям был заменен лесными работами¹⁴. Рента с земли, на которой располагалось здание религиозного культа, была уменьшена, а ее взимание было четко отрегулировано¹⁵. Такие послабления значительно облегчали само существование религиозного общества.

Комиссия настояла на пересмотре решения об ограничении колокольного звона по усмотрению местных исполнительных комитетов, так как это могло бы повлечь за собой полное его запрещение. Ввиду этого Комиссия разрешала колокольный звон в сельских местностях, ограничение же могло иметь место в городах, а также в тех населенных пунктах, где «трудовые процессы вложились уже в непрерывную трудовую неделю»¹⁶. Несмотря на частое снятие колоколов и использование из металла для производства, Комиссии удалось запретить снимать колокола с действующих церквей¹⁷.

Несмотря на лишение служителей культов избирательных прав, Комиссия, основываясь на законе, стремилась оградить их от причисления к «врагам народа». Она запретила раскулачивать представителей религиозных культов, выселять их и отправлять на отбывание

¹³ Протокол № 2 заседания Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК от 24 сентября 1929 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

¹⁴ Протокол № 5 заседания Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК от 16 января 1930 г. // Там же. Д. 5. Л. 2.

¹⁵ Протокол № 13 заседания Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК от 16 сентября 1930 г. // Там же. Д. 5. Л. 2.

¹⁶ Протокол № 3 заседания Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК от 31 декабря 1929 г. // Там же. Д. 1. Л. 5.

¹⁷ Протокол № 10 заседания Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК от 26 июня 1930 г. // Там же. Д. 5. Л. 8.

трудовых повинностей¹⁸, а также запретила лишать их жилой площади на основании их принадлежности к культам¹⁹.

Комиссия стремилась не препятствовать образованию религиозных учебных заведений. Ввиду невозможности самостоятельно решать подобные вопросы, Комиссия «рекомендовала» НКВД разрешать регистрацию духовной академии обновленцам²⁰. Кроме того, ходатайствовала перед ЦК ВКП(б) об открытии богословских курсов православной патриаршей церкви²¹. Также она поддержала просьбу баптистов о предоставлении им отдельного помещения для религиозных культов ввиду невозможности совместного пользования молитвенным зданием с православным культом²². Несмотря на запрещение созыва религиозных съездов, Комиссия добилась разрешения на издание религиозной литературы различных конфессий, но без печати Главлита²³.

Самой острой проблемой для служителей религиозных культов и верующего населения являлось закрытие молитвенных зданий. О перегибах и постоянных жалобах верующих на «неправильное» закрытие зданий религиозных культов разбирались и на партийном, и на государственном уровне. Комиссия запрещала необоснованное закрытие, а только при наличии уменьшения количества верующих или же большого количества молитвенных зданий одного культа на одной территории. Спорные же дела Комиссия призывала рассматривать на своих заседаниях при участии представителей местных исполкомов для избегания нарушения религиозного законодательства²⁴.

¹⁸ Протокол № 9 заседания Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК от 6 апреля 1930 г. // Там же. Д. 5. Л. 6–6 об.

¹⁹ Протокол № 7 заседания Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК от 26 июня 1931 г. // Там же. Д. 9. Л. 29.

²⁰ Протокол № 9 заседания Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК от 6 апреля 1930 г. // Там же. Д. 5. Л. 7.

²¹ Протокол № 12 заседания Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК от 26 августа 1930 г. // Там же. Л. 12.

²² Протокол № 10 заседания Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК от 26 июня 1930 г. // Там же. Л. 10.

²³ Например: Протокол № 2 заседания Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК от 26 марта 1933 г. // Там же. Д. 22. Л. 12.

²⁴ Протоколы № 10 заседания Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК от 26 июня 1930 г. и № 2 от 16 апреля 1932 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 5. Л. 8; Д. 15. Л. 18–19.

Анализируя круг вопросов, которые обсуждались на заседании Комиссии, а также ее решения, можно сделать вывод, что работа этого органа шла во многом вразрез политике партии в отношении религиозных культов. Однако все свои решения и действия Комиссия аргументировала религиозным законодательством. И если директивы ЦК ВКП(б) были направлены на борьбу с религией, пусть и методом антирелигиозной агитации и пропаганды, то постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» отстаивало право существования религиозного мировоззрения. На это и делали упор Комиссия и ее председатель П. Г. Смидович. При решении вопросов, не указанных в религиозном законодательстве, Комиссия выпускала циркуляр или же «заставляла» вносить поправки государственные ведомства и наркоматы, если данный вопрос касался их сферы деятельности.

7 мая 1934 г. Комиссия была распущена, а на ее основе была создана одноименная при Президиуме ЦИК СССР²⁵. Данная Комиссия регулировала государственно-конфессиональные отношения на всей территории Советского Союза.

²⁵ Постановление Президиума ЦИК СССР «Об образовании при Президиуме ЦИК СССР Постоянной Комиссии по рассмотрению культовых вопросов» от 7 мая 1934 г. // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 20. Л. 59–59 об.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В РУССКОМ ПОЧВЕННОМ (на примере работ Ф. М. Достоевского)

*К. Л. Кошемчук
(МГУ)*

XIX век был крайне насыщен: множество поистине эпохальных событий произошло в столь короткий промежуток времени. Россия стояла на пороге великих реформ, которые должны были определить вектор развития страны на ближайшие десятилетия. Именно в такой атмосфере возникло почвенничество. Начиная с 60-х гг. XIX века его представители активно публиковали свои произведения. Н. Н. Страхов, А. Григорьев, Ф. М. Достоевский смогли раскрыть собственные воззрения не только в публицистических работах, но и в ряде своих литературных работ.

Центральным звеном в их творчестве было понятие почвы. Достоевский писал: «Русское общество должно соединиться с народной почвой и принять в себя народный элемент». Григорьев защищает «автономию народного начала», или «близость родной почве». Из-за частого упоминания на страницах журнала «Время» понятие «почва» быстро вошло в обиход и стало часто употребляться в различных контекстах. Мыслители подразумевали под почвой совокупность наиболее значимых черт русского народа, сформировавшихся и осевших в сознании нашего человека на протяжении веков. Они ставили почву во главу построения государственных, социальных и духовных преобразований, утверждая, что именно на этой основе зиждется русское общество.

Они призывали объединить основные силы русского общества, соединив знание и образованность интеллигенции с исконно русским характером и органическим началом русского человека. Что касается того, стоит ли причислять представителей почвенничества к националистам, думаю да, тем более что сами авторы неоднократно говорили об этом. Так, Федор Михайлович неоднократно идентифицировал себя и своих сторонников с националистами. Наиболее ярко это отмечалось в «Дневнике писателя» за январь 1877 г.

Обращение к традиционной религии, к православию, также было значимо для почвенников. Через религиозную парадигму они давали объяснение таким традиционным для русского человека свойствам характера, как самоотречение, смирение, вера в существование высшего смысла жизни, стремление достичь царства Божьего. Почвенники были убеждены в особой роли русского народа, его специфической исторической миссии. Стоит заметить, что почти всегда почвенники определяют православие как русскую национальную религию.

Особое внимание в творчестве почвенников уделялось судьбе именно великорусского народа. Очень часто в текстах звучат слова «Русь», «русский», «национальный», «нация». Григорьев, Страхов, Достоевский основывали свои работы на желании возродить величие и могущество русского народа, попытаться вернуться к истокам и на их основании сплотить разрозненные общественные слои.

Более подробно я остановилась на работах Ф. М. Достоевского.

Писатель утверждал, что поступательное развитие какого бы то ни было народа не может происходить без осознания им собственного Я. Так, в работах 1860-х гг. мы читаем: «Идея почвы, национальностей есть точка опоры; Антей. Идея национальностей есть новая форма демократии», «Всякий русский, прежде всего русский, а потом уже принадлежит к какому-нибудь сословию» («Введение» к циклу «Ряд статей о русской литературе»); «Право народности есть сильнее всех прав, которые могут быть у народов и общества» (журнал «Время»).

Панацею от большинства государственных проблем Достоевский видел в объединении сил интеллигенции и простого народа, причем происходить это должно в форме симбиоза. В известной статье «Два лагеря теоретиков» 1862 г. мы читаем: «Тогда только выработается именно тот общественный быт наш, такой именно, какой нужен нам, когда высшие классы будут опираться не на одних только самих себя, а и на народ; тогда только может прекратиться эта поразительная чуждость и безжизненность нашей общественной жизни. И вот когда у нас будет не на словах только, а на деле один народ, когда мы скажем о себе заодно с народной массой — мы, тогда прогресс наш не будет идти таким медленным прерывистым шагом, каким он идет теперь». В 1863 г. в своем журнале «Время» Достоевский писал: «Нравственно надо соединиться с народом вполне и как можно крепче ...надо совершенно слиться с ним и нравственно стать с ним как одна единица». Таким образом, писатель радел за создание общества образованных людей, объединенных общими культурно-историческими факторами.

Достоевский полностью отвергал наличие каких бы то ни было социальных перегородок.

В журнале «Эпоха» в 1864 г. Ф. М. Достоевский призывал: «Мы убеждены, что не будет в нашем обществе никакого прогресса, прежде чем мы не станем сами настоящими русскими ...Наш русский прогресс не иначе может определиться и хоть чем-нибудь заявить себя, как только по мере развития национальной жизни нашей и пропорционально расширению круга ее самостоятельной деятельности. Как в экономическом, так и в духовном отношении».

Достоевский видит причину проблем нашего народа в засилье «инородных» руководителей: «Над Россией корпорации. Немцы, поляки, жида — корпорация, и себе помогают. В одной Руси нет корпорации, она одна разделена». Писатель также указывает на отсутствие прав у русского населения: «Дайте ему что положительного и увидите, что он (народ) будет тоже консервативен. Ведь было бы что охранять. Не консервативен он потому, что нечего охранять. Чем хуже, тем лучше — это ведь не одна только фраза у нас, а к несчастью — самое дело». Писатель настаивает на том, чтобы ресурсы, которыми богата российская земля, вновь перешли в руки своих законных обладателей: «Русская земля принадлежит русским, одним русским... хозяин земли русской есть один лишь русский (великорус, малоросс, белорус — это все одно) — и так будет навсегда...» («Дневник писателя» за сентябрь 1876 г.).

Ф. М. Достоевский убежден, что русские должны возглавлять славянское «племя»: «...Надобно, чтоб политическое право и первенство великорусского племени над всем славянским миром совершилось окончательно и уже бесповоротно» (из письма А. Н. Майкову от 18 февраля (1 марта) 1868 г.).

На мой взгляд, такое обилие примеров употребления националистической риторики, постановка русского человека во главу всей теоретической концепции, присуждение русским особой роли в развитии государства дает нам вполне обоснованное право называть Ф. М. Достоевского последовательным русским националистом.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ М. В. ЛОМОНОСОВА

Т. М. Кравченко
МАЭ РАН (Кунсткамера)

5 января 1949 г. в здании Кунсткамеры состоялось торжественное открытие музея М. В. Ломоносова. История его создания и развития содержит определенное количество аспектов, нуждающихся в уточнении, сопоставлении данных, выявлении роли ученых, имена которых сегодня незаслуженно забыты. Так, в Санкт-Петербургском филиале архива РАН и в архиве музея М. В. Ломоносова хранятся ранее не публиковавшиеся документы, анализ которых позволит раскрыть некоторые малоизвестные страницы истории создания Музея, названного в честь великого русского ученого — Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765)¹.

Музей М. В. Ломоносова был создан представителями российской науки в результате многолетней работы. В 1930-е гг. на базе Комиссии по истории знаний (КИЗ) при Академии наук под председательством В. И. Вернадского разрабатывалась идея о создании академического музея истории науки и техники. В 1938 г. при академическом Архиве была создана Комиссия по истории АН СССР (КИАН) под председательством С. И. Вавилова, которая и приступила к разработке концепции мемориального музея М. В. Ломоносова². Астроном, историк

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 142; Архив музея М. В. Ломоносова (который находится в научно-технической обработке).

² Комиссия по истории академии наук СССР (КИАН) начиная с 1944 г. дважды в год (в день рождения и в день смерти М. В. Ломоносова) совместно с другими академическими учреждениями организовывала научные заседания. На этих заседаниях ученые, исследующие различные стороны творчества Ломоносова, читают доклады о новых исследованиях жизни и творчества Ломоносова. С осени 1948 г. к числу учреждений, участвующих в проведении таких заседаний, примкнул и музей М. В. Ломоносова. До 1949 г. заседания проходили в различных местах: в кабинете президента АН, в здании Академии наук, на Университетской набережной в Санкт-Петербурге, в малом

науки, один из директоров будущего музея В. Л. Ченакал вспоминал о том, как академик С. И. Вавилов в 1939–1941 гг. неоднократно высказывал мысль о популяризации личности М. В. Ломоносова, его трудов, с обязательным показом материальных памятников, приборов, иллюстрирующих жизнь и творчество знаменитого ученого³.

Сохранились также дневниковые записи от 12 июля 1944 г. Г. К. Князева — одного из создателей музея Ломоносова, его размышления о будущей реконструкции здания Кунсткамеры, первой академической обсерватории, где в 1741–1765 гг. работал М. В. Ломоносов⁴.

В архивных документах зафиксированы важные факты о том, как в декабре 1946 г. был издан приказ заместителя директора Института этнографии проф. Н. Н. Степанова об организации Ломоносовского музея как отдела при музее Этнографии (ныне музей Антропологии и этнографии им. Петра Великого). Музей Ломоносова организовывался в соответствии с указанием президента Академии наук СССР С. И. Вавилова. По распоряжению С. И. Вавилова создавалась еще и Комиссия по организации Ломоносовского музея. В состав комиссии были включены авторитетные ученые: Н. Н. Степанов (председатель), А. А. Елисеев (секретарь), директор Архива АН СССР Г. А. Князев, Н. А. Кисляков, Л. Б. Модзалевский, И. И. Любименко, Э. В. Краснуха, Р. И. Каплан-Ингель. Заведующим и хранителем Музея Ломоносова был назначен архитектор Р. И. Каплан-Ингель⁵.

конференц-зале того же здания. А с момента открытия в январе 1949 г. Музея М. В. Ломоносова — и в здании Кунсткамеры. В 1990-х гг. заседания регулярно проводились в помещении библиотеки им. Ломоносова на улице Нахимова с участием сотрудников музея и школы № 73 (Ломоносовская гимназия). В юбилейный год, посвященный 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова, музеем М. В. Ломоносова в ноябре 2011 г. планируется торжественное заседание в малом конференц-зале в здании Санкт-Петербургского научного центра. «Ломоносовские чтения» будут проводиться с привлечением широкого круга ученых.

³ Ченакал В. Л. С. И. Вавилов и Музей М. В. Ломоносова // Советская этнография. 1951. Вып. 2. С. 197.

⁴ Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945 / отв. ред. Н. П. Копанева. СПб.: Наука, 2009. С. 996; Стецкевич Е. С. Роберт Исаакович Каплан-Ингель и послевоенная реконструкция здания Кунсткамеры 1945–1949 годы // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1995. Вып. 8–9.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1–1946. Д. 20. Л. 12.

Первоначальной задачей музейных сотрудников стал сбор материалов и создание макета Химической лаборатории, ибо к 1948 г. им предстояло организовать подготовку 200-летнего юбилея основания Химической лаборатории М. В. Ломоносова.

Из протоколов архива музея М. В. Ломоносова известно решение президента Академии наук академика С. И. Вавилова о подготовке открытия экспозиции музея к началу работы в Ленинграде сессии Академии наук СССР и о создании в 1948 г. комиссии для проверки степени готовности музея М. В. Ломоносова. В комиссию по проверке степени готовности экспозиции музея входили академик Н. С. Державин (председатель), А. А. Елисеев (секретарь); члены комиссии: зам. директора Института этнографии Л. П. Потапов, научный сотрудник указанного института И. Я. Треногов, Г. А. Князев, Р. И. Каплан-Ингель и научный сотрудник Государственного Эрмитажа В. М. Глинка⁶. С 1948 г. рабочая группа музея получила принципиально новую задачу: подготовить экспозицию с пятнадцатью тематическими разделами, освещающими различные стороны творчества и деятельности М. В. Ломоносова.

Совет Министров СССР своим распоряжением от 14 мая 1948 г. разрешил Комитетам по делам искусств и по делам культурно-просветительских учреждений передавать музею М. В. Ломоносова предметы искусства и культуры, связанные с именем ученого.

С момента постановления Президиума АН СССР от 8 мая 1947 г. коллективом музея была проделана колоссальная работа по подготовке экспозиции музея Ломоносова для проведения на ее базе зимней сессии Академии наук 1949 г., посвященной истории русской науки. Заведующий музеем Р. И. Каплан-Ингель подчеркивал поддержку и содействие в этой работе президента Академии наук С. И. Вавилова, академика И. В. Гребенщикова, администрации Музея этнографии и антропологии и сотрудников Ломоносовского музея — Т. В. Станюкович, Т. В. Победимовой, Г. В. Васильевой и др.⁷

⁶ Архив музея М. В. Ломоносова. Протоколы заседаний Комиссии от 16 октября 1948 г. № 1; 18 октября 1948 г. № 2; 3 декабря 1948 г. № 3. Для создания первой экспозиции были привлечены научные консультанты по различным темам науки. Многие имена встречаются в делопроизводственных документах. Например, большую роль сыграл ученый секретарь Комиссии А. А. Елисеев.

⁷ *Каплан-Ингель Р. И.* Мемориальный музей М. В. Ломоносова при институте этнографии Академии наук СССР // Советская этнография. № 2. 1949. С. 160.

Таким образом, наиболее активное накопление экспонатов для создаваемого музея происходило в 1947–1948 гг.: предметы поступали из Государственного Эрмитажа, Русского музея, Государственного исторического музея, Академии наук, Библиотеки и архива Академии наук, Института русского языка и литературы, Оптического института и фарфорового завода. Проводилась закупка экспонатов у частных лиц и в антикварных магазинах. В настоящее время эта работа продолжается, хотя и не так интенсивно. С 2009 г. музей Ломоносова получил новый импульс для дальнейшего развития в качестве отдела истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII века, сотрудники которого ведут кропотливую научно-исследовательскую работу в этой сфере.

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО РУКОВОДСТВА В СВЯЗИ С ЭКСПАНСИЕЙ КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ В 1907–1910 гг.

Н. В. Кукиль
(МГУ)

Представители российского руководства в 1907–1910 гг. вынуждены были уделять повышенное внимание активизации германской экспансии на Ближнем и Среднем Востоке, которая носила политический, экономический, просветительский и военный характер. Российские правящие круги, прилагая усилия к ликвидации последствий революционных потрясений, получали важные сведения о нарастании германской угрозы от специалистов в дипломатической сфере, которые располагали соответствующей информацией.

Ведущую роль в лишении Персии самостоятельности (начиная с вопросов внешних сношений) играли Великобритания и Россия. Однако в указанное время большие финансовые, торговые и промышленные интересы к ней начала проявлять кайзеровская Германия. Об этих проблемах писал в своих телеграммах Н. Г. Гартвиг, предоставляя важную для российского руководства стратегическую информацию о немецких концессиях в Персии¹. На дипломатической службе Гартвиг являлся конкурентом министра иностранных дел А. П. Извольского, который мало внимания уделял делам на Ближнем и Среднем Востоке, будучи сторонником дружеских отношений с англичанами и французами. Н. Г. Гартвиг, напротив, ставил перед собой задачу всемерного укрепления российских позиций в шахском Иране, так как британские и французские политические лидеры приглашали Россию в Антанту с целью связать ее серией далеко не всегда выгодных военных, экономических и правовых обязательств².

¹ Телеграммы чрезвычайного посланника и полномочного министра в Тегеране Гартвига Николая Генриховича о немецких концессиях в Иране... Начато 31 января (13 февраля) 1907 г., окончено 24 мая 1907 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 32. Л. 11.

² *Казанцев Ю. И.* Международные отношения и внешняя политика России (XX век). Ростов-на-Дону, 2002. С. 34.

Представляет интерес депеша Н. Г. Гартвига из Тегерана от 10 мая 1907 г. за № 77. В ней содержатся сведения о гордых заявлениях немецкой печати по поводу активизации деятельности Германии в Персии, которая якобы увенчалась первыми серьезными успехами. Анализируя сообщения немецкой прессы, Гартвиг писал: «...Вся немецкая печать переполнена статьями о Германском Банке в Персии; газеты, комментируя на все лады политическое и коммерческое значение этого пока еще не существующего кредитного учреждения, приводят ныне и подлинный текст самой концессии...»³ По мнению автора, восторженный отзыв немецкой прессы об экономических успехах в Иране был прологом будущих дипломатических успехов.

Для российского руководства захват немцами нефтеносных районов Персии означал бы не только явное дипломатическое поражение, но и отдачу Германии стратегической инициативы в еще не начавшемся, но регулярно прогнозируемом военными специалистами и теоретиками прямом столкновении с кайзеровскими вооруженными силами⁴.

В том же 1907 г. немецкая печать оглашала ход и результаты личных встреч германского кайзера и турецкого султана: «...Посещение султана германским императором рассматривается в Константинополе как лучший способ положить конец затруднениям, которые встречаются теперь при решении некоторых вопросов, возникающих между Турцией и Германией...»⁵ Здесь речь идет о том, что «некоторые вопросы» представляли собой планы форсированного процесса подчинения турецкой экономики и армии важной стратегической задаче: Германия торопилась со строительством Багдадской железной дороги, причем основная часть железнодорожных путей была проложена к 1909 г., что совпало с Боснийским кризисом 1908–1909 гг.⁶

³ Телеграммы чрезвычайного посланника и полномочного министра в Тегеране Гартвига Николая Генриховича о немецких концессиях в Иране... Начато 31 января (13 февраля) 1907 г., окончено 24 мая 1907 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 32. Л. 12.

⁴ *Астафьев И. И.* Русско-германские дипломатические отношения в 1905–1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М., 1972. С. 62.

⁵ Телеграммы чрезвычайного посланника и полномочного министра в Тегеране Гартвига Николая Генриховича о немецких концессиях в Иране... Начато 31 января (13 февраля) 1907 г., окончено 24 мая 1907 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 32. Л. 16–17.

⁶ *Виноградов К. Б.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. — пролог Первой мировой войны. Л., 1964. С. 43.

В газете «Русь» за № 2 от 16 июня 1907 г. было помещено важное для российского руководства известие, гласившее, что «...было напечатано письмо из Парижа по вопросу об интернационализации Багдадской дороги...»⁷. Дело в том, что французский капитал был намерен взять на себя часть расходов по сооружению этой довольно протяженной железнодорожной линии, но данный вопрос Франция вынуждена была обсуждать с российским дипломатическим корпусом: все, что касалось германской стороны, вызывало широкий резонанс в правящей элите императорской России⁸.

Заслуживает внимания депеша графа Н. Д. Остен-Сакена, касающаяся проблемы раздувания немецкой печатью слуха о предстоящем захвате Персии Россией и Англией. За три года, прошедшие с подписания в 1907 г. соглашения между Великобританией и Россией по разделу сфер влияния на Среднем Востоке, российские и английские позиции в Персии значительно укрепились, что никак не входило в планы кайзеровской Германии⁹.

Николай Дмитриевич Остен-Сакен отдавал себе отчет в том, что пресса и печать играют огромную роль в формировании общественного мнения, и, как показал дальнейший ускоренный ход событий, связанный с осложнениями в русско-германских отношениях, эта целенаправленная и продуманная пропаганда оказалась довольно эффективной¹⁰.

Характеризуя деятельность II Государственной думы, на долю которой выпало решение обозначенных выше проблем, необходимо прокомментировать письмо профессора Федора Федоровича Мартенса, известного теоретика международного права. Ф. Ф. Мартенс, будучи специалистом в юридических вопросах, указывал на ее явную неработоспособность и несостоятельность: «Дума за месяц, который

⁷ Депеша чрезвычайного полномочного посла в Берлине графа Остен-Сакена Николая Дмитриевича о раздувании слуха немецкой печатью о предстоящем захвате Персии Россией и Англией от 15 (28) октября 1910 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 65. Л. 9.

⁸ Карцов Ю. С. В чем заключаются внешние задачи России. СПб., 1908. С. 92.

⁹ Петряев К. Д. Очерки по истории Германии XX века (1900–1914 гг.). Одесса, 1959. С. 38.

¹⁰ Депеша чрезвычайного полномочного посла в Берлине графа Остен-Сакена Николая Дмитриевича о раздувании слуха немецкой печатью о предстоящем захвате Персии Россией и Англией от 15 (28) октября 1910 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–2.

она заседает, не только ничего не сделала, но и не показала желания сделать что-нибудь для страны. Большинство членов Думы стремится лишь к свержению нынешнего Правительства...»¹¹

На основании приведенных выше тезисов нужно сформулировать ряд выводов. Во-первых, российское руководство выражало обеспокоенность по поводу активизации экспансии германского капитала в регионе Ближнего и Среднего Востока в указанный период. Во-вторых, II Государственная дума носила изначально лишь временный характер и не могла решать поставленные перед ней задачи. В-третьих, в 1907–1910 гг. германский вопрос был одним из важнейших факторов, влиявших на стабильность внутривнутриполитической ситуации в Российской империи.

¹¹ Обзор иностранной печати: выпуск газеты «Times» от 3 апреля 1907 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 39. Л. 8.

ПОНИМАНИЕ КРАСОТЫ ТЕЛА КАК ТРАНСФОРМАЦИОННОЙ СИЛЫ ОБЩЕСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ УИЛЬЯМА МОРРИСА

А. Ф. Кулясова
(МГУ)

Платоновский мир идей прекрасен, но где бы ни обитала душа, тело человека находится в материальном мире. Назвав человека политическим *животным*, Аристотель подчеркнул значимость телесной оболочки как *основы* протекания нетелесных процессов. Спустя несколько веков Уильям Моррис, общественный деятель Англии викторианской эпохи, сформировал *свой* взгляд на роль тела в человеческой жизни. Только изменение отношения к телу человека делают возможной подлинную политическую трансформацию общества. Более того, только изменение отношения к *красоте тела* — единственный надежный залог социальных перемен. В утопии Морриса «Вести ниоткуда» раскрывается яркое и образное видение красоты тела как основы идеального общества.

Импульс утопии проходит через весь жизненный путь Уильяма Морриса (1834–1896) начиная с его дружбы с Прерафаэлитами, переходя в деятельность в сфере дизайна и архитектуры, заканчивая политической активностью и пропагандой социализма в Англии. Моррис — уникальный пример превращения эстета-мечтателя в деятельного борца за социальные перемены, который сам себя называл «ярким коммунистом»¹. В контексте же заявленной темы интересно проследить, как менялось отношение Морриса к роли тела в жизни человека. Будучи студентом, в Оксфорде Моррис готовился стать священником. Любая же религия ставит дух намного выше бренного тела. Однако после окончания университета Моррис вместо церковной службы присоединился к богемной жизни Лондона, проникся философией эстетики Прерафаэлитов. И хотя они значительно повлияли на мировоззрение Морриса, он не остановился на служении искусству ради искусства. Сознательно или интуитивно, его не устра-

¹ *Stansky Peter*. William Morris. Oxford, 1983. P. 9.

ивала отрешенная созерцательность Прерафаэлитского утопизма². Моррис — истинный бунтарь. Ведь если присмотреться, философия Прерафаэлитов органична тогдашнему восприятию тела как преграды на пути к «чистой» красоте, «чистому» духу. Несмотря на то что Прерафаэлиты бунтовали против мертвой кабинетной живописи академизма, ратовали за возврат яркости, природы и самой жизни в искусство, они тем не менее продолжали разделять дух и тело, оставаясь в рамках религиозного сознания. «Чистая» красота эстетики Прерафаэлитов бесконечно далека от низменной человеческой природы. Верхом совершенства считалось такое восприятие красоты человека, когда не возникало ни малейшего желания прикоснуться к нему, когда не возникало никаких физиологических ощущений, кроме как ментального отклика в наблюдателе. Отрешенная от мира сего, пассивная красота — идеал Прерафаэлитов. Как подмечает Е. Р. Томпсон, Прерафаэлиты «искали великое Искусство, повернувшись к миру спиной»³, не беспокоясь о социальном и политическом контекстах, в которых красота может быть достигнута или востребована.

Моррис же стремился к служению миру, предполагавшему активное его преобразование. Некоторые исследователи творчества Морриса, такие как Наоми Якобс⁴, считают, что радикальное переосмысление вопросов красоты и тела стало центральным звеном на пути его превращения из мечтателя в деятеля. И действительно, признание Моррисом важности телесной оболочки, телесного воплощения, того, что он сам называл «животной жизнью», требовало восприятия красоты не просто как качества, к которому следует стремиться в материальном мире, но как качества, которое должно быть *страстно проживаемо* и духовно, и физически.

В лекции 1884 г. «*Как мы живем и как мы могли бы жить*» Моррис назвал четыре условия полноценной жизни человека. Первое — здоровое тело, второе — активный разум в гармонии с прошлым, настоящим и будущим, третье — захватывающее занятие, подходящее для здорового тела и активного разума, и четвертое — красивый мир

² Naomi Jacobs. Beauty and the Body in News from Nowhere. JWMS. 12.2. Spring 1997. P. 27.

³ Thompson E. P., Morris William. Romantic to Revolutionary. New York: Pantheon, 1975. P. 66.

⁴ Naomi Jacobs. Beauty and the Body in News from Nowhere. JWMS. 12.2. Spring 1997. P. 26–30.

вокруг⁵. Следовательно, для Морриса полноценная жизнь — процесс активного взаимодействия здорового тела с окружающим миром, а не пассивное созерцание. Именно так рождается истинная красота жизни, а следом — идеальное мироустройство:

«Удовольствие — чувствовать саму жизнь, наслаждаться движениям своего тела, играть с солнцем, ветром и дождем, радоваться, удовлетворяя телесные потребности “животного” в человеческом облики, без страха деградации или ощущения неправильности такого поведения. И вследствие всего этого быть прекрасно сложенным, подтянутым, сильным, выражающим спокойствие и умиротворенность — быть, одним словом, красивым — вот что я требую»⁶.

Неотъемлемое для эстета право человека *на красоту* приобретает у Морриса особое, бунтарское звучание. Его понимание прекрасного абсолютно противоречит доминирующей тогда концепции красоты как качества, которое постигается вне человека, через предметы и их визуальное проявление. Такая красота может быть оценена со стороны как что-то внешнее по отношению к телу. Несмотря на всю свою бурную деятельность по преобразованию окружающей среды в рамках работы дизайнерской фирмы «Моррис и К°» или Общества по сохранению старинных зданий, не к одной внешней красоте стремился Моррис. Для всех человеческих существ он требовал красоты другого типа, которая расположена в *опыте* тела, в самом теле, а не во вне. Красоты, которая достигается изнутри посредством того, *как* мы ощущаем себя в движении, и того, как мир касается нас. Именно такой тип красоты человека, когда прекрасна не только его душа, но и его тело в своем взаимодействии с миром, необходим для подлинной социальной трансформации на пути к идеальному обществу.

⁵ *Morris William*. How we live and how we might live, Political Writings of William Morris. New York: International, 1973. P. 136.

⁶ Там же. С. 158.

РЕАКЦИЯ ТУЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ДОКЛАД Н. С. ХРУЩЕВА «О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ»

О. Н. Ларина
(ТГПУ)

Реакция тульской молодежи, как и остальных советских граждан, на доклад «О культуре личности и его последствиях» была неоднозначной. Первые непосредственные отклики прозвучали в Туле в марте 1956 г. Во многом именно неоднозначная реакция на доклад положила начало размежеванию в общественном сознании. Это привело в дальнейшем к различному восприятию сталинской эпохи и отношению к Сталину, что не могло не отразиться на мировоззрении молодежи, ее сознании, ценностях, определении своего места и значения в обществе, доверии или недоверии к власти, вере в провозглашаемые лозунги, повороте от коллективизма к индивидуализму.

В основу данной работы легли современные XX съезду документы, хранящиеся в фондах ГАТО. Прежде всего, это партийные источники — протоколы партийных собраний различных организаций областного центра и двух тульских вузов — педагогического и механического, а также городских комитетов ВЛКСМ, городского комитета КПСС.

Все, что связано с разоблачением культа личности и докладом Н. С. Хрущева, стремились обсуждать исключительно на партийных собраниях. Таково было указание сверху, «спущенное» для того, чтобы избежать частных разговоров, домыслов и частных обсуждений. В Туле доклад «О культуре личности и его последствиях» был впервые зачитан 28 марта 1956 г. на закрытом собрании слета городского комсомольского актива. Докладчик, секретарь Привокзального райкома ВЛКСМ А. В. Богданов, отметил, что в народе слухи о культуре личности ходят давно, равно как и слухи о том, что Сталин — враг народа¹. После прочтения доклад не мог не вызвать у слушателей вопросов, поэтому во избежание указанных выше опасений разрешено было непосредственно после прочтения подавать докладчику записки. Они

¹ ГАТО. Ф. 1295. Д. 290. Л. 21.

были анонимными, но вносились в стенограмму. Благодаря им можно узнать о настроениях людей по очень важным вопросам, касающихся осмысления личного опыта жизни в сталинскую эпоху, о выборе путей развития страны и взглядах о «правильности» и справедливости советского строя в целом, а также перспектив на будущее, доверия или недоверия к власти, к ее обещаниям и лозунгам.

У части слушателей было негативное отношение к Сталину еще до доклада. Так, в одной комсомольской ячейке самовольно сняли его портрет². Секретарь Привокзального района горкома ВЛКСМ А. В. Богданов заявил: «Делать это без официального разрешения партии нельзя, так как Сталин не враг народа, он имеет заслуги в революции, и его ошибки и упущения делались, чтобы укрепить нашу власть»³. Такое осторожное заявление указывало не только на страх перед вышестоящими властным инстанциями, опасения сделать что-то без указания сверху, «перестараться», но, вероятно, еще и на сохранившееся преклонение перед заслугами и мудростью Сталина, по официальной версии, делавшего все лишь на благо партии и государства.

Резко звучали вопросы: «Почему не доводили до сведения народа о культе личности?», «Как партия смотрит на тех, кто писал доносы на честных людей?», «К чему мы пришли бы, если бы Сталин был бы жив?», «Почему Политбюро не обратилось за поддержкой к народу?», «Почему Ворошилов, Молотов, Маленков не влияли на дела Сталина?»⁴. Количество поданных записок составляло не менее 50 % от общего числа аудитории, таким образом, становится ясно, что примерно половина слушателей поверила в то, что говорилось в докладе «О культе личности». Уклончивые ответы и «щекотливые» моменты выступления вызывали у молодежи вполне разумные и справедливые вопросы (Почему власть не обратилась к народу? Почему молчало Политбюро? Что было бы, будь Сталин жив?), заставляющие гораздо глубже взглянуть на проблему. Одна сомнительная мысль влекла за собой другие.

Ответы докладчика на щекотливые вопросы были весьма уклончивыми. Ошибки и просчеты Сталина он старался списать исключительно на его личные качества, а не на недочеты политической системы и общественного устройства. Так, на вопрос из зала «Правильны

² ГАТО. Ф. 1295. Д. 290. Л. 22.

³ ГАТО. Ф. 1295. Д. 290. Л. 24.

⁴ ГАТО. Ф. 203. Д. 33. Л. 12.

ли были выводы Сталина о политике построения коммунизма?», докладчик ответил коротко: «Да». На вопрос «Почему после XVII съезда партии возвысилась жестокость Сталина?» был дан ответ: «Он возвысился над партией, и группа в НКВД стряпала документы, на основании которых он принимал решения, не посоветовавшись с Политбюро»⁵. Здесь явно видна попытка свалить ответственность даже не на Сталина, а на Берия, который, как известно, к тому времени уже был осужден как враг народа и расстрелян, то есть сделать виноватым того, кого уже обвинить можно с согласия вышестоящих инстанций. С самостоятельной же трактовкой поступков Сталина во избежание недовольства сверху лучше было не выступать.

Была попытка свалить вину на окружение Сталина. К примеру, выступающие после основного докладчика секретари горкомов комсомола заявляли, что: «Значительная часть членов ЦК, избранная на XVII съезде, были арестованы. На их место пришли другие, недостаточно воспитанные в коммунистическом духе. Из них получились карьеристы и подхалимы»⁶. Говорилось, что «банда Берия фабриковала дела, умышленно создавая вокруг Сталина обстановку вражды и недоверия»⁷. Реакция слушателей на эти ответы была осторожной, в зале последовало молчание, вопросов сверх этих больше не задавали, что, однако, не означает, что аудиторию удовлетворило подобное объяснение. Скорее сочли вопрос исчерпанным либо из тех, на которые внятного ответа все равно не добиться.

Очевидно, что власть пыталась рассказать о культе личности только то, что рекомендовалось сверху, и скрыть острые углы и противоречия. Спорные вопросы, которые могли возникнуть у слушателей (к примеру, почему и каким образом Сталин смог возвыситься над Политбюро, отчего ему никто не помешал, в чем был смысл массовых репрессий и оправданы ли они, верна ли в целом политика партии и правительства, даже такие монументальные, как вопрос о справедливости советского строя) очевидно вызывали у докладчиков опасения, как способные посеять сомнения, и поэтому на слишком прямые и ставящие в тупик давались весьма уклончивые и осторожные ответы.

Но также очевидно, что у людей услышанное все же породило и вполне логически закономерные вопросы, и поспособствовало возникновению более глубоких сомнений. Об этом свидетельствуют, к

⁵ ГАТО. Ф. 203. Д. 33. Л. 15–16.

⁶ ГАТО. Ф. 203. Д. 33. Л. 25–27.

⁷ ГАТО. Ф. 203. Д. 33. Л. 29–31.

примеру, жалобы на комсомольских собраниях в ТГПИ и Механическом институте летом-осенью 1956 г. на «политически вредные» и «чуждые высказывания» по поводу критики культа личности и событий в Венгрии осенью 1956 г.⁸ В чем конкретно заключалась вредность, в документах не называлось, но явно намекалось на то, что часть молодежи говорила о том, что причина всех проблем не в Сталине, а в самом коммунистическом строе, и высказывала поддержку событиям в Венгрии.

Были и такие, кто посчитал доклад о культе личности ложью и наветом⁹. В своем исследовании «Хрущевская “оттепель” и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг.» Ю. В. Аксютин приводит данные опросов, проводившихся им самостоятельно. 34 % респондентов на вопрос «Как вы отнеслись к прозвучавшим обвинениям в адрес Сталина?» ответили, что поверили и одобрили. Примерно 33,5 % осознали, что, наоборот, им сказали не все, об этом можно судить и по тем задаваемым вопросам, которые уже были процитированы выше. Это не могло не положить начало распаду монолитного общественного сознания, породить сомнения, скепсис, недоверие и абстрагирование от официальной идеологии.

⁸ ГАТО. Ф. 203. Д. 38. Л. 95–100; Ф. 322. Д. 286. Л. 43–44.

⁹ Аксютин А. В. Указ. соч. С. 227.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ УКРЕПЛЕНИЯ, СТАБИЛЬНОСТИ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АССАМБЛЕИ НАРОДОВ КАЗАХСТАНА

А. И. Ли

(Карагандинский университет «Болашак», Казахстан)

Обретение Независимости в 1991 г. обременило нашу страну, как и другие страны бывшего Союза, к решению многих вопросов, в том числе путей дальнейшего развития государства и общества в целом. Вопросы национальной политики и создания единого гражданского общества наравне с экономическими вопросами стояли наиболее остро.

Положение Казахстана согласно историческим, этнографическим, геополитическим и др. факторам во многом уникально. Проживание на одной территории более ста различных наций, в совокупности с неуверенностью в завтрашнем дне, колониальным прошлым со всеми вытекающими последствиями давала тогда (в начале 90-х гг.) благодатную почву для возникновения различных экстремистских, националистических течений. Для противоборства с данной возможной тенденцией в обществе и для объединения этого самого общества в единый механизм нужен был институт, позволяющий решать эти вопросы на самом высоком уровне. Таким институтом стала Ассамблея народа Казахстана.

Идея создания Ассамблеи народа Казахстана была впервые высказана Президентом страны Н. А. Назарбаевым в 1992 г. на Первом Форуме народов Казахстана, посвященном первой годовщине Независимости.

Ассамблея народа Казахстана была образована в соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 1 марта 1995 г. как консультативно-совещательный орган при Главе государства.

Цели и задачи Ассамблеи, структура и организация работы, основные направления деятельности определены в Положении об Ассамблее народа Казахстана и Стратегии Ассамблеи, утвержденных Указом Президента Республики Казахстан от 26 апреля 2002 г. № 856.

Деятельность Ассамблеи направлена на решение следующих задач:

1) обеспечение эффективного взаимодействия государственных органов и институтов гражданского общества в сфере межэтнических отношений, создание благоприятных условий для дальнейшего укрепления межэтнического согласия и толерантности в обществе;

2) укрепление единства народа, поддержка и развитие общественного консенсуса по основополагающим ценностям казахстанского общества;

3) оказание содействия государственным органам в противодействии проявлениям экстремизма и радикализма в обществе и стремлениям, направленным на ущемление прав и свобод человека и гражданина;

4) формирование политико-правовой культуры граждан, опирающейся на демократические нормы;

5) обеспечение интеграции усилий этнокультурных и иных общественных объединений для достижения цели и задач Ассамблеи;

6) возрождение, сохранение и развитие национальных культур, языков и традиций народа Казахстана.

За 20-летнюю историю независимости Казахстан сумел сохранить атмосферу дружелюбия между различными нациями. В немалой степени этому способствовала деятельность Ассамблеи народа Казахстана. У Ассамблеи имелись инструменты для выполнения поставленных задач. Это не только представительство Ассамблей во всех областях Республики, но и также различные национально-культурные Ассоциации Казахстана, представительство в Парламенте РК (согласно Закону «О выборах в Республике Казахстан»), председательство в Ассамблее действующего Президента Н. А. Назарбаева. Каждый из вышеперечисленных инструментов несет под собой мощный административный ресурс, позволяющий решать вопросы по мере их поступления и сохранять благоприятный межнациональный фон. Считаю, что во многом именно административный фактор влияния позволил Ассамблеи действовать продуктивно и решить поставленную перед ним главную задачу — сохранения толерантного единого общества.

Но за последние годы стала актуальной и другая проблема, которую уже не удастся решить только административным ресурсом. Если раньше во многом идея сохранения межнационального мира было основана на исторических связях прошлого (во многом советского периода), то за последнее время выросло новое поколение, которое никак не связано с этим.

Новое поколение дает новую порцию вопросов. Это значит, что если на этапе становления государства главной задачей была консолидация общества на основе межэтнической толерантности и общественного согласия, то на новом этапе развития страны стратегическим приоритетом становится достижение Национального Единства, основанного на признании общей для всех граждан системы ценностей и принципов. Формирование этих систем многие политологи Казахстана связывают с дальнейшей деятельностью Ассамблеи.

Формирование активного гражданского общества — вот новая главная задача Ассамблеи. Механизм поощрения активных, молодых, талантливых людей дает возможность дальнейшего экономического развития страны. Как известно, после распада Советского Союза во всех этих странах зафиксирован массовый отток населения за рубеж. Чаще всего это было активное, трудоспособное население. Именно это стало для многих государств одной из причин замедления процессов формирования и развития экономики. Казахстан благодаря мудрому руководству прошел эту стадию становления, и сейчас стране нужен главный капитал, который ценится на сегодня превыше всего — это единое активное общество.

Языковой вопрос стал главным камнем преткновения в современном обществе. Не стоит забывать, что казахский народ мечтал о независимой стране несколько сотен лет. Сейчас Казахстан является исторической Родиной для казахов. Это их исконная земля и прописанный в Конституции статус казахского языка как государственного является естественным шагом. Требование знания государственного языка логично.

Но в то же время говорить об ущербном положении других языков безосновательно. Статус русского языка как языка межнационального общения официально прописан в Конституции Республики Казахстан. Ведь, говоря о русскоязычном населении Казахстана, мы имеем в виду не только русских, но и представителей других национальностей, в том числе и коренного населения. Русский язык связал нас общими культурными ценностями, позволяющими народу Казахстана связать в единую духовную составляющую. Любые спекуляции, связанные со сменой статуса русского языка, вызывают негативную реакцию как со стороны общества, так и со стороны государственных структур. В нашей стране права русскоязычных никогда не ущемлялись. Русским языком пользуются как в государственных учреждениях, так и в повседневной жизни. Не стоит забывать и о развитии др. языков. Существуют различные центры, школы, позволяющие раз-

вивать языковое многообразие. Ассамблея совместно с государством поддерживает различные начинания, связанные с культурным обогащением. Так, например, кроме казахских и русских театров успешно функционируют четыре национальных (этнических): узбекский, уйгурский, корейский и немецкий. Причем три последних — единственные на территории СНГ.

Единство народа, нации позволяет нашей стране идти вперед, преодолевать экономический кризис, строить свое светлое будущее. Единство — наш главный капитал.

Тем более основной этот тезис уже прописан в доктрине Национального Единства, он гласит: «Единство в многообразии» стало нашим общим достоянием, а согласие между этносами — нашим главным достижением, символом Казахстана, гарантией и основой успешного социально-экономического и общественно-политического развития страны.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АРХИВЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ О РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ В ГОДЫ НЭПА (1921–1929 гг.)

к.и.н. И. Н. Лозбенев
(Образовательный центр ОАО «Газпром»)

Движение рабочих за свои права уже несколько веков является одним из ведущих факторов политического развития многих стран мира. И в начале третьего тысячелетия события, происходящие в Западной Европе в результате мирового экономического кризиса, свидетельствуют о том, что вопросы, жизненно важные для трудящихся, не решены.

Обращение к 150-летнему опыту развития рабочего движения в России показывает, что даже в случае смены власти одной на другую, близкую по лозунгам народным массам, тоже вызывает противостояние трудящихся. И в те годы, уже при Советской власти, было много выступлений рабочих за свои права и достойную жизнь. Однако в советское время об этом писать и говорить было не принято, как и изучать эту проблему. Однако сохранились свидетельства многих событий в архивах, к которым сейчас уже могут обращаться исследователи. В данной статье речь идет о материалах нескольких областных архивов Центральной части России: Москвы, Твери, Тулы, Смоленска, Иваново, Владимира.

Анализ архивных материалов позволяет сделать интересный вывод. В годы нэпа многие рабочие участвовали в трех Российских революциях, Гражданской войне и в значительной мере способствовали приходу к власти партии большевиков. Казалось бы, рабочие получили то, что хотели. В Советской России пролетариат получил статус правящего сословия. Но на деле многие проблемы самих рабочих решались слабо. Поэтому они считали, что в результате замены хозяев в управлении предприятиями ответственность за все недостатки развития промышленности взяли на себя большевики. К этому добавлялось и желание воспользоваться всеми возможными плодами революции, обещанными большевиками: снизить продолжительность рабочего дня, производственную нагрузку, повысить заработную плату, улучшить условия труда и жизни.

Однако решить эти проблемы в короткие сроки у Советского государства не было возможности. Большевикам еще предстояло учиться организовывать производство, торговать, решать хозяйственные вопросы. Многие социальные требования рабочих, оправданные с их точки зрения, входили в противоречие с необходимостью повышать эффективность производства, снижать издержки, экономить на расходах. Возникавшие противоречия и вызвали к жизни разные формы протеста и самоорганизации, способы взаимопомощи, то есть возникали различные формы проявления активности, характеризующие рабочее движение. Эта проблема фактически в российской историографии в комплексе не рассматривалась. Рабочее движение в Советский период истории России в целом и в годы новой экономической политики в частности — все еще слабо изученная проблема. Центральный промышленный район занимал в 1920-х гг., как и сейчас, совершенно особое положение в экономике страны. На его территории располагались такие крупные промышленные центры, как Москва, Московская и Ивановская губерния. Отдельные промышленно-развитые районы имелись в Тверской, Тульской и Владимирской губернии. Однако Смоленская, Калужская и Рязанская губернии могли быть отнесены к преимущественно сельскохозяйственным регионам. На этой небольшой, по российским меркам, территории были сосредоточены сотни крупных и тысячи средних и мелких предприятий, на которых были заняты сотни тысяч рабочих. Вполне естественно, что здесь — в Центральной России — рабочее движение приняло значительный размах и проявило себя в разнообразных формах.

Наиболее эффективной формой воздействия со стороны рабочих на власть и владельцев предприятий, как и до 1917 г., так и позднее, была забастовка. Период 1920-х гг. богат примерами подобной формы рабочего протеста, тем более в таком промышленно-развитом регионе, как Центральная часть Европейской России. Материалы архивов показывают количественные данные забастовочного движения по 6 губерниям Центральной России в годы нэпа (подсчет автора).

Из таблицы видно, что забастовочное движение имело свои спады и подъемы. Первый этап подъема рабочего движения пришелся на первые годы нэпа. Это было связано с тем, что переход к новой экономической политике хотя и обеспечил спокойствие в крестьянской среде, но очень серьезно ударил по уровню жизни рабочих.

**Динамика забастовочного движения в регионах
Центральной части Европейской России в годы нэпа¹**

Регион (губерн.)	Годы									
	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929	Итого
Московск.	17	29	27	18	42		18	–	–	151
Тверская	7	16	4	5	9	6	6	1	3	56
Тульская	2	15	1	1	1	8	7	–	–	35
Смоленск.	–	–	–	5	3	2	–	–	–	10
Влади- мирск.	–	1	18	11	6	3	9	3	–	51
Ив- Вознес.	22	3	5	2	57	62	31	5	–	187
Итого по 6 губер- ниям	48	64	55	42	97	102	71	9	3	491

¹ РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 1562. Оп. 15. Д. 320. Л. 2, 11, 392, 544, 554, 800, 936; Д. 324. Л. 104, 1247; Д. 537. Л. 67; ЦАОПИМ (Центральный архив общественно-политической истории г. Москвы). Ф. 3. Оп. 2. Д. 46. Л. 10, 13, 66, 112; Д. 48. Л. 18–189; Д. 49. Л. 7–189; Д. 50. Л. 30, 52, 184; Оп. 3. Д. 34. Л. 3–368; Оп. 4. Д. 49. Л. 75, 88–89, 92–94, 99–101, 112; ГАТО (Государственный архив Тверской области). Ф. Р-291. Оп. 7. Д. 70. Л. 461; Оп. 16. Д. 231. Л. 12; Д. 143. Л. 11, 12, 66, 90; ТЦХДНИ (Тверской центр хранения документов новейшей истории). Ф. 1. Оп. 3. Д. 269. Л. 31, 38; ЦНИ-ТО (Центр научной информации Тульской области). Ф. 1. Оп. 2. Д. 490. Л. 6, 34, 39; Д. 514. Л. 1, 2; Оп. 4. Д. 264. Л. 1, 123, 247; Д. 633. Л. 164, 434, 539; Д. 634. Л. 3, 5; ГАНИСО (Государственный архив новейшей истории Смоленской области). Ф. 3. Оп. 1. Д. 2708а. Л. 126, 167; ГАВО (Государственный архив Владимирской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1179. Л. 4, 11, 22; Д. 1296. Л. 61; Ф. Р-24. Оп. 5. Д. 22. Л. 177, 321, 324; Д. 30. Л. 214, 729, 773, 792, 815, 1028, 1056; ГАИО (Государственный архив Ивановской области). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 625. Л. 164; Д. 627. Л. 14, 16, 21–22, 26, 32, 35, 43, 45, 73; Д. 1146. Л. 30; Д. 1350. Л. 140–141; Д. 2105. Л. 110; Д. 2405. Л. 128–129, 285, 303; «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении дел в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Ч. 1. М., 2001 г. С. 139, 222; Ч. 2. М., 2001 г. С. 511, 590, 751, 950, 958; Т. 2. М., 2001 г. С. 114, 117, 164, 197, 219, 254, 401; Т. 3. Ч. 1. М., 2001 г. С. 214, 218, 290, 316–317, 359, 380, 473, 734; Ч. 2. С. 592; Т. 4. Ч. 1. М., 2001 г. С. 232, 259–260; Т. 5. М., 2003 г. С. 139, 168, 239, 241, 250, 271; Т. 6. М., 2003 г. С. 109, 197, 618; Трудовые конфликты в Советской России. 1918–1928 гг. М., 1998 г. С. 133, 195, 196, 201, 238–239, 248, 293, 299, 308–309, 310, 321, 328.

Приспособление предприятий к новым условиям рынка влияло на положение рабочих. Многие руководители предприятий еще не знали конъюнктуры рынка, источников получения сырья и сбыта своей продукции. Результатом стали постоянные задержки заработной платы, пайков, спецодежды и обуви. Практически все случаи забастовок в 1921–1922 гг. были вызваны этими причинами. Так, в 1921 г. в Московской губернии в 47 % случаев, в Тверской, Тульской и Иваново-Вознесенской губерниях в 100 % причинами забастовок были задержка либо сокращение пайка, невыдача мануфактуры или спецодежды.

В тяжелой экономической ситуации администрации предприятий было трудно выполнить требования рабочих. Так, из 16 забастовок, прошедших в Тверской губернии, требования рабочих полностью или частично были удовлетворены в 5 случаях, а во Владимирской губернии в 2-х из 10, в Иваново-Вознесенской губернии из 23 забастовок требования были удовлетворены частично в 3-х, в Тульской губернии из 2-х забастовок требования участников были частично удовлетворены в одном случае².

В 1922 г. в забастовочном движении Центральной части Европейской России стали проходить не только количественные, но и качественные изменения. Архивы свидетельствуют, что вырос уровень организованности протестного движения. Стали меняться причины забастовочного движения: выросли требования повышения зарплаты (тарифов) и снижения норм выработки, против сокращения рабочих мест на предприятиях, задержки выдачи продовольственных пайков, а также из-за просчетов в деятельности администрации и профсоюзов. Эти требования стали причиной 58,6 % забастовок в Московской губернии, 43 % – в Тверской и 70 % выступлений в Тульской. Анализ требований рабочих показывает, что произошла их «денатурализация». Рабочих стало интересовать не только снабжение продовольствием, но и размеры зарплаты и тарифов. Рост забастовочного движения не мог не вызывать беспокойства со стороны местного губернского руководства. И. А. Зеленский – руководитель Московской организации ВКП(б) – говорил на XI Московской губернской партийной конференции, что усиление стачечного движения рабочих было вызвано задержками заработной платы, ее снижением (прежде всего при перечислении зарплаты из совзнаков в золотые рубли),

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 320, 324, 537; ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 16. Д. 143, 231.

необходимостью улучшения быта рабочих³. В 1925–1926 гг. прошла новая волна забастовок. При внимательном рассмотрении данных статистики можно увидеть, что большая часть всех забастовок этого периода — почти 60 % — пришлось на текстильные предприятия Иваново-Вознесенской губернии. К тому же они были более организованными и масштабными. Массово «забастовочным» стал май 1925 г., когда в разное время останавливалась работа 14 предприятий, а забастовками были охвачены 12 тыс. рабочих⁴. Летом, осенью, зимой 1925 г. забастовочная волна стала несколько слабее, но в июне их было 6, в июле — 4, в августе — 3, в ноябре — декабре еще 10⁵.

В 1926 г. ситуация, на первый взгляд, не изменилась, число забастовок даже увеличилось. Однако они стали менее масштабными по числу участников: если в 1925 г. забастовками было охвачено 16 тыс. чел. (13,3 % из числа всех рабочих), то в 1926 г. в забастовках участвовало около 5 тыс. чел. (3,3 %)⁶.

Период 1925–1926 гг. стал высшей точкой развития забастовочного развития в регионах Центральной России в годы нэпа. К концу 1920-х гг. число забастовок стало резко снижаться. Среди многих причин уменьшения протестного движения можно назвать то, что требованиям рабочих стали уделять больше внимания. В частности, на предприятиях Московской губернии требования рабочих удовлетворялись на 80–90 %⁷, в других губерниях также шли по пути выполнения в большей или меньшей мере требований участников забастовок. Возможно, это главный итог данного этапа рабочего движения в России.

Каждое историческое событие или явление — продукт своей эпохи. В полной мере это можно отнести к рабочему движению в губерниях Центральной России в 1920-х гг. Оно развивалось в специфических условиях, когда рабочий класс был объявлен привилегированным

³ Стенографический отчет заседаний Пленума Московского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1926 г. № 11. С. 318.

⁴ Там же. С. 286–320.

⁵ Там же. С. 357–470; ГАИО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2105. Л. 8.

⁶ ГАИО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1143. Л. 107.

⁷ *Казанцев Б. Н.* Материалы государственных, партийных и профсоюзных органов о выступлениях рабочих на предприятиях Советской России в 1918–1928 гг. По фондам РЦХИДНИ и ГА РФ // Трудовые конфликты в Советской России. 1918–1929 гг. М., 1998.

слоем населения и, казалось, должен был бы пользоваться своим особым положением. Жизнь показала обратное. Государство, взяв на себя управление предприятиями, не могло в полной мере выполнять требования рабочих, чем вызвала волну забастовочного движения. В то же время их протест не был направлен против Советской власти как системы управления: рабочие признавали ее как свою, созданную при их непосредственном участии. Точно так же их протест не был направлен против правящей партии, большевики пользовались поддержкой рабочих. Критика и протестные действия были направлены против отдельных проявлений бюрократизма и бесхозяйственности. Думается, что с этой точки зрения и необходимо рассматривать рабочее движение в Центральной России в годы нэпа, и именно так об этом свидетельствуют архивные материалы.

ДУХОВНЫЕ НАДЕЖДЫ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА И ЕГО СБЛИЖЕНИЕ С МАЛЬТИЙСКИМ ОРДЕНОМ

Ю. С. Лосева

(Римский университет LUMSA, Италия)

9 июня 1798 года вблизи острова Мальта появилась Французская флотилия, возглавляемая Наполеоном Бонапартом, флотилия направлялась в Египет. Остров Мальта на то время находился под управлением Суверенного военного ордена рыцарей-госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского под верховенством Короля Неаполя и Сицилии, с 1530 года остров был передан Ордену Императором Священной Римской истории Карлом V с правом феодального владения переданного Королевством обеих Сицилий.

Бонапарт подал запрос к Великому магистру Ордена получить разрешение на вход в порт его флотилии, последовавший ответ Магистра был следующим: «Статут и законы ордена запрещают находиться более чем четырьмя военными кораблями одновременно»¹. Наполеону такой ответ был вполне выгоден, и он, заявив, что ответ Магистра равен декларации войны, не теряя времени, отдал приказ адмиралу Брюейсу д'Эгалье готовиться к атаке крепости, которая охраняла Валету, и тут же начал высадку в семи разных пунктах острова Мальты и Гозо. Первые угрозы Наполеона посеяли некоторую хаотичность в городе Валета, где значительная часть рыцарей была франкоязычна и явно симпатизировала Наполеону. Внутренние разногласия и общая неорганизованность достигла своего пика, среди населения Мальты распространились слухи о предательстве среди Франкоязычной части ордена. Остров, который сумел противостоять двухлетней осаде непобедимого войска Драгута, после неудачных переговоров и нескольких выстрелов канонады позорно пал к ногам Наполеона. Великий магистр Фердинанд фон Гомпеш, который по происхождению был немцем, получил 600 тыс. франков и пожизненную пенсию в сумме 30 тыс. от Наполеона и уехал в Триест, на то время принадлежавший

¹ Антошевский И. К. Державный орден Святого Иоанна Иерусалимского, именуемый Мальтийским в России. СПб., 1914 (note 5; 6).

немцам. Франкоязычная часть солдат ордена примкнула к войскам Бонапарта и последовала за ними в Египет. Дивизия генерала Ренье стала хозяином на острове Гозо, а дивизия генерала Claude-Henri de Belgrand Vaubois осталась на острове Мальта с четырьмя тысячами людей. Остров был разграблен, и Генерал Луи Барагэ д'Илье на своей фрегате «La Sensible» с награбленными трофеями Ордена отправился во Францию, но по дороге корабль был захвачен англичанами.

И так впервые за 268 лет, как Мальта была передана во владение Суверенному военному Ордену рыцарей-госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского, остров перешел в другие руки, Орден был разграблен и остался без своей главной резиденции. Интересен также тот факт, что многие исторические источники усматривают в быстрой сдаче острова и неподготовленности войска Ордена личное предательство самого Великого магистра, тем более что поступало много предупреждений о готовящейся угрозе со стороны Наполеона.

В Европе витал дух Французской революции, в результате которой был уничтожен «Старый порядок» и Франция из монархии стала республикой. Монархические государства молча наблюдали сдачу Мальты и изгнание Ордена из его собственных владений, но никто не решался предоставить помощь Мальтийскому Ордену, боясь что якобинское настроение перейдет через границы и их государств. В этой исторической обстановке и появляется фигура Императора Российской империи Павла I как спасителя Мальтийского Ордена.

Обычно первые сведения приближения Ордена к границам Российской империи источники приводят к «Острожскому делу». «В начале XVII века князь Иван Константинович Острожский и Волынский, который был последним мужским отпрыском стариннейшего русского рода Рюриковичей, был первым из рода, кто принял католичество. Он задумал трансформировать свои огромные владения в приорство Ордена святого Иоанна Иерусалимского, и так по его воле обращенной к наследникам было учреждено в его завещании в 1609 году. В 1774 году Государству Польскому удалось частично соблюсти волю принца Януша и основать Великое приорство Польское с правом наследственности родового командорства»². Трактатом за 25 сентября 1793 года следовал второй раздел Польши, «вся территория Великого приорства Польского, в том числе и Волынь, с земля-

² *Захаров В. А.* История Мальтийского Ордена в России.

ми князя Острожского отошли к России³. Поступление респонсий от Острожского майората прекратилось»⁴.

Но как утверждает И. К. Антошевский, «сношения Ордена с Россией начались еще в царствования Петра». Тяжелые непрерывные войны с Турцией дали мысль Петру обратиться за содействием к Мальтийскому Ордену — непримиримому врагу мусульманского мира. В 1697 году царь отправил боярина Б. П. Шереметьева с дипломатическими поручениями к Польскому королю Августу II, к императору Леопольду, к Венецианскому дожу и к папе Иннокентию XII. «И было поручено Шереметьеву войти в непосредственные сношения с Мальтийским Орденом для совместных военных действий против турок». И, направляясь из Венеции к острову Мальта, Шереметьев встретил 19 апреля 1697 г. Мальтийский караван — отряд военных судов. Флотилией Ордена командовал генерал Спинола, приветствовавший русского посланника пушечной пальбой. На Мальте Шереметьев был встречен весьма торжественно и радушно. «И в тот день, — говорится в записках Шереметьева, — траковали в обед и ужин преизрядными явствами и питьем и кофектами разными и трубачать трубилъ». 21 мая Шереметьев был принят в торжественной аудиенции, гроссмейстером Ордена Раймондом де Перейлось де Рокафюль, Шереметьев вручил гроссмейстеру «Любительскую грамоту» царя Петра и собственноручное письмо императора Леопольда. В «Любительской грамоте» Петр писал об удачной войне с султаном и его вассалом крымским ханом и о заключения союза против Турции с императором Леопольдом, королем Августом и с Венецианской Республикой. Грамота заканчивалась выражением надежды на то, что и Мальтийский Орден теперь будет действовать еще более энергично против врагов Святого Креста. В день пятидесятницы Шереметьев слушал мессу и прикладывался к Деснице св. Иоанна Крестителя. Мощи эти впоследствии в царствование императора Павла были перенесены в Россию. Шереметьев сумел расположить к себе не только гроссмейстера, но и весь капитул ордена. Хоть ему и не удалось заключить союз против Турции, тем не менее он завязал тесные дипломатические сношения с Орденом. Перед отъездом Перейлось де Рокафюль в знак особого его

³ Careubitjstvo 11 marta 1801 goda : Zapiski učastnikov i sovremennikov (Sablukova, Grafa Benigsen, Grafa Lanžerona, Fonvizina, Knjagini Liven, Knjazja Čartoryjko, Barona Gejkinga, Kecebu). S.-Peterburg: Izd. Suvorina, 1907.

⁴ «Imperator Pavel I: zhizn i tsarstvovanie» E. S. Shumigorskago. S.-Peterburg, 1907.

расположения к России и его посланнику возложил на Шереметьева цепь с крестом св. Иоанна Иерусалимского, украшенным бриллиантами. Таким образом боярин и впоследствии граф Б. П. Шереметьев был первым из русских, посвященным в рыцари Мальтийского Ордена. Вплоть до царствования Екатерины II отношения Ордена с Российской империей носили только случайный характер, обмениваясь событиями о внутренних значительных событиях, смене российских монархов и смене Великих Магистров. При Екатерине II отношения с Орденом оживились, заботясь о возрождении Русского флота, Екатерина II повелела нашему посланнику в Вене, князю Голицыну, войти в переговоры с Орденом относительно обучения наших офицеров морскому делу. Орден согласился принять нескольких офицеров в свой флот. В течение 3 лет русские офицеры плавали под командованием бальи Бельмонте. Екатерина заключила с гроссмейстером Де Рогань союз против турок. Французскому правительству этот союз был нежелателен, и оно угрозами заставило Орден отказаться от совместных с Россией действий против Турции. «Но Орден секретно помогал России, Де Рогань переслал тайно в Петербург планы карты и секретные инструкции, составленные Орденом на случай войны с Турцией»⁵.

Но официальных отношений с Орденом по-прежнему не получалось. В 1792 году Орден потерял все свои имения во Франции вследствие декрета республики о конфискации имущества всех духовных орденов. Орден испытывал финансовые трудности, а Острожский вопрос так и не был разрешен. Орден решил искать покровительство в России. Де Рогань отправил представителя Ордена для переговоров с Екатериной. «Этим посланником стал бальи граф Джулио Литта, в прошлом служивший во Флоте Императрицы под командованием вице-адмирала Нассау-Зиген, и за участие в первом Реченсальском сражении был произведен в контр-адмиралы и награжден орденом Святого Георгия 3-й степени»⁶, итак, в 1795 году декретом ордена Дж. Литта был аккредитован в качестве полномочного министра при дворе Екатерины, несмотря на все старания Дж. Литты, с оплатой долгов Речи Посполитой, принявших на себя со стороны России, у него ничего не

⁵ *de l'Ordre de Saint-Jean-de-Jérusalem*. L'empereur Paul Ier de Russie Grand Maître de l'Ordre de Malte et son «Grand Prieuré russe» par le Baron Michel de Taube. Paris, 1955 (note 2; 8).

⁶ *Eymery Alexis*. Voyage a Saint-Pétersbourg, en 1799–1800, fait avec l'ambassade des Chevaliers de l'ordre de St.-Jean de Jérusalem, allant offrir à l'Empereur Paul premier la grande Maitrise de l'Ordre... Paris, 1818.

получалось. Из депеш Дж. Литты становится явным, что императрица совершенно игнорировала претензии Ордена. Переговоры зашли в тупик, и неизвестно, как бы разворачивались дальнейшие отношения Мальтийского Ордена с Россией, если бы не скоропостижная смерть Екатерины — 6/17 ноября 1796 года. Вступление на престол Павла I и его недолговременное царствование внесли несколько блестящих страниц в историю Ордена. Открывается новая страница в истории России.

В Европе XVIII века центральное место политических событий занимало расширение власти в Средиземном море, и, как указывают итальянские источники, через Мальтийский Орден Павел задумал расширить влияние Российской империи в Средиземном море, но, например, в книге мальтийского ордена «8» указываются три основных момента, которые подтолкнули Павла на сближение с Орденом Мальты: это внешняя политика, социальная политика и его личная религиозная. Все сводится к концепции его рыцарских идеалов создания Международной легитимной лиги христианства как оппозицию революционной доктрине Французской Республики.

С приходом на престол сына Екатерины на Мальте прекрасно знали о его «рыцарском сердце» и снисходительности к Ордену, и, не теряя времени, Дж. Литта с благословения своего брата Лоренцо, который был папским нунцием, в будущем кардинал, отправился в Россию. Литта стал вести переговоры с новым императором. Также сам Ватикан явно задумал использовать в свою пользу так называемую религиозную толерантность императора, особенно после его поездки в Рим в 1782 г. и его встреч с Папой Римским Пио VI. «l'empereur Paul -qui se qualifiait Lui-meme de catholique de coeug», — писал в своих воспоминаниях Папа. Кроме того, католическая церковь знала, что на территориях его Империи были правители и католического вероисповедания, хоть все же большая часть Империи была православной. Дж. Литта приступил к исполнению своей миссии, и под влиянием Литта Павел, всегда сочувствовавший Ордену, сообщил о своем намерении учредить независимо от великого приорства, существовавшего уже в областях, присоединенных от Польши, еще и российское приорство, и таким образом помочь Ордену и покончить с проблемой «Острожского майората» в пользу Ордена, для выработки и заключения конвенции Павел назначил канцлера кн. Безбородко и вице-канцлера кн. Куракина. В период 4–15 января 1797 года Павел заключил особую конвенцию с великим магистром «Конвенция, заключенная с державным Орденом Мальтийским и его преимуществом Гросс-Мейстером об установлении сего Ордена в России». Эта конвенция устанавли-

вала в России великое приорство пока только римско-католического исповедания. Для Мальтийского Ордена это соглашение с Россией имело огромное политическое и экономическое значение. Во-первых, создавалось новое Великое приорство Российское, заменившее внутри Мальтийского Ордена бывшее Великое приорство Польское. Во-вторых, кроме погашения задолженности Великому приорству Польского Павел увеличил ежегодный доход Ордена от 120 тыс. злотых до 300 тыс. злотых. В-третьих, Ордену была дарована «полная свобода учреждать в Российской Империи свойственные ему уставы» и дано разрешение на создание новых командорств. «Первым Великим Приором Российско-Католического приорства был назначен Принц Конди, а Дж. Литта, Антон иди Приест и еще семеро поляков поделили командорства»⁷. Скорость, с которой новый император решал все вопросы Ордена, поражает. «В знак признательности Священный совет Ордена решил возложить на Русского Императора титул Протектора и в знак благодарности за милости, оказанные Российским Императором их Ордену, были присланы в качестве подарка Павлу Петровичу через графа Литту золотой медальон-релекварий с частицей шипа тернового венца Спасителя, принадлежавший знаменитому магистру Жану Паризо де Ла-Валетту, которого Павел боготворил»⁸. «Хоть на то время Орден имел уже своего Протектора в лице Императора Священной Римской Империи и Короля Неаполя, Павел объявил, что он не претендует на права других, тем не менее Приорство Германии и в Вене высказали свое недовольство»⁹. Император Павел, столь покровительствуя Ордену, имел мысль создать со временем в России рыцарское сословие на подобии того, какое существовало в Европе средневековья. Кроме того, устанавливая рыцарство в России и допуская в его ряды иноземное дворянство, Павел хотел создать мощный оплот против республиканских и революционных идей, охватывающих тогда всю западную Европу, на Павла в этом направлении надеялась и Римско-католическая церковь.

Когда в Петербург пришло известие о падении Мальты, гневу Павла не было конца. Взятие крепости Павел считал личным для себя оскорблением, так как он незадолго объявил о своем покровительстве Ордену и был его Протектором. В это время в средиземном море

⁷ *Troyat Henri*. Paul Ier le Tsar mal aimé. Paris: B. Grasset, [2002].

⁸ *Le Tsar Paul Ier et l'Ordre de Malte en Russie*. Paris: Rieder, 1930 (note 2; 7; 12).

⁹ *Ryan W*. The House of the Temple. London, 1930.

крейсировала русская эскадра под начальством адмирала Ушакова, а турецкий флот старался взять обратно от французов Ионические острова. Желая во что бы то не стало отнять у французов Мальту, Павел повелел адмиралу Ушакову «действовать вместе с турками и англичанами против французов, як буйнаго народа истребляющего в пределах своих веру и Богом установленных законов». После известия о постыдной сдаче Бонапарту острова Мальты 15 августа 1798 года состоялось собрание сановников кавалеров Ордена. В этом собрании присутствовавшие рыцари признали Гомпеша виновным «в глупейшей беспечности» и не достойным более носить высокий титул магистра Ордена. По предложению Литты, рыцари единогласно постановили прошение Павлу о принятии им звания великого магистра всего Ордена. «С известием о таком постановлении гр. Литта и отправился к Императору в Гатчину, где и был подписан акт о принятии Россией под свою защиту острова Мальты»¹⁰. 10 сентября 1798 года Павел публикует Манифест, где оглашается об отстранении Гомпеша и о принятии Великого Ордена под свою Императорскую защиту. Хоть Павел и выразил с радостью свое соглашение на принятие им сана великого магистра, тем не менее повелел русскому послу в Риме Лизакевичу войти по этому поводу в переговоры с Папой Пием VI. Папа был крайне недоволен и возмущен французской директорией, благодаря которой католическое духовенство изгнано и лишено своих недвижимостей во Франции и северной Италии. Принятие же Павлом императором могущественного государства, сана великого магистра древнего католического Ордена обещало большие выгоды римской курии. Вот почему Пий VI поспешил дать Павлу самый благоприятный ответ. 27 октября 1798 года кавальеры, находившиеся в Петербурге вместе с Великим приорством Российским, Германским и Польским, и другие кавальеры провозгласили императора Павла семидесятым Великим Магистром Ордена. 28 (ст. стиль) декабря того же года император Павел указом nr. 19 044 провозгласил о создании «Le Commende Ereditarie» Ордена Мальты в России, двух Великих приорств, Католического и Православного. Итак, император греко-православного вероисповедания становится во главе римско-католического Ордена. Великое Приорство Российское было открыто для православных, также присоединиться к Российскому приорству были приглашены и другие приорства. С необыкновенной горячностью и поспешностью Павел принялся за организацию Ордена в Рос-

¹⁰ Rivista An. I h.s (dic.1937). P. 18–21.

сии и стал менять вековые устройства Ордена на свой лад. Например, он отменил обет безбрачия, благодаря чему Балъи Литта с разрешения его Императорского величия смог жениться на вдове Скавронской, богатейшей племяннице Потемкина. Приорство католическое состояло в основном из французских иммигрантов, а православный Приориат был более в фаворе у императора, все это стало пугать католический мир, и уже довольно пожилой Папа Пий VI стал протестовать против нового Великого Магистра. 20 января 1799 г. Пий VI направил нунцию в России Литте «Pro Memoria» совершенно секретно, но содержание этого письма стало известно Канцлеру Безбородко. Когда о содержании доложили императору, узнав о протестах Папы, Павел впал в гнев и лишает Балъи Литта и его брата Лоренцо звания лейтенанта Великого Магистра, и Дж. Литта как главного пропагандиста католичества было предписано покинуть столицу.

Провозглашение Павла Великим Магистром Ордена находит свою легитимность, во-первых, в том, что сам фон Гомпеш 6 июля 1799 года подписался в акте о его отречении, и признание Великого Магистра в лице Императора, во-вторых, признание Великим Магистром со стороны других Великих приорств, и, в-третьих, что и является самым главным, он был признан и самим Папой Пием VI (Bolla «Pastoralim nobis» 10 июня 1799 года), только жаль, что теперешний Орден называет рыцарей, которые провозгласили Павла Великим Магистром, диссидентами, что и отнимает у Павла юридическое основание «de juris», оставляя право наименование императора Павла только лишь «de facto»...

Павел в качестве Великого Магистра Ордена считал своею первою обязанностью отнять у французов Мальту. Адмиралу Ушакову приказано было соединиться с эскадрою английскою и неаполитанскою для блокады Мальты. Благодаря двойственной политике лондонского кабинета блокада Мальты велась союзными эскадрами крайне небрежно и давала возможность французам продержаться еще очень долго. Разгневанный Павел велел Ушакову прекратить осаду Мальты и флоту отправиться к острову Корфу. Лондонский кабинет явно не хотел допустить распространения Российской империи в Средиземном море, и в 1800 году, вопреки намерениям Павла, англичане заняли остров, которым владели вплоть до 21 сентября 1964 года. А Наполеон тем временем воспользовавшийся разногласиями России и Англии, предложил Павлу союз. Подведя итоги, можно констатировать, что Павлу I как покровителю Мальтийского Ордена было необходимо как можно скорее решать проблему выживания Ордена и его дальней-

шего существования, и Павел решил ее так, как ему подсказывала его христианская совесть. Понимая всю стратегическую и геополитическую значимость владения островом Мальта, он все-таки действовал по велению своего рыцарского сердца и нравственных качеств, он оказался тогда единственным, кто протянул руку помощи погибающему католическому Ордену. Орден потерял в лице императора Павла не только Великого Магистра, но и защитника, и горячего своего приверженца.

ОБ УСЛОВИЯХ СОЗДАНИЯ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ВЫСТУПЛЕНИЯ ГКЧП (АВГУСТ 1991 г.)

А. В. Лукашин
(РГАСПИ)

Выступление Государственного комитета по чрезвычайному положению (далее — ГКЧП) 19–21 августа 1991 г. явилось переломным событием в процессе распада СССР. После ГКЧП начинается демонтаж центральных органов союзной власти и происходит переподчинение властных структур республиканским руководителям. Фактически после августа 1991 г. Советский Союз перестает существовать как единое союзное государство.

Осмысление августовских событий 1991 г. будет неполным без характеристики исторических условий и обстоятельств возникновения ГКЧП. Его создание было неразрывно связано с проблемой разработки и заключения нового Союзного договора, призванного пересмотреть экономические и политические отношения между союзным центром и национальными республиками.

Процесс разработки Союзного договора, начавшийся летом 1990 г.¹, вступил в активную фазу после проведения 17 марта 1991 г. Всесоюзного референдума по вопросу сохранения СССР. Успешные итоги референдума (76,4 % советских граждан, 113 512,812 человек из 148 574,606² проголосовали «ЗА» сохранение СССР в рамках обновленной федерации³) создавали необходимые предпосылки для завершения работы над Союзным договором, обязывая союзных и респу-

¹ 12 июня 1990 г. на заседании Совета Федерации под председательством М. С. Горбачева была создана рабочая группа по подготовке проекта нового Союзного договора во главе с Председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР Р. Н. Нишановым и Руководителем Аппарата Президента СССР Г. И. Ревенко.

² Протокол № 6 заседания Центральной Комиссии Референдума СССР // ГА РФ. Ф. Р-7522. Оп. 13. Д. 134. Л. 6; Правда. 1991. 27 марта; Известия. 1991. 27 марта.

³ Подробнее о проведении референдума СССР см.: Лукашин А. В. Проблемы организации и проведения Всесоюзного референдума 17 марта 1991 г.

бликанских руководителей объединить свои усилия в достижении этой цели⁴.

В апреле — июле 1991 г. в президентской резиденции Ново-Огарево состоялось несколько встреч и совещаний Президента СССР М. С. Горбачева с руководителями республик, принявших участие в референдуме⁵, на которых обсуждались и разрабатывались различные варианты нового Союзного договора. По воспоминаниям очевидцев, данные переговоры проходили с большим трудом, что объяснялось острым конфликтом интересов союзных и республиканских лидеров⁶.

23 июля 1991 г. в Ново-Огарево под председательством М. С. Горбачева состоялось заключительное совещание, по итогам которого был подготовлен окончательный проект Договора о Союзе Суверенных Государств (далее — ССГ). В соответствии с проектом Договора обновленный Союз провозглашался суверенным федеративным государством в ранге правопреемника СССР. При этом каждая республика — участник Договора — также признавалась суверенным государством, обладавшим всей полнотой власти на своей территории⁷. В целом текст Договора свидетельствовал о том, что суверенитет республик первичен по отношению к суверенитету Союза⁸.

В Союзном договоре не было упоминаний о едином экономическом пространстве и единой банковской системе — экономических основах федерации, о которых говорилось в постановлении Верховного Совета СССР от 12 июля 1991 г.⁹ Устанавливалась одноканаль-

и пути развития союзной федерации // Государственное управление. Электронный вестник. № 28. Сентябрь 2011 г.

⁴ К обсуждению вопроса о Союзном договоре на Совете Федерации. 8 апреля 1991 // Архив Горбачев фонда (АГФ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 18 001. Л. 2.

⁵ Литва, Латвия, Эстония, Армения, Грузия и Молдова бойкотировали проведение Всесоюзного референдума 17 марта 1991 г., и по этой причине руководители этих республик не участвовали в новоогаревских заседаниях.

⁶ См.: *Лукьянов А. И.* Переворот мнимый и настоящий. М., 1993. С. 50–54.

⁷ Договор о Союзе Суверенных Государств // Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 2007. С. 269.

⁸ *Барсенков А. С.* Реформы Горбачева и судьба союзного государства. 1985–1991. М., 2001. С. 193.

⁹ Пятая сессия Верховного Совета СССР. 18 февраля — 12 июля 1991 г. Стенографический отчет: в 22 т. М., 1991. Т. 22. С. 215–216.

ная система налогообложения, лишавшая Союз личных источников бюджетных поступлений¹⁰. В целом проект Договора о Союзе Суверенных государств предполагал создание Союза, обладавшего всеми чертами *конфедерации*, что было подтверждено в экспертном заключении Комитета конституционного надзора СССР¹¹.

Что касается порядка заключения Договора, то участники встречи условились подписать его осенью 1991 г. на Съезде народных депутатов СССР после предварительного рассмотрения Верховным Советом СССР и Верховными советами республик. Однако по итогам тайной ночной встречи между М. С. Горбачевым, Президентом РСФСР Б. Н. Ельциным и Председателем Верховного Совета Казахской ССР Н. А. Назарбаевым, состоявшейся 29–30 июля 1991 г. в Ново-Огарево, было решено перенести дату подписания Союзного договора на *20 августа 1991 г.*¹²

Там же участники встречи договорились провести существенные перестановки в высшем эшелоне союзной власти, со своих постов предполагалось сместить премьер-министра В. С. Павлова, председателя КГБ В. А. Крючкова, министра обороны Д. Т. Язова, министра внутренних дел Б. К. Пуго, вице-президента СССР Г. И. Янаева¹³. Трое из выше названных руководителей — Крючков, Пуго и Язов — выступали 17 июня 1991 г. на закрытой сессии Верховного Совета СССР, на которой подвергли деятельность Президента СССР М. С. Горбачева жесткой критике и на которой глава КГБ В. А. Крючков заявил о том, что в данной ситуации нельзя обойтись без мер *чрезвычайного* характера¹⁴.

Воспользовавшись тем, что М. С. Горбачев с 4 августа 1991 г. находился на отдыхе в Крыму и не мог полностью контролировать ситуацию в стране, В. А. Крючков, Д. Т. Язов, Б. К. Пуго, В. С. Павлов, Г. И. Янаев, а также первый заместитель председателя Совета

¹⁰ По справедливому замечанию Г. Х. Шахназарова, помощника М. С. Горбачева, «не могло быть союзного государства без союзного налога». См.: Докладная записка Г. Х. Шахназарова М. С. Горбачеву о заседании Подготовительного комитета (по подготовке Союзного договора). 17 июня 1991 // АГФ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 18 131. Л. 2.

¹¹ См.: Лукьянов А. И. Август 91-го. А был ли заговор? М., 2010. С. 121–122.

¹² Крючков В. А. На краю пропасти. М., 2003. С. 141.

¹³ См.: Ельцин Б. Н. Записки президента. М., 1994. С. 54–56.

¹⁴ Крючков В. А. На краю пропасти. М., 2003. С. 406.

Обороны О. Д. Бакланов, председатель Крестьянского союза СССР В. И. Стародубцев и президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР А. И. Тизяков решили 18 августа 1991 г. создать Государственный комитет по чрезвычайному положению в целях нормализации обстановки в стране и подготовки Союзного договора, соответствующего результатам референдума 17 марта 1991 г. По мнению высших партийных и государственных руководителей, проект Договора о Союзе Суверенных государств, подготовленный к подписанию 20 августа 1991 г., вел к фактической ликвидации СССР как федеративного государства¹⁵.

Однако, провозгласив необходимость заключения «правильного» Союзного договора, участники ГКЧП в ходе своего выступления не смогли предложить конкретных мер по решению данной проблемы. В своем «Обращении к советскому народу» от 18 августа 1991 г. они пообещали «...провести широкое всенародное обсуждение проекта нового Союзного договора»¹⁶, но при этом не указали конкретного механизма, с помощью которого данное обсуждение будет осуществлено. На вопрос корреспондента «Интерфакс» в ходе пресс-конференции ГКЧП 19 августа 1991 г. о том, означает ли данное заявление, что будет проведен специальный референдум по Союзному договору, и. о. Президента СССР Г. И. Янаев прямого ответа не дал¹⁷.

Осуществление активных действий ГКЧП осложнялось и тем, что в нем не было единоличного лидера. Формально председателем комитета являлся Янаев, но по свидетельству всех участников и очевидцев, подлинным идеологом и лидером ГКЧП был председатель КГБ В. А. Крючков. Именно по приказу Крючкова с начала августа в аппарате КГБ разрабатывались различные сценарии введения в стране чрезвычайного положения, и по его же инициативе 17 августа 1991 г. на секретном объекте «АБЦ» состоялась встреча будущих членов ГКЧП, на которой было принято решение о создании временного органа с целью принятия первоочередных мер по выводу государства из кризиса¹⁸.

¹⁵ Развернутую характеристику Договора о ССГ дал Председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов в своем официальном заявлении, датированном 16 августа 1991 г. См.: Правда. 1991. 20 августа.

¹⁶ Правда. 1991. 20 августа.

¹⁷ Август 91-го. Хроника и документы о ГКЧП. М.: Политиздат, 1991. С. 58.

¹⁸ См.: Крючков В. А. Личное дело. Ч. 2. М., 1997. С. 145–149.

У противников ГКЧП, напротив, был единоличный лидер — Президент РСФСР Б. Н. Ельцин. В течение трех августовских дней российское руководство действовало грамотно и решительно, оперативно реагируя на любые действия. Сразу же после объявления в СМИ утром 19 августа заявления и обращения ГКЧП, Б. Н. Ельцин издал Указ, в котором данное выступление было расценено как «антиконституционный государственный переворот», «государственное преступление»; члены ГКЧП были названы «путчистами»¹⁹. Подобной линии Ельцин и его окружение, прежде всего Председатель Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатов, придерживались и в ходе всех дальнейших событий.

Особое значение для перелома ситуации в свою пользу для российского руководства имело принятие Указа № 61, предписывавшего все органы исполнительной власти Союза ССР, включая КГБ СССР, МВД СССР, Министерство обороны СССР, действующие на территории РСФСР, перевести в непосредственное подчинение Президента РСФСР²⁰. В результате данного решения ГКЧП терял свою главную опору в лице армии и органов государственной безопасности, после чего шансов на благоприятный исход у них практически не оставалось. После возвращения из Крыма Президента СССР М. С. Горбачева 22 августа 1991 г. ГКЧП был расформирован, а все его члены арестованы. Б. К. Пуго покончил жизнь самоубийством.

Что касается роли и места М. С. Горбачева в августовских событиях 1991 г., то на сегодняшний момент данный вопрос остается открытым по причине нехватки достоверных и проверенных фактов. Воспоминания заинтересованных участников событий, как с той, так и с другой стороны, излишне тенденциозны и не могут быть подкреплены достаточным количеством документальных материалов. Своеобразным подтверждением этого тезиса может служить фраза самого Горбачева, сказанная им журналистам в аэропорту Внуково-2 по прилете из Фороса: «Всей правды вы никогда не узнаете»²¹.

¹⁹ Указ Президента РСФСР «О Государственном комитете по чрезвычайному положению» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 22 августа 1991 г. № 34 ст. 1132.

²⁰ Указ Президента РСФСР «О временном переподчинении органов исполнительной власти СССР Президенту РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 22 августа 1991 г. № 34 ст. 1134.

²¹ Правда. 1991. 23 августа.

Итоги выступления ГКЧП также не могут быть оценены однозначно. С одной стороны, они сорвали подписание конфедеративного Договора о ССГ, а с другой — углубили политический кризис, что привело к фактическому распаду центральной союзной власти. Обострение политического кризиса в «центре», кульминацией которого стало выступление ГКЧП и последующий роспуск КПСС, в этот момент смыкается с политическим кризисом «на периферии», проявившемся в активизации деятельности националистических сил в республиках, особенно в Прибалтике, Закавказье, Украине, России и Молдове. Развитие и нарастание данных кризисных явлений привело к провозглашению союзными республиками своей политической независимости, после чего начался процесс юридического оформления распада СССР²².

Таким образом, ГКЧП, созданный в период острого политического и экономического кризиса и нацеленный на сохранение Союза ССР, в силу объективных и субъективных причин не смог добиться желаемого, а, наоборот, ускорил процесс разрушения союзного государства. Представив на суд народа развернутую критику горбачевского курса, члены ГКЧП не смогли в ответ предложить позитивную программу действий, ограничившись громкими заявлениями и обещаниями. Участники ГКЧП не смогли оказать достойного сопротивления российским властям во главе с Б. Н. Ельциным, хотя перед началом своего выступления имели перед ними солидную фору — в их руках находились армия, спецслужбы, средства массовой информации, инфраструктура.

Можно смело утверждать, что в ходе августовских событий Б. Н. Ельцин и его окружение проявили себя как незаурядные политические тактики, вчистую переиграв гэкачепистов в этих своеобразных «политических шахматах». После победы над ГКЧП у Ельцина фактически не оставалось никаких преград на пути реализации своей давней цели — выхода России из состава Союза ССР, означавшего неминуемый развал союзного государства. Безусловно, свою негативную роль в этом процессе сыграла компромиссная позиция М. С. Горбачева, намеренно решившего остаться «над схваткой» в ходе августовских событий и тем самым отдавшего инициативу в руки Ельцина. Остает-

²² Перестройка и крах СССР. 1985–1993. / А. Б. Безбородов, Н. В. Елисеева, В. А. Шестаков СПб.: Норма, 2011. С. 151.

ся добавить, что выступление (путч) ГКЧП как историческое событие на данный момент вряд ли может быть подвергнуто серьезному научному анализу по причине недостаточного количества достоверных источников, имеющих в распоряжении исследователей.

ИОГАНН БАКМЕЙСТЕР И ЕГО «ОПЫТ О БИБЛИОТЕКЕ И КАБИНЕТЕ РЕДКОСТЕЙ»

к.и.н. Е. М. Лупанова
МАЭ РАН (Кунсткамера)

Дошедшие до наших дней сведения о жизни Иоганна Фольфрата (в русской традиции – Ивана Григорьевича) Бакмейстера отличаются скудностью, что довольно характерно для многих деятелей русской культуры XVIII века.

И. Бакмейстер родился 9 июля 1732 г. в Ганновере, в семье юриста Георга Арнольда Бакмейстера и Сары Хедвиг Маргаретты, дочери тайного канцлера, был третьим из шестерых детей. Иоганн Фольфрат получил образование в Гёттингенском университете, где изучал богословие, иностранные языки и историю зарубежных стран. Он получил прекрасное образование, овладел несколькими европейскими языками, а также арабским. После окончания университета он получил приглашение от графа П. Г. Чернышова, русского посла в Лондоне. Приняв данное предложение, он стал гофмейстером посольства. Таким образом, судьба связала его с Россией. В 1755 г. П. Г. Чернышов был отозван из Лондона, примерно в то же время (а по некоторым данным, раньше, по делам посольства) И. Бакмейстер оказывается в Москве, где получает приглашение от секретаря Академии наук в Санкт-Петербург. В 1756 г. он был принят помощником библиотекаря (унтер-библиотекарем) Библиотеки Академии наук и хранителя Кунсткамеры Петра Великого. Здесь, не меняя должности, он проработал 32 года, до конца своей жизни. Особо ценен его вклад в описание и изучение коллекций Минцкабинета Кунсткамеры, где нашли применение его знания арабского языка¹.

¹ *Князев Г. А., Шафрановский К. И.* История Библиотеки Петербургской академии наук И. Бакмейстера. 1776 г. // Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. Т. VI. М.; Л., 1962. С. 251–264; *Григорьев Ю. В.* Иван Григорьевич Бакмейстер (к 200-летию со дня смерти) // Научные и технические библиотеки СССР. 1988. № 8. С. 25–29.

В 1785 г. он стал членом Вольного экономического общества. В том же году по инициативе И. Бакмейстера было организовано Общество любителей чтения на французском языке литературных новинок. Членом этого кружка состояла сама императрица, но начинание не имело успеха. Кружок практически не привлек к себе внимание образованного общества и через год прекратил свое существование.

С 1777 г. был одним из авторов и редакторов «St. Petersburgischen Journal», а с 1785 г. — главным редактором этого журнала.

18 сентября 1788 г. И. Г. Бакмейстер скончался.

Этим, пожалуй, и ограничиваются достоверно известные факты биографии автора, вновь публикуемого к юбилею классического труда о Кунсткамере XVIII века.

Книга И. Бакмейстера делится на Введение, в котором дается краткий обзор русской истории, и две части — «Опыт о начале и нынешнем состоянии находящейся при Санкт-Петербургской императорской академии наук Библиотеки» и «Опыт о начале и нынешнем состоянии находящегося при Санкт-Петербургской императорской академии наук Кабинета редкостей и истории натуральной».

Пафос вступления к «Опыту о начале и нынешнем состоянии...» — традиции русской самобытной культуры на протяжении всей истории. И. Бакмейстер пишет о том, что русские в своем развитии не уступали другим народам Европы. Притом в духе модного в XVIII веке учения меркантилистов, высокий культурный уровень Древней Руси связывается с военными успехами, развитием торговли и благосостоянием государства: «...известно, что избыток и торговля одобряют рачение и рождают великолепие и щедрость, а щедрость приводит в совершенство»². Широко распространенные во времена И. Бакмейстера среди европейцев взгляды на Россию как на варварское государство автор объясняет невежеством сторонников такой точки зрения: «Что же некоторые в Европе противные об России подали мнения, сие приписать должно недовольному их сведению о сем государстве, ни о его языке, ни же истории. Пускай они раскроют домашние российские летописи, то увидят тут тысячу геройских подвигов, почтение и награду отменных дарований, а не отвержение и презрение невежества»³. Таким образом, автор, немец по происхождению, выступает патриотом

² *Бакмейстер И.* Опыт о начале и нынешнем состоянии находящегося при Санкт-Петербургской императорской Академии наук Кабинета редкостей и истории натуральной. СПб., 1779. С. 10.

³ Там же. С. 10–11.

своей второй родины, оспаривая взгляды «норманистов». Он аргументирует свои идеи фактами русской истории на основе знакомства с летописями, трудами В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, сообщениями иностранцев о русском государстве XVI–XVII веков и зарубежной историографией.

Два других раздела написаны уже не столько на основе изучения литературы и источников, сколько на личных наблюдениях за многие годы работы в Академии наук и устных свидетельствах представителей старших поколений.

Разделу о Библиотеке были посвящены специальные исследования Г. А. Князева, К. И. Шафрановского, Ю. В. Григорьева в отличие от части «Опыт о начале... Кабинета редкостей и истории натуральной», которая выпала из исследовательского внимания и на которой предполагается подробнее остановиться сейчас.

Раздел, посвященный Кунсткамере, в свою очередь условно делится на две части — история музея и описание современного состояния коллекций.

Предваряя рассказ о музее, И. Бакмейстер пишет о значимости естественно-научных коллекций и интересе, который они должны вызывать у посетителей: «Великолепное естественных вещей хранилище представляет нам картину, на которую воззрев, усматриваем в едином мгновении ока все, что ни есть в ней прелестнейшего, редчайшего и дивнейшего. Кто может быть столь нечувствителен, чтоб, смотря на несчетные природы богатства, не вознесся духом превыше себя и не подвинулся бы к благоговейнейшему почтению сотворившего оные всевышнего существа»⁴. Автор акцентирует внимание на значении коллекционирования и музейных собраний для развития наук о природе. «Не хранилищам ли естественных вещей сия наука должна тем степенем совершенства, до которого она ныне достигла?», — задает он риторический вопрос⁵.

На протяжении всего повествования И. Бакмейстер любит экзопонатами музея, подчеркивая эстетическую ценность не только произведений искусства, но и «несчетных природы богатств». Эпитетов «изящный» («преизящный»), «прелестный», «прекрасный» удостоиваются как произведения искусств, так и редкие птицы, раковины, минералы. Теми же словами с подчеркнутым восхищением описываются коллекции — и связанные с именами собирателей (Р. Арескина,

⁴ Там же. С. 107.

⁵ Там же.

Я. В. Брюса, Д. Г. Мессершмидта), и объединенные по тематическому принципу (например, коллекция ящериц). Говорится и об эстетической ценности анатомической коллекции Ф. Рюйша. С другой стороны, тератологическая коллекция, жабы, пауки и скорпионы характеризуются как омерзительные.

Здесь проявляется характерное для XVIII века отношение к музейным коллекциям, когда отдается приоритет эстетической ценности композиции перед научной классификацией экспонатов. Этот принцип много критиковался в XIX–XX века, но сейчас вновь привлекает к себе внимание и переживает возрождение. Современная экспозиция музея «Первые естественно-научные коллекции Кунсткамеры» является попыткой реконструкции музея XVIII века, где в одной витрине Натуркабинета могли соседствовать художественная композиция из засушенных насекомых, чучело млекопитающего, анатомический препарат здорового органа и пример аномалии развития. Музей антропологии и этнографии, наследник петровских коллекций, тем самым не выделяется, а встраивается в общеевропейскую тенденцию восстановления первоначальных экспозиций в первых центрах собирания редкостей.

И. Бакмейстер не только обращает внимание на наиболее редкие и ценные экспонаты, формирует отношение читателя к экспонатам, но также выступает в роли просветителя.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РЕПРЕССИРОВАННЫХ В ХОДЕ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА» (1937–1938 гг.): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БАЗ ДАННЫХ ПО КНИГАМ ПАМЯТИ ЧЕТЫРЕХ РЕГИОНОВ РСФСР

Л. А. Лягушкина
(МГУ)

Одна из наиболее острых проблем отечественной истории XX века — политические репрессии 1937–1938 гг., получившие название «Большой террор». Несмотря на «архивную революцию» 1990-х гг. и публикацию огромного массива документов, посвященных этой тематике, в историографии нет единого мнения по поводу того, кто был основным инициатором репрессий, насколько они контролировались высшей властью, было ли свободно руководство местных органов Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) в выборе тех, против кого в первую очередь наносить удар. Несмотря на то что для исследователей доступна статистика этого ведомства, характеризующая арестованных лиц, ее данные мало что могут дать для решения поставленных в историографии вопросов, потому что они ориентированы на социальное прошлое репрессированных, а не их роль в настоящем.

Помочь в формировании представлений о некоторых чертах репрессивной политики может подробный статистический анализ того, как проходили «массовые операции» 1937–1938 гг. (среди них так называемая кулацкая операция по приказу № 00447, «национальные операции» против немцев, поляков, латышей и др.) в различных регионах СССР, уточнение того, кто стал жертвами террора. Статистический анализ позволяет показать ход операций (продемонстрировать динамику арестов, судов, расстрелов) и составить социальный портрет репрессированного в разных регионах, а затем сопоставить полученные результаты.

Данные, необходимые для подобного статистического анализа, хранятся в архивно-следственных делах репрессированных, однако обработка столь огромного количества источников привела бы к значительным временным затратам. К тому же доступ к такого рода делам все еще ограничен законом о тайне личной жизни. Поэтому в

историографии «Большого террора» немного работ, ставящих перед собой задачу реконструировать социальный портрет репрессированных, а те, что есть, посвящены отдельным небольшим группам жертв репрессий либо — в региональном масштабе — отдельным операциям.

Помочь преодолеть эти трудности может обращение к книгам памяти — спискам жертв политических репрессий с их краткими биографиями, основанными как раз на следственных делах и прочих архивных документах. Книги памяти составлялись с начала 1990-х гг. общественными организациями и государственными комиссиями, а затем были переведены в цифровой формат и опубликованы на одном диске «Жертвы политического террора в СССР» историко-просветительским обществом «Мемориал». Несмотря на очевидные недостатки книг памяти (неполнота сведений, разнообразные базовые источники информации, фальсификации НКВД, различные подходы их составителей), база данных с ними (созданная в формате MySQL) позволяет быстро и качественно провести статистический анализ.

Всего в базе данных «Мемориала» есть сведения о 2 614 978 репрессированных за все годы советской власти. По интересующему нас периоду 1937–1938 гг. в ней данные неполные: она содержит около 230 тыс. записей о расстрелянных (около 33 % от общего их числа¹) и еще 220 тыс. записей об арестованных, но не расстрелянных (28 %; как правило, их приговор сводился к 10 годам лагерей). В некоторых регионах книги памяти не издавались или были заведомо неполными, поэтому по ряду областей и республик выборка, имеющаяся в базе данных, представляется нам достаточно полной.

На данном этапе исследования было решено проанализировать данные о репрессиях в четырех регионах РСФСР, имеющих различное географическое положение: Алтайский край (выделен из состава Западно-Сибирского края в сентябре 1937 г.), Башкирская АССР, Горьковская область, Северо-Осетинская АССР. Они были избраны, потому что сведения их книг памяти представляются достаточно репрезентативными. Для проверки полноты баз данных мы сопоставляли количество имеющихся биографических справок с количеством репрессированных в ходе «Большого террора» в каждом регионе. Последнее значение рассчитывалось по документальным свидетельствам

¹ См.: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов: в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко. М., 2004. С. 609.

(суммировались итоги «кулацкой операции», польской и немецкой операций, данные «сталинских расстрельных списков»), а также отдельно учитывались уникальные данные о репрессированных в каждом регионе в 1937 и 1938 гг. по книге историка О. Мозохина². По первой методике подсчетов (по документам), в Алтайском крае имеются сведения о 123 % репрессированных, в Башкирии — о 110 %, в Горьковской области — о 98 %, в Северо-Осетинской АССР — о 128 %. Превышение шкалы в 100 % может быть объяснено в первую очередь тем, что не все итоги массовых операций по отдельным регионам были опубликованы. По второй методике мы предполагаем, что в базе данных в тех же регионах учтены 111 %, 78 %, 80 % и 100 % репрессированных соответственно. Из большой базы MySQL были выделены четыре соответствующих каждому региону коллекции записей, которые были конвертированы в формат СУБД Access.

Сравнив количество справок на репрессированных в базах данных с населением каждого региона, мы получили разные результаты. Высокий процент репрессированных в Алтайском крае (в базе есть сведения о 25 527 людях, или 1,02 % населения³) и в Северо-Осетинской АССР (2607 человек, или 0,84 % населения⁴), заметно ниже — в Горьковской области (11 417, или 0,26 %) и Башкирской АССР (11 444, или 0,38 %). Немецкие исследователи М. Юнге и Р. Биннер посчитали, что от самой массовой «кулацкой» операции в 1937–1938 гг. по всему СССР пострадало около 0,47 % населения⁵. Массовость арестов отразилась и на жестокости при проведении операции: если в Башкирии было расстреляно 33 % арестованных, сведения о которых есть в базе, в Горьком — 36 %, то в Северо-Осетинской АССР приговорены к высшей мере наказания были 44,2 % репрессированных, а в Алтайском крае — 50,1 %.

² Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ СССР (1918–1953). М., 2011.

³ Посчитано по: Поляков Ю. А., Исупов А. А. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М., 1992.

⁴ Здесь и далее в этом абзаце используются данные переписи 1937 г., подсчеты по книге: Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 г. М., 1996.

⁵ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 598.

В трех регионах из четырех динамика репрессивных процессов схожа. Активно начавшись в августе 1937 г., в Башкирской области максимальное число арестов пришлось на ноябрь-декабрь 1937 г., в Горьковской и Северо-Осетинской АССР аресты и осуждения прошли в основном в декабре 1937 г. Затем во всех трех регионах прослеживается резкий спад арестов, связанный с прекращением «кулацкой операции». По сведениям баз данных, в 1938 г. в трех областях соответственно было осуждено лишь 29 %, 20 % и 20 % от общего числа репрессированных. Совсем иную картину репрессий можно наблюдать в Алтайском крае. В нем репрессии активно начались еще в июле 1937 г. — в Западно-Сибирском крае занимались разоблачением якобы существовавшего «эсеровского заговора», и под это была создана «тройка» (прообраз главного репрессивного органа «кулацкой» операции, состоявшего, как правило, из начальника областного управления НКВД, секретаря обкома ВКП(б) и прокурора области). Аресты (самым «богатым» на них был ноябрь 1937 г.) активно продолжились в крае и в 1938 г. («кулацкая операция» для Алтая была продлена), составив 38 % от общего числа жертв «Большого террора» в регионе. Статистика осуждения репрессированных в Алтайском крае наглядно показывает, как чекисты спешно завершали все открытые ими дела к определенным им «сверху» срокам: марту 1938 г. (конец «кулацкой операции») и ноябрю 1938 г. (конец всех массовых операций).

В некоторых книгах памяти есть подробная информация о месте жительства репрессированных (Алтайский край, Горьковская область), в других — только о месте рождения (Башкортостан, Северная Осетия), но все они говорят о том, что жертвами массовых операций в основном становились люди из сельской местности. Немного выбивается из этого ряда Горьковская область, в ней, по нашим подсчетам, репрессированных, проживавших в городе, около 50 %, при этом, по материалам переписи, их было только 30 %⁶.

Как показал анализ сведений сформированных баз данных, большинство арестованных в обоих регионах родились в 1890-х гг. (по 28 % в Горьком и Башкирии, 31 % — в Северной Осетии), в то же время репрессированные Алтайского края несколько более молодые, в нем большинство (28,5 %) родилось в 1900-х гг. Почти все арестованные в 1937–1938 гг. — мужчины, в Башкирии, Алтайском крае и Северной Осетии среди них 4,3–5 % женщин, а в Горьковской области их 8,4 %.

⁶ *Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А.* Указ. соч. С. 54–55.

Национальный состав репрессированных показывает, что непропорционально много арестовывали лиц «инонациональностей» (в особенности немцев, 10,9 % репрессированных в Алтайском крае и 7,5 % в Северной Осетии), и приговоры по отношению к ним были наиболее жестокие.

Сведения об образовании есть только в книгах памяти Республики Башкортостан и Республики Алтай (в советское время — Ойротская автономная область, часть Алтайского края). На Алтае 88,4 % репрессированных были неграмотными, малограмотными, с начальным образованием, а в Башкирии — 85,4 % неграмотных, людей с начальным или неоконченным средним образованием (если не учитывать последних, то 77,8 %).

В кратких биографических справках отсутствуют данные о социальном положении репрессированных, поэтому основное внимание было уделено графе базы данных под названием «место работы». Была использована специальная классификация профессий, основанная на материалах источника. Разница в социальном составе репрессированных в четырех регионах существовала, однако основную их массу составили представители непривилегированных классов СССР: крестьяне (51 % в Башкирии, 46 % в Алтайском крае, в то же время всего 20 % в Горьковской области), служащие и рабочие (в Горьковской области тех и других было примерно по 27 %). Подробный отдельный анализ группы служащих показал, что в основном это также были рядовые работники различных предприятий, притом что немало было среди репрессированных управленцев и интеллигенции, в том числе врачей, учителей, бухгалтеров.

Таким образом, можно сказать, что сведения электронной БД показывают как сходства, так и довольно серьезные различия в проведении массовых репрессивных операций в четырех регионах РСФСР, которые отразились на социальном портрете репрессированных. Общим является то, что жертвами репрессий были представители малообразованных слоев сельского населения в возрасте 30–60 лет, и, как правило, они были крестьянами. В то же время Алтайский край и Горьковская область по разным параметрам довольно сильно отличаются друг от друга и остальных регионов. Статистический анализ показывает, что формы и размах, которые на местном уровне принимал «Большой террор», зависели от многих факторов, не только очевидных (например, промышленная специализация региона), но и от других причин, которые должны стать предметом дальнейшего изучения.

СЕТЕВЫЕ ВОЙНЫ – ВОЙНЫ XXI ВЕКА

М. П. Малкин

(Карагандинский университет «Болашак», Казахстан)

В истории человечества войны всегда отражали уровень технологического развития. И в современную, постиндустриальную эпоху странами Запада, в первую очередь США, активно разрабатывается модель войны нового типа. Теория получила название «сетевые войны». Никакого отношения к интернету или к компьютерным играм она не имеет. Эта теория качественного сдвига в военных технологиях и в устройстве современных обществ в целом.

Теория сетевых войн пришла на смену концепции ядерного сдерживания, преобладавшей в эпоху холодной войны. Сетевая война ведется не государствами и не блоками, а глобальными структурами — институционализированными или фрагментарно террористического характера. В глобализирующемся мире вся социально-экономическая, политическая и культурная структура пронизывается информационными каналами, они и составляют сети.

«Сеть», по которой протекает информация (от бытовой, общественно-политической, энергетической до военно-стратегической), из технического средства превращается в главную жизненную артерию. Различные сетевые структуры (средства связи, массмедиа, транснациональные корпорации, религиозные организации, НПО, политические ячейки, спецслужбы) интегрируются в общую, гибкую и разнородную структуру. Раньше идеологическая борьба двух систем и военно-техническое развитие были строго разведены. В сетевой войне идеология и технология связаны неразрывно, до неразличимости, при этом качественно изменяясь: в чистом виде нет ни противостояния национальных государств, ни конкуренции капитализма с социализмом. Все намного тоньше.

Теория сетевой войны, описанная в изданном Пентагоном труде адмирала Сибровски, исходит из необходимости контролировать мировую ситуацию так, чтобы основные глобальные процессы развертывались в интересах США или хотя бы им не противоречили. Война ведется постоянно и непрерывно, и не только против «врагов», стран «оси зла», но и против нейтральных сил, таких как Россия, и даже против союзников, таких как Европа и Япония.

По сути, создание «сети» в том смысле, в каком это имеют в виду стратеги Пентагона, это выстраивание системы глобальной доминанции США над всем миром, т. е. постмодернистский аналог колонизации и подчинения, только осуществленные в новых условиях, в новых формах и с помощью новых средств. Здесь необязательно прямая оккупация, массовый ввод войск или захват территорий. Излишни армейские действия и огромные военные траты. Сеть — более гибкое оружие, она манипулирует насилием и военной силой только в крайних случаях, и основные результаты достигаются в контекстуальном влиянии на широкую совокупность факторов — информационных, социальных, когнитивных и т. д.

Центральной задачей ведения всех «сетевых войн» является проведение «операции базовых эффектов» (далее — ОБЭ). Эта важнейшая концепция во всей данной теории. ОБЭ определяются как «совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны».

ОБЭ означает заведомое установление полного и абсолютного контроля над всеми участниками актуальных или возможных боевых действий и тотальное манипулирование ими во всех ситуациях — и тогда, когда война ведется, и тогда, когда она назревает, и тогда, когда царит мир. В этом вся суть «сетевой войны», она не имеет начала и конца, она ведется постоянно, и ее цель обеспечить тем, кто ее ведет, способность всестороннего управления всеми действующими силами человечества. Это означает, что внедрение «сети» представляет собой лишение стран, народов, армий и правительств мира какой бы то ни было самостоятельности, суверенности и субъектности, превращение их в жестко управляемые, запрограммированные механизмы. За скромной «технической» аббревиатурой «ОБЭ» стоит план прямого планетарного контроля, мирового господства нового типа, когда управлению подлежат не отдельные субъекты, а их содержание, их мотивации, действия, намерения и т. д. Это проект глобальной манипуляции и тотального контроля в мировом масштабе.

Вкратце рассмотрим основные фазы сетевой войны:

1. Любая сетевая операция начинается, прежде всего, с достижения информационного превосходства. Оно осуществляется путем развертывания собственной информационной сети одновременно с подавлением или выводом из строя системы разведывательно-информационного обеспечения противника. Объектами для пристального внимания и первоочередного устранения обычно становятся

сетеобразующие узлы, а также центры обработки информации, ее анализа и конечного принятия решений. В реальности собственная информационная сеть обычно развертывается под видом редакций вновь созданных СМИ, а также корреспондентских пунктов существующих СМИ. Сюда же относятся и обычные пиар и консалтинговые конторы, а в особо осложненных условиях — обычные фирмы. Если же среда представляется абсолютно враждебной, то приоритетным инструментом информационного развертывания становятся существующие сети, перепрошиваемые путем покупки, идеологической обработки, вплоть до прямой вербовки.

2. Вторая фаза сетевой операции — подавление способности противника к физическому системному сопротивлению после достижения информационного превосходства. Происходить это может через разложение управленческого аппарата государства или любого другого образования. Здесь в ход идет и идеологическая обработка, и вербовка, и откровенная коррупция. Все это желательно проводить на фоне создания перманентных бытовых проблем, а также психологического давления. Вторая фаза сетевой войны подразумевает устранение способности к системному согласованному сопротивлению, когда разложение и информационное превосходство полностью деморализуют противника.

3. После этого начинается третья фаза сетевой войны — последовательное уничтожение наиболее крупных и жизнеспособных объектов, оставшихся без управления, но еще способных восстановить сопротивление. Под подобными объектами подразумеваются как министерства и ведомства, так и военные штабы или остатки воинских соединений.

4. Четвертой, завершающей, фазой сетевой операции является полное и окончательное устранение любых возможных очагов сопротивления, будь то небольшие СМИ, маргинальные группы или разрозненные воинские соединения и части.

Основной отличительной чертой сетевой операции является то, что все четыре фазы реализуются настолько стремительно, что не оставляют противнику возможности не только собраться с силами, но и принять необходимые решения. В масштабах государства это может занимать от нескольких месяцев до нескольких лет, в то время как незначительные субъекты могут быть устранены за несколько суток. К тому же каждая из последующих операций может идти «внахлест», т. е. начинать реализовываться, не дожидаясь полного завершения предыдущей фазы.

В идеальных условиях все четыре фазы реализуются практически одновременно, с небольшим зазором по старту. При этом началу всей сетевой операции должен предшествовать значительный период сбора и анализа информации о противнике, ибо сама сетевая операция, состоящая из четырех вышеназванных фаз, является лишь завершающим сбор полных и общих сведений о противнике этапом.

Американцы уже приступили к активному использованию сетевых войн: мы видели это на примере «цветных революций» в Сербии, Грузии, на Украине и т. д., где разнородные информационные стратегии и аморфные неправительственные организации и фонды смогли привести к желаемому политическому результату без прямого военного вмешательства. Правила ведения сетевой войны в условиях «горячего» конфликта отрабатываются в Ираке и Афганистане.

Игнорировать теорию сетевых войн не стоит хотя бы потому, что США, стремящиеся к планетарному контролю, уже ведут такую войну против всех. Сетевые структуры могут выглядеть вполне мирно и внешне не быть связаны ни со стратегическими институтами, ни с профессиональной разведкой — вербовкой, добыванием секретов и т. д. Мы обязаны понимать их правила, осмыслять принципы, изучать стратегии, систематизировать логику. Ведь невинная НПО любителей шахмат, молодежное движение, правозащитная общественность или религиозная секта вполне могут быть элементами подрывной сети, притом что большинство участников об этом не будут и догадываться.

КОНЦЕПЦИЯ ТОТАЛИТАРИЗМА КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА 1930-х гг.

Е. А. Минаев
(РГАСПИ)

Концепция тоталитаризма, пережившая пик популярности в 1990-е гг., ныне находится в состоянии кризиса. В ее адрес все чаще звучат обвинения в научной несостоятельности, неспособности адекватно отражать события нашего прошлого, в том числе государственной молодежной политики 1930-х гг., составляющей предмет нашего интереса. Постараемся разобраться в этом вопросе.

Прежде всего, следует акцентировать внимание на нескольких важных моментах общеполитического характера. Любая концепция общественного явления есть искусственная конструкция — приведенное в систему множество фактов, известных науке в настоящий момент. По мере их накопления любая теория вынуждена изменяться, совершенствоваться или даже радикально перестраиваться. Не являясь точным отображением изучаемого явления, концепция воспроизводит его существенные связи, что помогает в познании. Следует помнить, что концепция есть не более чем инструмент познания истины, но никак не сама истина в неизменном виде. Следовательно, единственным критерием состоятельности концепции тоталитаризма возможно считать ее полезность в изучении соответствующего феномена. А кризис может быть не свидетельством несостоятельности, а лишь временным состоянием, предшествующему переходу на качественно новый уровень в полном соответствии с законами диалектики. Неспособность объяснить все множество фактов, известных науке на данном этапе, может и должна послужить стимулом к дальнейшему развитию, которое в свою очередь невозможно без системной перестройки концепции.

Пожалуй, главным обвинением в адрес концепции является ее недвусмысленная политическая направленность и ярко выраженная эмоциональная окраска. По точному наблюдению профессора А. П. Бутенко, понятие тоталитаризма с самого начала обрело

негативно-осуждающий характер¹, что в свою очередь не могло не отразиться соответствующим образом на научной ценности концепции.

Как известно, термин «тоталитаризм» был введен итальянскими либералами-антифашистами Джованни Амендолой и Пиерро Гобетти в 1923 г. Применительно к режиму Муссолини он обозначал крайнюю степень этатизма как противоположность идеалу либеральной демократии. Но в скором времени термин был перенят на вооружение их противниками. При этом значение осталось прежним, но эмоциональная нагрузка поменялась на 180 градусов. В «Доктрине фашизма»² Муссолини пишет: «...Для фашиста все в государстве и ничто человеческое или духовное не существует, и тем более не имеет ценности вне государства. В этом смысле фашизм тоталитарен...» Это единственный известный нам пример его употребления в положительном значении. Таким образом, с момента своего возникновения (еще до введения в научный оборот) понятие тоталитаризма стало оружием политической борьбы, носителем определенной эмоциональной окраски. В то же время следует отметить, что режим Муссолини по ряду принципиальных показателей не может считаться примером тоталитаризма в современном научном значении (подробнее см.: *Минаев Е. А.* К вопросу об итальянском тоталитаризме)³.

Обозначенная выше тенденция получила продолжение в дальнейшем. В трудах Ф. Боркенау «Тоталитарный враг», Ф. Хайека «Дорога к рабству»⁴, К. Поппера «Открытое общество и его враги»⁵ и ряда других известных авторов тоталитаризм предстает неким абсолютным злом, восстанием темных сил против западной либеральной цивилизации.

Знаменитый труд Х. Арендт «Истоки тоталитаризма»⁶ справедливо считается классическим. Более того, по нашему мнению, именно она заслуживает право считаться основоположником научной концепции тоталитаризма. Но и ее работа обладает заметным налетом

¹ *Бутенко А. П.* Социологические вопросы истории и теории тоталитаризма // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 26.

² *Муссолини Б.* Доктрина фашизма. Париж, 1938.

³ *Минаев Е. А.* К вопросу об итальянском тоталитаризме. Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011» / отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова.

⁴ *Хайек Ф.* Дорога к рабству. М., 1990.

⁵ *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992.

⁶ *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996.

субъективности. Ханна Арендт, немецкая еврейка, дважды была вынуждена спасаться бегством — в 1933 г. из Германии во Францию, и в 1941 г. — из оккупированной Франции в США. Неудивительно, что в качестве одного из основополагающих признаков тоталитаризма (как в Германии, так и в СССР) она выдвигала антисемитизм, что не находит фактического подтверждения.

Важнейшей вехой стал выход в 1956 г. совместной работы К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия». Признавая существенный вклад авторов в развитие концепции тоталитаризма, необходимо отметить, что их теория «тоталитарного синдрома» стала мощным идеологическим оружием в холодной войне против Советского Союза. С этой целью тоталитарным был объявлен весь период существования Советского Союза (против чего неоднократно выступала Ханна Арендт).

И, наконец, необходимо признать непосредственную роль концепции тоталитаризма в разрушении Советского Союза. На протяжении всего существования государства она принципиально отвергалась советской наукой как откровенно враждебная. Но в процессе «перестройки» занавес пал, и на людей обрушилась волна деструктивной пропаганды. Взяв на вооружение тезис о принципиальном сходстве коммунизма с национал-социализмом, прозападно настроенные либералы стремились внушить гражданам России комплекс исторической неполноценности, призывали отречься от своего прошлого и покаяться за него. По нашему мнению, некоторые из них в своем антисоветизме пошли значительно дальше самого З. Бжезинского, искажив и упростив его положения концепции в угоду конъюнктурным интересам. Разумеется, в данном случае понятие тоталитаризма выступало не как научная концепция, а как пропагандистское клише, призванное четко разделить государства и режимы в сознании людей на «хорошие» (демократические) и «плохие» (тоталитарные). Именно это следует считать причиной той откровенной и вполне понятной неприязни, которую ныне вызывает концепция у многих отечественных ученых.

Таким образом, концепция тоталитаризма действительно являлась орудием идеологической борьбы, в том числе против нашей страны. Но означает ли это, что от нее следует отказаться, как от чего-то априори антинаучного? По нашему мнению, нет. Ведь существовавший в XX веке феномен специфической сверхмобилизационной общественной системы в целом успешно поддается изучению сквозь призму тоталитаризма, о чем свидетельствует множество научных трудов, вышедших к настоящему моменту. Без детальной и добросовестной

разработки концепции не представляется возможным разобраться во многих проблемах нашего прошлого, в том числе и молодежной политики 1930-х гг. Было бы принципиально неверно начинать эту работу с нуля, перечеркнув все достижения предшественников.

Как мы видим пути решения этой сложнейшей задачи? В первую очередь, необходим критический пересмотр существующих положений концепции, решительный отказ от ее использования в конъюнктурных интересах, последовательная опора на принцип историзма. Построить целостную и непротиворечивую модель тоталитаризма позволяет глубокий системно-функциональный анализ. Для изучения всех сторон общественной системы тоталитаризма необходимы совместные усилия широкого круга исследователей: не только историков и политологов, но также философов, социологов, юристов, экономистов, культурологов и других. Все это в перспективе позволит разрешить существующие противоречия и вывести концепцию тоталитаризма на качественно новый уровень, что в свою очередь послужит толчком для переосмысления многих исторических проблем советского периода.

**РАЗВИТИЕ ИСТОРИКО-ПАРТИЙНОЙ НАУКИ
В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В 1930-е гг.
(по материалам Средневолжского-Куйбышевского
партархива)**

И. В. Митрофанова

*(Поволжская государственная социально-гуманитарная
академия)*

Важная роль в становлении исторической науки в Среднем Поволжье принадлежит местным научным учреждениям, к числу которых можно отнести отделения истпарта и партархива в Самаре. Основные сведения об их деятельности можно почерпнуть из материалов Самарского областного государственного архива социально-политической истории (ГУСО СОГАСПИ). Фонд Отдела истории партии Куйбышевского обкома ВКП(б) (Истпарт) (Ф. 3500) содержит сведения о создании и деятельности местной комиссии истпарта. В фонде Партийного архива Куйбышевского обкома КП РСФСР 1919–1991 гг. (Ф. 651) хранятся документы по организации Средневолжского отделения партархива, переписка с Центральным партийным архивом (ЦПА).

В настоящей статье предпринята попытка осветить основные направления работы истпарта и партархива в Самаре-Куйбышеве в 1930-е гг., показать их связь с историками и научными организациями страны и края.

В начале 1930-х гг. Средневолжский край представлял собой огромное по площади и населению территориальное образование, включавшее Самарскую, Пензенскую, Ульяновскую, Оренбургскую области. На его территории действовало всего несколько научных организаций, занимавшихся историческими изысканиями: комвуз в Самаре, пединститут в Ульяновске, краеведческие музеи и музеи революции и др. Однако в условиях, когда перед всеми историками страны была поставлена большая задача: «поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории

нашей партии на научные, большевистские рельсы»¹, их усилий явно было недостаточно. Как отмечал заведующий Куйбышевским истпартом Х. И. Циммерман, к середине 1930-х гг. в Самаре работало всего несколько историков: Гаркуш, Н. М. Добротвор, Гаврилов, причем все они были «перегружены преподавательской работой, а остальные либо сняты, либо исключены из партии»². Таким образом, научно-исследовательская деятельность отделений истпарта и партархива в крае приобретала особое значение. Между этими организациями существовало негласное разделение обязанностей, обусловленное задачами, стоявшими перед ними. Если истпарт создавался для сбора, систематизации документов по истории Октябрьской революции и Гражданской войны и создания на их основе научных и научно-популярных трудов, пропагандирующих деятельность большевистской партии, то партархив — для «концентрации партийного архивного фонда»³. Партийный архив стал для истпарта «помощником», предоставляя ему архивные материалы по истории Гражданской войны, «колчаковщине», «дутовщине», борьбе с крестьянскими восстаниями в 1920-е гг., истории местной партийной организации и др.⁴ Он выполнял задания ЦПА и Института им. Ленина, разбирая архивы бывшего жандармского управления и выявляя наиболее ценные экземпляры, осуществляя поиск документов по истории партии. Так, в 1931 г. Средневолжский партархив передал Институту им. Ленина копию списка коммунистов, мобилизованных Уфимским губкомом, в 1934 г. архив выслал Институту Маркса–Энгельса–Ленина (ИМЭЛ) оригинал телеграммы от 29 августа 1918 г. с подписями В. И. Ленина, А. Д. Цюрупы, адресованной Пензенскому губсовдепу «Об интен-

¹ *Сталин И. В.* О некоторых вопросах истории большевизма // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 84–102.

² Письмо заведующему сектором местных парткабинетов товарищу Сидорову от заведующей Средневолжским истпартом от 15 января 1935 г. // СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 79. Л. 5.

³ Положение о Едином партийном архиве ВКП(б) от 28 июня 1929 г. // В. И. Ленин, КПСС и партийные архивы. Сборник документов. М., 1989. С. 48.

⁴ Объяснительная записка к отчету о проделанной работе Средневолжского отделения ЦПА за 1934 г. // СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

сивной работе местных продовольственных органов»⁵. В читальном зале партархива занимались исследователи из Средневолжского и Нижневолжского крайкомов ВКП(б), Средневолжского крайкома ВЛКСМ, Самарского музея революции, Казанского и Башкирского истпарта, Самарского горкома ВКП(б) и других организаций. Всего с 1932 по 1934 г. исследователями было запрошено 534 дела и 9 печатных источников⁶. В дальнейшем в связи с начавшейся в стране проверкой партийных документов доступ читателей в партийный архив был закрыт.

К началу 1930-х гг. в распоряжении Средневолжского истпарта имелся список исторических тем, рекомендованный к научной разработке V Всесоюзным совещанием заведующих истпартотделами, прошедшим 5–7 января 1929 г.: история местных партийных организаций (1898–1921 гг.); история создания Красной гвардии; революции 1905–1907 гг. и 1917 г.; история отдельных крупных заводов; Гражданская война, интервенция; национальный и крестьянский вопрос. Основываясь на предложенной тематике, истпарт опубликовал несколько научно-популярных работ по истории края. Так, в 1930–1934 гг. вышли в свет монографии и брошюры сотрудников истпарта: В. В. Троцкого и Ф. Г. Попова, посвященные истории революционного движения Среднего Поволжья и местных комитетов партии⁷. Издательская деятельность истпартов находила большую поддержку со стороны партийных органов, носила массовый характер. Спрос на литературу, освещавшую революционные события края, был огромен. Так, научно-популярные работы Ф. Г. Попова «Поезд смерти», «Чехословацкий мятеж и самарская учредилка», «Дутовщина» выдер-

⁵ Письмо в Институт им. Ленина тов. Тихомирнову от заведующей Средневолжским партархивом от 2 декабря 1931 г. // СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 1. Л. 27; Письмо Средневолжскому крайкому ВКП(б) (партархиву) от ИМЭЛ от 25 октября 1934 г. // СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

⁶ Отчет о работе Средневолжского отделения ЕПА за 1932 г. // СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 3. Л. 9; Отчет о работе Средневолжского отделения ЕПА за 1933 г. // СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 4. Л. 5; Объяснительная записка к отчету о проделанной работе Средневолжского отделения ЦПА за 1934 г. // СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 5. Л. 19.

⁷ *Троцкий В. В.* Революционное движение в Средневолжском крае. Самара, 1930; *Троцкий В. В.* Первая русская революция в Среднем Поволжье. Самара, 1931; *Попов Ф. Г.* Чехословацкий мятеж и Самарская Учредилка. Самара, 1932; *Попов Ф. Г.* Поезд смерти. Самара, 1933; *Попов Ф. Г.* Дутовщина. Самара, 1934.

жали несколько переизданий. В 1935 г. работники истпарта провели большую работу по поиску документов и реминисценций в память об ушедшем из жизни В. В. Куйбышеве, что нашло отражение в сборнике «В. В. Куйбышев в Среднем Поволжье» под редакцией И. Х. Циммермана. Всего в течение 1930-х гг. при участии истпарта было выпущено около 20 печатных изданий: монографий, сборников воспоминаний, исторических очерков, брошюр, хроник, опубликовано более 60 статей в местной печати, подготовлено несколько отзывов на издания по истории местной партийной организации.

Сотрудники истпарта внесли свой вклад в выпуск серийного издания «История Гражданской войны в СССР» под редакцией М. Горького, собрав воспоминания красноармейцев и документы периода Гражданской войны. Для пропаганды деятельности коммунистической партии в стране и Средневолжском крае истпартом было организовано несколько выставок. В 1930 г. сотрудники истпарта подготовили передвижную выставку о В. И. Ленине, которую смогли увидеть рабочие Самаро-Златоустовской железной дороги и Трубочного завода, а также выставку «Женщина в революционном движении Средневолжского края» для I краевого съезда колхозниц⁸. Все выставки пользовались большой популярностью у рабочих, служащих и учащихся.

Таким образом, в 1930-е гг. местные отделения истпарта и партархива, сохраняя архивные материалы, выпуская научные и научно-популярные публикации, привлекая ученых краеведов к сотрудничеству, внесли существенный вклад в развитие историко-партийной науки.

⁸ *Троцкий В. В.* О работе истпарта Средневолжского крайкома ВКП(б) // Пролетарская революция. 1930. № 9. С. 183.

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Ж. Б. Найманова

(Карагандинский университет «Болашак», Казахстан)

Еще в конце прошлого десятилетия, выступая на сессии Ассамблеи народов Казахстана (это был апрель 1996 г.), Президент РК Н. Назарбаев поставил вопрос о необходимости формирования гражданской общности в Республике. В июне 1997 г. формирование новой казахстанской гражданственности Президентом было обозначено в качестве одной из актуальнейших политических проблем, затрагивающей основы государственности. На VII сессии АНК в 2000 г. он поставил задачу «создать казахстанцев», а в последнее время (октябрь 2007 г.) им была предложена идея формирования единой казахстанской конкурентоспособной нации. Таким образом, на протяжении нескольких лет глава государства ставит вопрос о переходе страны к гражданскому состоянию общества.

Гражданская солидарность может существовать, прежде всего, на основе нейтральности политико-правовой сферы, равнодушной к культурным различиям. Согласно Закону о гражданстве Республики Казахстан, гражданство «определяет устойчивую политико-правовую связь лица с государством, выражающую совокупность их взаимных прав и обязанностей». Как считает известный российский ученый В. А. Тишков, гражданская деятельность человека всегда была более многообразной и сложной, чем культурная, и любовь к своему народу меньше всего зависела от записи в паспорте. Ведь чувство принадлежности к этнической общности, если последнее не связано с получением каких-либо преимуществ, гораздо уже гражданской общности, которая формируется в условиях общественной жизни человека.

Как представляется, формирование гражданской нации в Казахстане является ядром проекта национальной идеи. Признание за каждым членом общества принадлежности к гражданской нации формирует у всех граждан страны, независимо от их национальной принадлежности, чувство общей Родины, общих целей и задач, чувство сопричастности и ответственности всех населяющих ее народов за судьбу страны.

В мировой этнополитической науке под нацией понимается политическая общность людей различной этнической принадлежности в пределах одного государства. Нация, иначе говоря, понимается как согражданство. В основе этнонационализма лежит чувство общего происхождения, проявляющееся в виде языковых, религиозных или расовых признаков.

Действительно, генерализация ценностно-смысловых схем этнической идентификации в качестве модели государственно-политического устройства становится формой политизации самой этничности, т. е. превращения демократии в этнократию (этнократия в строгом смысле слова и есть не что иное, как наделение этносов статусом политических субъектов, а не узурпация политической власти этническим большинством). Нет ничего более опасного, чем приобретение этносами статуса политических субъектов. Национальная принадлежность должна быть сугубо личным делом индивида, предметом его духовно-нравственных выборов и культурных предпочтений. Если же этническая принадлежность и ее атрибуты выступают решающим аргументом в борьбе за политическую власть в полиэтничном обществе, то гражданская война и распад государства становятся реальной угрозой.

Предпосылки к формированию казахстанской нации имеются. Социологические исследования Центра гуманитарных исследований на протяжении последних 10 лет показывают, что у этнических групп Казахстана нет принципиальных различий в структуре духовных потребностей, динамике поведенческих установок, системе мотиваций, социально-политических и ценностных ориентаций. Употребление таких слов, как «национальная безопасность», «национальные интересы», «лидер нации», «здоровье нации» и т. д., стало привычным. При этом всем понятно, что под этими терминами понимаются интересы всех, а не отдельного этноса.

В стране продолжает сохраняться дружественный, толерантный характер отношений между этносами. Все этнические группы населения проявляют высокую толерантность и готовность к таким формам межэтнических взаимодействий, как работа в многонациональном коллективе, соседские взаимоотношения, дружба с представителями других национальностей.

В последнее время, как известно, в различных регионах Казахстана — Шилике, Казаткоме, Тенгизе, Маятасе — вспыхивали конфликты между казахами и уйгурами, чеченцами, турками, курдами. Поводом для них становились либо хулиганские действия молодых людей раз-

личных национальностей, либо криминальные действия представителей этнического меньшинства, которые провоцировали ответные действия представителей коренного этноса против этих меньшинств.

Оценивая конфликтные ситуации подобного рода, В. А. Тишков пишет: «Трудно разрешимые противоречия и конфликты не являются неизбежными и не предопределены самой природой этничности и фактом сосуществования различных национальностей в пределах одного государства. Напряженность и конфликты возникают, прежде всего, на фоне социально-экономических трудностей и глубоких геополитических и ценностных трансформаций, которые переживают граждане бывшего СССР».

Проблема формирования общеказахстанской нации как гражданской общности приобретает вид проблемы формирования *новой Национальной идентичности*. В отсутствие или при неразвитости гражданского общества содержательно-смысловым контекстом идентификационных стратегий становятся ценности существования «случайных индивидов» и *активно-паразитический* способ освоения социального пространства. Сущностная надломленность транзитного общества, его цивилизационно-культурная маргинальность состоят в том, что экзистенциальная катастрофа здесь претворилась в общезначимую и исключительную самого примитивного, а потому и наиболее кризисного из всех возможных способов социальной идентификации личности: стратификацию по имущественному признаку и дифференциацию по этнической принадлежности.

Между тем в современных условиях совершенно неизбежно происходит размывание традиционных этнических связей, преодоление обособленности этнических общностей, ассимиляция людьми инокультурных ценностей и норм. Гражданское общество является оптимальной формой социального структурирования пространства свободного личностного развития, институционального утверждения идей гуманизма, неотчуждаемых прав и свобод человека. Но оно не может сформироваться и полноценно функционировать в условиях, когда общество сегментировано на основе кровного принципа, а не на социальных связях и социальном опыте его членов.

Многие исследователи отмечают, что ориентиром для самоопределения индивида в современном мире становится не его социальное положение, материальная обеспеченность и статус, а приобщение к соответствующей культуре. «Стремление защитить эту культуру и сложившееся на ее основе духовное единство с помощью государства и других социальных институтов и организаций и составляет основную

питательную почву и мотивационную основу современного национализма». Необходимо уточнить, что это стремление квалифицируется как национализм, если оно принимает форму экспансии, навязывания своей культуры другим этническим группам, узурпации привилегий и властных полномочий.

Для формирования гражданской нации требуется одно строгое правило — соблюдение прав человека, гарантированных Конституцией. Права человека — «единственная область, определенно провозглашающая равенство всех перед законом без каких-либо отличий по полу, расе, цвету кожи, языку; религии, политическим убеждениям, социальному или национальному происхождению, принадлежности к национальному меньшинству, судьбе, месту рождения или любому другому признаку» (Всеобщая декларация прав человека, статья 14).

Гражданское общество традиционно рассматривается как система социальной атомистики. Государство при этом приобретает статус субъекта институционализации универсальных принципов, социальные группы — статус носителей своего собственного партикулярного смысла. Но это — фатальная ошибка традиционной концепции. На деле статусом практической универсальности обладает государство и не индивид как атомарный элемент формально-правовой структуры гражданского общества и субъект отношений вещной зависимости, а личность.

Совершенно очевидно, что чем более развитым и зрелым будет в Казахстане гражданское общество и чем быстрее будет сформирована единая казахстанская нация, тем эффективнее само общество сможет на уровне локальных общин регулировать противоречия, которые возникают в ходе общественного развития. Ведь гражданская культура предполагает приобретение человеком статуса гражданина, ответственного за свои решения и принимающего активное участие в принятии коллективных решений. Как справедливо утверждает Г. В. Малинин, политика возрождения подлинной гражданственности, укоренения в человеке духовности, достоинства (в т. ч. и национального), его значимости для общества и ответственности перед обществом есть сущностное содержание национальной идеи, способной объединить полиэтническое население Казахстана в целостный социальный организм — нацию, единую в своем многообразии.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ РАЙОННОЕ ОХРАННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ В 1909 г.: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

А. С. Опилкин
(МГУ)

Еще в 1906 г. директор Департамента полиции (ДП) М. И. Трусевич пришел к выводу, что существовавшая на тот момент структура политической полиции устарела и не соответствует новому уровню угроз.

По его предложению двухуровневая система политического розыска (Департамент полиции как общероссийский центр — жандармские управления и охранные отделения как региональные органы) была модернизирована. Создавался промежуточный уровень в виде районных охранных отделений, которым переходила часть функций ДП на территории района, т. е. нескольких губерний, по регулированию деятельности региональных органов политической полиции.

Районные отделения создавались в крупных городах на базе уже действовавших органов политического розыска для работы преимущественно за пределами города. Центральное районное охранное отделение (Центральное РОО, ЦРОО) создавалось на основе Московского охранного отделения для работы на территории 12 губерний Центрально-Европейской России.

До учреждения районных отделений большинство органов политической полиции работало в «своих» административно-территориальных единицах — губерниях, крайне редко выходя за их пределы. Деятельность крупнейших охранных отделений — Московского и Петербургского — в определенные периоды экстерриториальная была исключением.

Основной целью существования РОО было повышение эффективности работы органов политической полиции на территории района, особенно наиболее многочисленных из них — губернских жандармских управлений.

В 1909 г. — через два года после создания — Центральное РОО добилось определенных результатов в этом направлении. С одной стороны, с началом работы районного отделения улучшилось качество предоставляемой в Департамент полиции информации по широкому кругу

вопросов, главным образом о состоянии революционного движения и деятельности нелегальных организаций в той или иной губернии, а также о профессиональной компетентности служащих местных органов политической полиции и их действительной работе.

Ситуации, когда губернатор говорит о «серьезной обеспокоенности» положением дел в губернии, а начальник местного жандармского управления сообщает в ДП, что «никаких революционных организаций в точном смысле этого слова» в губернии нет, разрешались компетентным докладом о положении дел от лица начальника ЦРОО. В частности, подобная ситуация была в 1907 г. в Орловской губернии¹.

В результате анализа ситуации в губернии и изучения деятельности Орловского жандармского управления организация секретной агентуры в наиболее беспокойном Брянском уезде легла на плечи не местного жандармского управления, а Центрального районного отделения. Уже в мае 1907 г. туда были командированы четыре секретных агента².

В целом после проверки служащими Центрального РОО восьми губернских жандармских управлений (ГЖУ) района организация политического розыска была обозначена как «не вполне удовлетворительная»³.

И если ситуация с наружным наблюдением в ГЖУ на протяжении 1907–1909 г. улучшилась за счет перевода части унтер-офицеров управлений на должности филеров⁴, то проблема с секретной агентурой в жандармских управлениях решалась очень медленно и неуверенно.

Наглядно это видно, например, в следующей ситуации. 4 февраля 1909 г. помощник начальника ЦРОО по району докладывал в Департамент полиции: «... розыскные органы местностей Района, от коих состоялись выборы делегатов на областную конференцию РСДРП, не располагали сведениями об избранных делегатах вследствие недостаточного освещения организаций внутренней агентурой. По той же

¹ ГА РФ. Ф. 280. Оп. 1, 1907. Д. 3081. Л. 14–16.

² Там же. Л. 28.

³ ГА РФ. Ф. 280. Оп. 1, 1907. Д. 3004. Л. 63 об.

⁴ См.: ГА РФ. Ф. 280. Оп. 1, 1907. Д. 3020.

причине ни один из упомянутых розыскных органов не поставил своевременно в известность Район о предполагавшейся конференции»⁵.

Когда же ЦРОО сообщило о выборах и предложило выявить избранных делегатов в своих губерниях, то снова ни один из региональных органов политической полиции сделать этого не смог. Таким образом, своеобразный экзамен на наличие секретной агентуры по одной из основных партий в феврале 1909 г. провалили все жандармские управления и охранные отделения центрального района.

Консультации Центрального РОО при назначениях на некоторые должности в губернских жандармских управлениях давали возможность избежать кадровых ошибок и, по крайней мере, не ухудшать таким образом организацию политического розыска в регионах.

В частности, начальник отделения выступил против назначения на должность заведующего наружным наблюдением розыскного пункта бывшего секретного сотрудника «Моршанского», кандидатуру которого предлагал начальник Костромского ГЖУ. И после негативного отзыва о «Моршанском» со стороны ЦРОО директор ДП «категорически отклонил» его назначение⁶.

В рамках текущей деятельности Центрального районного отделения решались и узкоспециальные задачи, выполнение которых районным отделением изначально не предполагалось. Речь идет об охране высокопоставленных госслужащих, а именно о личной охране Костромского губернатора генерал-майора Веретенникова. В 1908 г. его охрана состояла из филеров ЦРОО, которые справились с этой задачей.

В 1909 г. Веретенников хотел использовать для своей личной охраны двух городских Костромской городской полиции. Но перед началом их новой службы Костромской губернатор просил о прикомандировании этих городских к Центральному РОО «для подготовки к охранной службе», что и было сделано⁷.

Кроме выполнения тех видов деятельности, которые были явно прописаны в «Положении о районных охранных отделениях», руководство Центрального РОО стремилось наиболее эффективно модернизировать структуру органов политической полиции района.

В результате ЦРОО стало инициатором создания нового органа политической полиции на территории района — Брянского розыскно-

⁵ ГА РФ. Ф. 280. Оп. 2, 1908. Д. 5007. Л. 21.

⁶ ГА РФ. Ф. 280. Оп. 3, 1909. Д. 5131. Л. 2–4.

⁷ Там же. Л. 25.

го пункта. Отличительной особенностью последнего являлось то, что он создавался не в рамках одной губернии, как обычно, а охватывал четыре уезда трех губерний — Орловской, Калужской и Смоленской⁸. Столь сложные преобразования в структуре политической полиции района были просто неосуществимы без Центрального РОО.

Со стороны Департамента полиции опыт функционирования районных охранных отделений в целом и ЦРОО в частности к 1910 г. оценивался в целом положительно. Об этом говорит и более рациональное «перераспределение» губерний из одного районного отделения в другое для более эффективной деятельности розыска в начале 1909 г., и создание Брянского розыскного пункта по предложению, силами и под контролем ЦРОО в конце того же года.

Центральное районное охранное отделение вносило порядок и согласованность в деятельность региональных органов политической полиции, что было необходимо для их сколько-нибудь эффективной работы.

При этом стремление поднять уровень работы жандармских управлений и охранных отделений района на необходимую для результативной работы высоту наталкивалось на целый ряд ограничений.

Некорректная оценка ситуации в регионе целым рядом начальников ГЖУ, отсутствие секретной агентуры в местных органах политической полиции и некоторые другие проблемы во многих случаях было трудно, а порой и невозможно решить силами Центрального РОО.

Кадровая политика в первую очередь Отдельного корпуса жандармов в начале XX века мало соответствовала задачам, которые стояли перед политической полицией. Руководители районных отделений мало что могли сделать, т. к. порядок назначения и снятия с должностей начальников местных органов политической полиции находился вне их компетенции. Как следствие, ЦРОО приходилось работать с теми начальниками жандармских управлений, которых назначали из Петербурга. Данная ситуация хорошо видна на примере работы Центрального РОО.

Эффективность работы ЦРОО начинала упираться в те ограничения, которые накладывала система политической полиции: кадровые, финансовые, бюрократические. Резервы повышения эффективности работы ЦРОО на губернском и районном уровне становились все

⁸ См.: ГА РФ. Ф. 280. Оп. 3, 1909. Д. 5155.

меньше. Для дальнейшего повышения отдачи от деятельности Центрального РОО необходимы были позитивные изменения не на уровне района, а как минимум на уровне Отдельного корпуса жандармов и Департамента полиции.

ГЕРБЕРТ МАРКУЗЕ О ЯЗЫКЕ ТОТАЛЬНОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

М. Л. Пенелова
(МГУ)

Итак, язык. Средство выражения мыслей, инструмент коммуникации, универсальный код некоей общности, часть культуры в конце концов. Кажется, проблема языка скорее филологическая или философская, чем социально-политическая: это не так. В мире социально-политической мысли исследователь не может анализировать состояние общества в конкретный момент времени, не уделив должного внимания языку. Именно в языковых формах отчетливо проявляются не только уровень мышления людей, но и характер властных отношений в обществе.

Согласно идеям идеолога леворадикальной мысли, представителя Франкфуртской школы Герберта Маркузе (1898–1979 гг.), язык, становясь языком «тотального администрирования», превращается в один из инструментов подавления критического мышления. Этот язык, с одной стороны, неотъемлемая часть тоталитарной системы, порожденная ей самой, а с другой — главный инструмент влияния на массы, часть механизма воспроизводства системой самой себя. «...язык служит свидетельством процессов идентификации, унификации, систематического развития положительного мышления и образа действий, а также сосредоточенной атаки на трансцендентные, критические понятия»¹.

Как писал Ги Дебор в «Обществе спектакля»: «Спектакль предстает как одна огромная позитивность, неоспоримая и недоступная. Он не говорит ничего, кроме того, что “то, что является, — благо, и то, что благо, — является”. Отношение, которого он в принципе требует, есть то пассивное приятие, каковое он уже фактически обрел благодаря своей манере являться без возражений, обладая монополией на явленное»².

¹ *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: АСТ–Москва, 2009. С. 123.

² *Дебор Г.* Общество спектакля. М.: Логос, 2000. С. 25.

Эта манера «явления без возражений» ясно прослеживается в языке тотального администрирования, который обладает другими характеристиками, такими как:

1) *операционализация понятий*: стремление превращать понятие в синоним соответствующего набора операций. Данная черта приобретает политический окрас при урезке смысла понятия, попытках его максимально конкретизировать, изгнать из него трансцендентальный смысл. Не всегда понятие тождественно обозначаемой вещи, часто оно шире, абстрактнее, и, таким образом, его сложнее поставить на службу системе или применить в терапевтических целях, что значит бороться с конкретными недовольными, а не причинами возмущения.

2) *единство и унификация противоположностей*: «чистая бомба», «безвредные осадки», «комфортабельное бомбоубежище» — пример оксюморонов, вошедших в наше сознание и ставших обыденностью. «Унификация противоположностей, характерная для делового и политического стиля, является одним из многочисленных способов, которым дискурс и коммуникация создают себе иммунитет против возможности выражения протеста и отказа». Этот дискурс герметичен, репрессивен, универсален; соединяя противоположности, он не приемлет критики, а в знак своей истинности эти противоречия выставляются напоказ. Вспомним хотя бы оруэлловский язык.

3) *авторитарный, закрытый характер*: язык не показывает и не объясняет, он доводит до сведения решение, мнение, приказ. Он не ищет истину в понятиях, а сам приписывает свою истину им посредством операционализации и предикции, нагромождения образов.

4) *персонализация и ложная фамильярность*: результат непрерывного повторения вкупе с употреблением местоимений «мой/твой», например, «мой/твой» президент или машина «для тебя». Здесь мы сталкиваемся с явлением самоидентификации индивида с какими-либо предметами, функциями, должностями — старый рекламный ход, который используется до сих пор и, судя по всему, работает.

5) *функционализация*: как средство изгнания неконформистских элементов из языковых структур, урезание смыслов, авторитарное отождествление человека и его функции. К примеру, частое употребление в журнале «Тайм» родительного падежа (Берд (из) «Вирджинии», Насер (из) Египта), что «внушает мысль о том, что индивиды являются придатками своего дома, работы, босса или предприятия»³.

³ Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ–Москва, 2009. С. 132.

6) *сокращение языковых форм*: с помощью дефиса «science-military dinner» (банкет ученых и военных), «nuclear-powered, ballistic-missile-firing submarine» (вооруженная баллистическими ядерными ракетами подводная лодка). Таким образом, в целом спрессовываются термины из различных сфер или обладающие разными качествами. Снова перед нами «единство и гармония противоположностей». Второй вариант — аббревиатуры, чье использование вполне целесообразно, и все же «служат подавлению нежелательных вопросов». Например, в аббревиатуре USSR ударение падает на «социализм» и «советы», а в UN (ООН) — на «объединенные». Аббревиатура не несет познавательной ценности, а «служит для простого узнавания неоспоримого факта».

7) *антикритичность и антидиалектичность*: критический универсум подавляется уже на уровне операционализации понятий, урезки смыслов, утверждения, что реальное положение вещей — верное, а свобода есть только то, а не иное. Так как противоположности унифицируются, из одномерного герметичного дискурса исчезает диалектика, в то время как «двухмерный универсум дискурса охвачен напряжением именно как универсум критического, абстрактного мышления»⁴.

8) *антиисторичность*: как инструмент фальсификации, превращения лжи в истину, что носит конкретно политический характер. «Тем самым диалектическое мышление приходит к пониманию исторического характера противоречий...»⁵ Значит, подавляя противоречия, мы подавляем историю. Примиряя противоположности, где фашистские режимы могут быть партнерами стран Свободного Мира, соглашаемся с тем, что есть, не требуя того, что должно. Забывчивость — еще одна черта одномерного человека. Историческая память фальсифицируется на уровне переопределения понятий, что «служит превращению лжи в истину».

9) *сближение языка политики с языком рекламы*: как пример, репрессивное аналитическое предиктивное. Суть механизма в том, чтобы превратить высказывание в некую «гипнотическую формулу» путем жесткой связки существительного с множеством поясняющих прилагательных и других атрибутов.

Язык, имеющий все эти характеристики, становится «ритуально-авторитарным», он «распространяется по современному миру, по демократическим и недемократическим, капиталистическим и нека-

⁴ Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ–Москва, 2009. С. 138.

⁵ Там же.

питалистическим странам», и здесь Маркузе вторит Ролану Барту, утверждая, что этот язык «присущий всем режимам». Он — суть, инструмент этих режимов, техника манипулирования одномерным сознанием.

Парадокс в том, что «люди не верят магически-ритуальному языку или даже не придают этому значения, но при этом поступают в соответствии с ним»: покупают вещи, услышав рекламу, отождествляют себя с карьерой или военными интересами своего государства в другой стране (патриотизм).

Протест мышления мы находим в сленге, в народном языке. Мао Дзэдун говорил: «Давайте учиться языку у масс. Словарю народа присущи богатство, сила, живость; он прекрасно выражает явления реальной жизни». Стоит только задуматься над словами «headshinker» (мучитель голов, т. е. психиатр), «thinktank» (думалка, т. е. голова) или «boobtube» (труба для болвана, т. е. телевизор), как приходит понимание реалий жизни, с которыми люди так или иначе вынуждены мириться. Обратите внимание, этот пассивный языковой протест составлен в соответствии с вышеперечисленными правилами языка системы (функционализация). Хочется переиначить знаменитые слова Витгенштейна: границы моего языка — это границы моего мира.

К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ В «УХТПЕЧЛАГЕ»

А. В. Рочева
(Ухтинский индустриальный техникум,
Республика Коми)

В мае 1931 г. из Ухтинской экспедиции был образован Ухта-Печорский исправительно-трудовой лагерь. Окончательное преобразование Ухтинской экспедиции в ОГПУ Ухтпечлаг было оформлено 6 июня 1931 г. приказом ОГПУ № 296/173. Начальником Ухтпечлага был назначен Я. М. Мороз, ранее заключенный¹. Первоочередной задачей Ухтпечлага являлось планомерное изучение Ухтинского региона и заполярной Воркуты. Необходимо было выявить геологическое строение и геотектоническое развитие этих регионов, определить месторождения полезных ископаемых, особенности их образования, произвести подсчеты запасов, наметить перспективы разработки месторождений. Для выполнения этих задач требовались не просто огромные людские резервы, но специалисты высших квалификаций, способные владеть не только грамотой, но и определенным минимумом технических знаний для выполнения промышленных работ.

Архивные документы показывают, что толчком к организации в Чибью процесса образования и переподготовки кадров явилось секретное письмо, которое начальник тогда еще Ухтинской экспедиции Я. Мороз получил в апреле 1930 г. от одного из руководителей ОГПУ того времени Г. Бокия, который обратил внимание на проблему подготовки кадров: «Принимая все меры к пополнению экспедиции научно-техническим персоналом, нельзя не указать на чрезмерную преувеличенность поступающих от Вас заявок и требований. Наличие в составе экспедиции ряда крупных геологов и других специалистов дает полную возможность подготовить непосредственно на практической работе необходимые кадры младшего технического персонала... На дело подготовки кадров (коллекторов, топографов, бурмастеров

¹ Система исправительно-трудовых лагерей // Национальный Архив Республики Коми (Фондохранилище № 1). Ф. 1688. Оп. 1. Д. 5. Л. 34.

и др.) из числа находящегося в составе экспедиции техперсонала обратит самое серьезное внимание, посредством организации краткосрочных (2–3-месячных) теоретических и практических курсов...»

Приказом № 10 от 10 января 1931 г. по Ухтинской экспедиции создается система школ и курсов для заключенных с целью ликвидации неграмотности и технической подготовки специалистов. А приказом от 1 августа 1931 г. по Ухто-Печорскому исправительно-трудовому лагерю организуется система технического и культурного просвещения, «на базе которой лучшие передовые ударники Ухто-Печорского лагеря могли бы вооружиться техническими политическими знаниями, не отставая от достижений культуры и техники многомиллионной армии трудящихся СССР», — так определена была задача создаваемых курсов. В этом приказе ставились конкретные задачи: организовать профтехникум с целью подготовки рабочих специалистов из заключенных. В многочисленных публикациях историков и краеведов, сделанных в последние годы, вопрос о дате открытия техникума в Чибью получал различные трактовки. Ф. М. Трубачев, основываясь на постановлениях Президиума Коми Облисполкома и Президиума Ижемского райисполкома 1932 г., писал о том, что республиканские власти планировали открыть горный техникум в Усть-Усе или Ижме, но в конце концов по согласованию с начальником Ухто-Печорского треста Я. Морозом техникум начал свою работу в Чибью 2 ноября 1932 г.

В книге «ООО “Севергазпром” на рубеже тысячелетий» даются следующие сведения: «1932 г., октябрь. В селе Ижма Коми автономной области открылся горный техникум... 1933 г., октябрь, 15. В пос. Чибью приступили к занятиям учащиеся горного техникума, переведенного из села Ижма» (с. 106–107). В «Исторической хронике» Республики Коми мы находим следующее: «26 сентября 1932 г. организован Ухто-Печорский горный техникум... Занятия начались 2 ноября в селе Ижма, летом 1933 г. техникум переведен в Чибью (Ухту)»². Приказ по управлению лагерем № 257 за подписью Я. Мороза, вышедший 31 сентября 1931 г., завершил подготовительную организационную работу по образованию профтехникума. Летом 1933 г. он был передан Ухтпечлагу и переведен в поселок Чибью. В следующем году он был переименован в Ухто-Печорский техникум, где и велась подготовка специалистов на трех отделениях: нефтяном, угольно-

² Жеребцов И. Л., Таскаев М. В., Рогачев М. Б. Исторические хроники Республики Коми. Сыктывкар, 2002. С. 138–139.

эксплуатационном и электромеханическом. В 1933 г. прием велся уже на горно-эксплуатационное, электромеханическое, нефтяное и агроmeliоративное отделения, по 30 человек на каждом. Всего же насчитывалось 150 учащихся. Приказом № 407, индекс 223, по Наркомтяжпрому от 16 марта 1934 г. техникум передан в подчинение Уполномоченного НКТП Северного Края.

В связи с ликвидацией Управления Уполномоченных НКТП приказом Наркомтяжпрома № 253, индекс 228 от 2 марта 1935 г., техникум передан в подчинение Главугля, но уже под названием Ухто-Печорский горный³. Первый выпуск горных техников состоялся в 1936 г. Всего было выпущено 25 человек: 15 электромехаников и 10 эксплуатационников. Ухтпечлаг в порядке поощрения техникума за отличный выпуск молодых специалистов подарил ему оборудование для спортивного зала. В отчете о первом выпуске специалистов отмечается, что техникум является детищем славных наркомвнудельцев. Он был организован и выращен чекистами северных лагерей. Система ГУЛАГа повлекла за собой создание на КOME земле не только исправительных учреждений, но и важного для подготовки кадров специалистов технического учебного заведения. Поскольку специальные учебные заведения находились в подчинении наркоматов и ведомств, обкому партии и СНК республики предстояло провести с ним большую работу по созданию необходимых условий для нормальной деятельности техникумов. И яркий пример тому — совершенствование работы Ухто-Печорского горного техникума, находившегося в системе ГУЛАГа НКВД СССР. Ведомство было заинтересовано в его успешной работе, поэтому внимательно относилось к просьбам руководства республики о дальнейшем развитии техникума. «В 1938 г. 100 процентов студентов получали стипендию, которая на первом курсе равнялась 130 рублям, а у студентов старших курсов — 160 рублям. Они питались в своей столовой, где на каждого студента из дотации базового предприятия отпускалось по сорок семь рублей в месяц. Техникум ежегодно наращивал выпуски молодых специалистов: в 1936 г. было выпущено 25 человек, в 1937 г. — 63 человека»⁴. Однако образовательный уровень заключенных ГУЛАГа к концу 1930-х гг.

³ Приказ № 253. Об изменении подчиненности техникумов. Москва, 2 марта 1935 г. // НАРК. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 14. Л. 10–11.

⁴ Мельникова Н. А. Ухтинский горно-нефтяной техникум: создавая эпоху в истории страны и республики // Регион. 2002. № 11. С. 7.

был крайне низким. К примеру, в 1938 г. лица с высшим образованием составляли среди заключенных 1,1 %; со средним — 8,3 %; с низшим — 50,2 %. Малограмотных заключенных было 31,8 %, а неграмотных — 8,6 %⁵. Однозначно, что такой контингент не мог способствовать успешной реализации планов по освоению недр, промышленному развитию Коми края. Тем не менее лагерное начальство было заинтересовано в организации системы подготовки кадров, и специальность можно было получить, оказавшись в лагере.

Проблем в области подготовки кадров существовало достаточно много. Об этом свидетельствуют и архивные документы. Отсутствие квалифицированных педагогических кадров по специальностям, в частности, составляло одну из самых болезненных сторон в этом нелегком деле. Эта проблема была на курсах ТЭС 1-го нефтепромысла, буровиков 4-го нефтепромысла и 1-го водного промысла. Даже факт привлечения к работе на курсах преподавателей по совместительству не мог способствовать решению проблемы, так как занятия по разным причинам периодически срывались. На 3-м нефтепромысле такое явление наблюдалось систематически⁶. Другой стороной проблемы было отсутствие учебников и учебных пособий по специальностям. Отсутствие помещений, аудиторий и общежитий для курсантов были причиной срыва подготовки кадров на курсах с отрывом от производства⁷.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что интеллектуальный потенциал Ухтпечлага складывался главным образом за счет привлечения уже сформировавшихся, авторитетных специалистов-нефтяников и угольщиков, которые попадали в лагерь в качестве заключенных. Несмотря на определенные усилия, предпринимаемые ГУЛАГом в сфере подготовки квалифицированных кадров на протяжении 1930-х гг., ощущалась их хроническая нехватка. Это существенно осложняло реализацию хозяйственных планов, предполагающих интенсификацию трудовых процессов. Система подготовки кадров в Ухта-Печорском исправительно-трудовом лагере предполагала решить задачу по подготовке квалифицированных рабочих кадров в количестве, достаточном для покрытия потребностей в них по производствам. Разведка и освоение нефтяных, газовых месторож-

⁵ Земсков В. И. Заключенные в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1994. № 4. С. 111.

⁶ НАРК. Ф. Р-1668. Оп. 1. Д. 597. Л. 36.

⁷ НАРК. «Архивохранилище № 1». Ф. Р-1668. Оп. 1. Д. 597. Л. 3.

дений требовали большого количества специально подготовленных кадров. Применение квалифицированной рабочей силы в лагерях НКВД являлось важнейшим фактором, определяющим процесс освоения и развития Европейского Севера России.

ВОПРОС О НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЯХ НА ПЕРВОЙ ГААГСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МИРА (1899 г.)

Д. В. Садовников
(НИУ ВШЭ)

Первая Гаагская конференция мира, в которой приняли участие 26 государств, открылась 18 мая 1899 г. В ходе конференции вопросами, относящимися к формированию правил ведения сухопутной войны, занималась II подкомиссия II комиссии под председательством делегата России профессора Ф. Ф. Мартенса.

В ходе конференции было предложено считать личный состав ополчения и добровольческих отрядов законными воюющими, если они соответствуют ряду требований:

1. наличие во главе лица, ответственного за своих подчиненных;
2. наличие определенного и явно видимого издали отличительного знака;
3. открытое ношение оружия;
4. соблюдение законов и обычаев войны.

В качестве воюющего также рассматривалось население незанятой территории, которое при приближении противника возьмется за оружие (*levée en masse*), но не будет иметь времени устроиться согласно ст. 1, если оно будет открыто носить оружие и соблюдать законы и обычаи войны.

Упоминание «ополчения и добровольческих отрядов», а также «*levée en masse*» отражает практику XIX века, особенно франко-прусской войны 1870 г. Неудачная формулировка, относящаяся только к населению «незанятой территории», способствовала возникновению ожесточенной и продолжительной дискуссии по поводу правомерности освободительной борьбы непосредственно в тылу врага¹.

Особенно непримиримую позицию заняли делегаты Германии. Угрожая отказаться от подписания конвенции, они требовали полного запрета на ведение военных действий гражданскими лицами, кото-

¹ См.: *Савинский Л. И.* Вопросы партизанской войны в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1949. С. 266–285.

рых, как они считали, при поимке с оружием в руках следует казнить без суда. Представители небольших государств утверждали, что с ними следует обращаться как с полноправными комбатантами. Тогда Ф. Ф. Мартенс внес компромиссное предложение. Это предложение было озвучено 20 июня 1899 г. на 11-м заседании подкомиссии в следующей редакции: «В ожидании того, чтобы смог быть обнародован более полный свод законов войны, конференция находит необходимым констатировать, что в случаях, не предвиденных в настоящем соглашении, население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев и законов человечности и требований общественного сознания»².

27 июня 1899 г. данное положение было закреплено VIII Пленарным заседанием конференции в качестве преамбулы к II Гаагской Конвенции. Указанное положение получило название «Декларации Мартенса», став одним из принципов международного гуманитарного права³.

Несмотря на широкую формулировку, «Декларация Мартенса» имела своей непосредственной целью узаконение народной войны на оккупированной территории. Примечательно, что, когда в ходе одного из заседаний соответствующей подкомиссии британский делегат Ардэг предложил включить в текст конвенции статью, непосредственно посвященную нерегулярным (неправительственным) формированиям на оккупированной территории («Ничто в настоящей главе не должно рассматриваться, как желание уменьшить или исключить право, принадлежащее населению занятого неприятелем края, выполнить свой долг, противопоставить вторгшемуся неприятелю самое энергичное патриотическое сопротивление всеми дозволенными средствами»⁴), Ф. Ф. Мартенс, предвидя жесткое противодействие Германии и Австро-Венгрии, высказался против этого проекта. Ф. Ф. Мартенс пояснил, что его декларация имеет тот же смысл, что и предложение Ардэга, но с той разницей, что она исходит из невозможности предвидеть все случаи⁵.

² См., например: *Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л.* Обычное международное гуманитарное право. Т. 1. Нормы. МККК, 2006. С. XXIV.

³ См., например: *Свириденко Л. В.* Международное гуманитарное право. История создания и развития. Тула; М.: Московский университет МВД России, 1999. С. 62.

⁴ Цит. по: *Борзенков А. С.* Международно-правовой статус партизан: история и современность: дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1988. С. 42–43.

⁵ См.: Там же. С. 42–45.

Такой подход, реализованный Ф. Ф. Мартенсом, привел к тому, что по своему значению его Декларация вышла далеко за пределы своей непосредственной цели. В ней был зафиксирован один из принципов международного гуманитарного права. Она подразумевает — не более, но и не менее, — что, независимо от вопросов, по которым государства могут расходиться во мнениях, ведение войны всегда будет подчиняться существующим принципам международного права. Рассматриваемый принцип сохраняет свое значение и в наше время. Он почти дословно воспроизводится в Дополнительном протоколе I (п. 2 ст. 1) и Дополнительном протоколе II (преамбула).

На сегодняшний день «оговорка Мартенса» не утратила своей юридической силы. Она сохраняет свое значение не только как инструмент правового регулирования, используемый для восполнения пробелов, но и как мощный фактор развития международного права. В докладе Генерального секретаря ООН также подчеркивается, что «...значение клаузулы Мартенса не следует недооценивать»⁶.

Не отрицая общего значения «оговорки Мартенса» для развития международного права, Ф. Лист выразил критическое отношение к ее способности регулировать частный вопрос, явившийся причиной ее появления. По его словам, «заявлением этим державы лишь уклонились от решения, ибо таких международно-правовых начал, которые признавались бы всеми, именно не существует еще в настоящее время. Военные державы будут продолжать и впредь, как они делали это раньше, отказывать в признании в качестве воюющего населению, выступившему с оружием в руках против армии, которая заняла его территорию»⁷.

Последующие войны и вооруженные конфликты подтвердили правильность рассуждений Ф. Листа.

Таким образом, в ходе Первой Гаагской конференции мира вопрос о правовом положении неправительственных вооруженных формирований и их участников не нашел своего окончательного разрешения.

⁶ Минимальные гуманитарные стандарты: Доклад Генерального секретаря ООН от 5 января 1998 г. Приводится по: *Сассоли М., Буве А.* Правовая защита во время войны: Прецеденты, документы и учебные материалы, относящиеся к современной практике международного гуманитарного права: в 4 т. М.: МККК, 2008. С. 509.

⁷ *Лист Ф.* Международное право в систематическом изложении / пер. В. И. Грабаря. СПб., 1902. С. 396.

ЦЕРЕМОНИАЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В РАЗРАБОТКЕ СЮЖЕТА

С. А. Серова
(МГУ)

В 90-е годы XX века после распада советского государства у исследователей появилась возможность обратиться к темам, ранее идеологически невостребованным. Повышенный интерес возник в отношении императорской фамилии. Советская пропаганда хорошо поработала над десакрализацией образа монарха и его деперсонификацией. Наиболее сильно это проявилось в отношении последнего императора Николая II. Правитель практически никогда не назывался по имени (и уж тем более не вспоминались титулы), а собирательно обозначался «царь». Это понятие «царь» стало воплощением (или даже синонимом) всего отрицательного, что существовало в дореволюционный период. Смена политического строя и последующее вскоре открытие недоступных ранее архивных материалов послужило стимулом для разработки целого комплекса новых сюжетов. Одним из них стала презентация императорской власти.

Первая волна публикаций 1990-х гг. представляла собой трудно разделимый поток новой информации. Регулярно выходили многочисленные статьи как исследовательские¹, так и популяризаторские², рассчитанные на сенсационность. Изредка издавались специализированные книги³, содержащие архивные источники с иллюстративным

¹ *Немиро О. В.* Из истории организации и декорирования крупнейших торжеств Дома Романовых: 1896 и 1913 гг. // Исторический опыт русского народа и современность: Межвузовская научная программа. Кн. 2. СПб., 1995. С. 252–260; *Пережудова З. И.* К 100-летию коронации Николая II // *Держава*. 1996. № 2. С. 4–35.

² *Вознесенский А.* К трехсотлетию царской мечты // *Нева*. 1991. № 5. С. 179–184; *Кустова М.* Майская ночь. Ходынка: боль сквозь годы // *Смена*. 1991. № 12. С. 86–97.

³ *Ирошников М. П., Процай Л. А., Шелаев Ю. Б.* Николай II: последний российский император. СПб., 1992; Ритуал печального кортежа. Ритуал похорон российских императоров. СПб., 1998.

материалом. Из первого и главного достоинства этой волны — возможности представить широкой общественности ряд совершенно неизвестных ранее фактов — проистекал и ряд недостатков. Во-первых, сюжеты изучались разрозненно, по случаю. Во-вторых, весьма поверхностно. Информация из источников, как правило, пересказывалась, не подвергаясь критическому или сравнительному анализу, не всегда давались ссылки на используемые материалы. Разумеется, это касалось не всех работ.

Вторая волна пришлась на первое десятилетие 2000-х гг. и во многом связана была с переводом на русский язык двухтомника американского исследователя Р. Уортмана «Сценарии власти»⁴. Автор, изучивший большой временной отрезок начиная с эпохи Петра I до царствования Николая II наделил каждого правителя определенным «сценарием», в рамках которого проходила презентация империи и ее главы. Широкая источниковая база и богатый фактологический материал, собранные в единую сюжетную линию, позволили говорить о новом ракурсе исследований. С одной стороны, был задан общий контекст, с другой — возникло понимание необходимости детальной разработки проблематики отдельных правлений и церемоний. Появились работы по изучению процесса формирования коронационного комплекса регалий власти⁵, церемониалов власти в Российской империи с XVIII по начало XX в.⁶, первые попытки методологического осмысления: различия в понимании терминов «церемониал», «церемония» и «ритуал»⁷. Был подготовлен и написан ряд диссертационных работ⁸.

На нынешнем этапе внимание исследователей сконцентрировано на полномерном и разностороннем изучении архивных источников. Трудность по введению их в научный оборот заключается в

⁴ Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М., 2004.

⁵ Бычкова М. Е. Магия власти. М., 2009.

⁶ Захарова О. Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII — начала XX века. М., 2003.

⁷ Отто А. Церемониал, церемония и ритуал российского придворного общества XVIII века: теоретико-методологический анализ в контексте современной западной историографии // Российская история. 2009. № 2. С. 115–124.

⁸ Виноградова Н. Н. Коронации в России второй половины XIX века как общественно-политическое явление. Автореф. дис. Волгоград, 2004; Логунова М. О. Траурный церемониал в Российской империи в XVIII–XIX вв. Автореф. дис. СПб., 2010.

разрозненности фондов, содержащих необходимую информацию. Это связано, во-первых, с тем, что столицей Российской империи был Петербург. Соответственно, основная документация по организации и проведению имперских торжеств сосредоточена в архивах С.-Петербурга. Вместе с тем Москва, сохранившая титул Первопрестольной, была постоянным местом действия одной из основных церемоний правления — коронации и ряда других. Вследствие этого часть документации осела в московских архивах. Следует учесть, что проведение торжеств осуществлялось на разных уровнях: на общеимперском и городском (в зависимости от инициаторов и организаторов процесса). Следовательно, сопроводительные материалы остались как в центральных, так и в городских архивах⁹. Кроме того, порой источники попадают и в таких архивных фондах, которые, как показалось бы на первый взгляд, не имеют прямого отношения к изучаемой проблематике¹⁰. Следующим шагом в изучении и осмыслении имперской презентации мог бы стать выход на региональные архивы для того, чтобы проследить механизмы реализации «общеимперских программ» на местах.

Таким образом, для перехода от единичных исследований к комплексному осмыслению проблематики необходима публикация широкого спектра источников из архивов. Выявление материалов и издание тематических сборников (с церемониалами, программами торжеств, делопроизводственной документацией, финансовыми отчетами, распоряжениями по охране правопорядка и т. д.), как в печатном, так и в электронном виде¹¹, позволили бы собрать воедино разрозненный материал, облегчив работу исследователей. На основе этого материала могли бы решаться вопросы по выявлению механизмов работы властных структур и оценке степени их значимости как для конкретной эпохи, так и для государственного института в целом.

⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА), Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ).

¹⁰ Например: Материалы о создании Национального Музея в Москве в ознаменовании 300-летия царствования дома Романовых. 1913–1914 гг. // АРАН. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6.

¹¹ Некоторые архивы приступили к частичной публикации материалов на официальных сайтах (например, <http://www.rgakfd.ru/>).

АРХЕОЛОГИЯ КАК МЕТОД В УЧЕНИИ М. ФУКО

*к.п.н. Н. Р. Сетов
(МГУ)*

Мишель Фуко (1926–1984) — французский философ и мыслитель, один из величайших умов XX века, известный не только своими радикальными идеями в области гуманитарного познания, но и крайне критическими взглядами на современное общество и государство. Всякий раз, когда речь заходит о творчестве Фуко, исследователи расходятся во мнениях: представителем какого направления в философии является этот мыслитель? Кто-то считает его постструктуралистом, кто-то — постмодернистом, Ж. Бодрийяр¹ вообще считал его «последним динозавром модерна», хотя сам Фуко никогда не стремился аффилировать себя с каким-либо из течений общественной мысли. На наш взгляд, наиболее разумно было рассматривать творчество М. Фуко как связующее звено между постструктурализмом и постмодернизмом.

Одной из важнейших идей Фуко в области социального познания стало введение в гуманитарные науки нового метода, который сам мыслитель назвал археологическим. По мнению Фуко, все традиционные методы анализа истории и общественных отношений безнадежно устарели, так как они исследуют историю идей. Археология же ставит своей целью продемонстрировать принципы мышления и восприятия реальности в определенный исторический период, а предметом ее изучения должны стать документы этого периода, в которых воплощаются дискурсивные практики, то есть принципы и способы изложения мыслей. Таким образом, археология фактически предполагает «раскапывание» истории через анализ документов, которые не описывают реальность, а конструируют ее. Для иллюстрации та-

¹ Жан Бодрийяр (1929–2007) — французский философ и социальный критик, один из крупнейших представителей постмодернизма (хотя сам неоднократно отрицал свою принадлежность к этому течению в философии) второй половины XX века. Наиболее популярным его концептом стало учение о симуляции и симулякрах, а также идеи, касающиеся общества потребления и символического обмена.

кого конструирования уместно привести пример из одного масштабного исследования Фуко «История безумия в классическую эпоху»² (1961). Работая с архивными документами XVI–XVII веков, М. Фуко обнаружил, что до наступления XVIII века в категорию «безумные» включались не только собственно умалишенные, но и преступники, извращенцы, больные венерическими заболеваниями и просто безработные. Этот пример показывает, что восприятие того или иного социального феномена во многом зависит не столько от его собственных свойств, сколько от того, как этот феномен отражается в общественном сознании через призму законов и норм определенной эпохи.

Именно это отражение Фуко и назвал дискурсом. Понятие дискурса является одним из наиболее проблемных для определения в современном гуманитарном познании. Если говорить совсем просто, дискурс — это все, что было сказано, это совокупность знаков, их формулировок и отношений между ними. По мнению Фуко, суть анализа дискурса заключается в том, чтобы «увидеть высказывание в узости и уникальности его употребления, как определить условия его существования, более или менее точно обозначить его границы, установить связи с другими высказываниями»³. Термин «дискурс» в работах Фуко часто связывается с понятием «дискурсивной формации», то есть способом расположения лингвистических синтагм⁴ в пространстве текста.

Следующий важный элемент теории познания М. Фуко — генеалогия. Под генеалогией Фуко понимает метод, задача которого заключается в сравнении различных социальных практик (отраженных в дискурсивных полях) и их характеристик во времени с использованием данных, полученных от археологии. Именно эта методологическая пара, «археология — генеалогия», легла в основу всех исторических исследований М. Фуко, предметом которых являлись различные социальные девиации. В их числе: уже упомянутая работа «История безумия в классическую эпоху», труд «Рождение клиники: археология врачебного взгляда»⁵ (1963), курс лекций «Ненормальные»⁶ (1975),

² Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ, 2010.

³ Фуко М. Археология знания. К.: Ника-Центр, 1996. С. 29.

⁴ Синтагма — определенная последовательность слов в тексте. Важно отметить, что синтагма не всегда тождественна словосочетанию.

⁵ Фуко М. Рождение клиники. М.: Академический Проект, 2010.

⁶ Фуко М. Ненормальные. М.: Наука, 2005.

трехтомное исследование «История сексуальности»^{7,8,9} (1976–1984), а также исследование в области истории наказаний «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы»¹⁰ (1975). Во всех этих работах Фуко пытается проследить эволюцию как самих социальных девиаций, так и их оценки, и санкционирования в общественном сознании.

Итогом взаимодействия археологии и генеалогии должен стать архив. Еще одно понятие гносеологии М. Фуко отражает конечный результат всякого исследования с использованием предложенной им методологии. Но помимо данных, извлеченных из истории с помощью двух методов, архив также содержит некий субъективный элемент познания, от которого невозможно избавиться и который мешает нам описать мир таким, какой он есть на самом деле. Именно поэтому французский мыслитель обращается к понятию трансгрессии — преодолению пределов познания, установленных диктатом разума. За этими пределами, по мнению Фуко, все понятия и ценности теряют свое обычное, то есть установленное дискурсом, значение и предстают перед нашим взором такими, какие они есть на самом деле.

Подводя итог нашего краткого исследования, важно отметить, что «венцом» этих теоретических построений М. Фуко стало понятие «эпистема». Эпистема — образ мышления и восприятия реальности в определенный исторический период¹¹.

⁷ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум–Касталь, 1996.

⁸ Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2. СПб.: Академический проект, 2004.

⁹ Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Т. 3. Киев: Дух и Литера, 1998.

¹⁰ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

¹¹ В каком-то смысле эта идея Фуко перекликается с концепцией науки Т. Куна, который ввел в научный оборот термин «парадигма», отражающий принципы научного исследования мира в определенную эпоху. Подробнее об этом см.: Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В БССР В 1920-е гг.

Е. В. Смолякова
(БГУ, Белоруссия)

Формирование системы органов государственной власти и управления в БССР в 1920-е гг. сопровождалось поисками оптимальных, соответствующих времени форм делопроизводства. Был издан ряд законов, регламентирующих порядок внесения законопроектов, их утверждения, подписания, опубликования и вступления в силу; использования печатей с государственным гербом, пересылку государственными учреждениями срочной секретной корреспонденции, выдачу удостоверений служащим и др. Проблема перевода делопроизводства на белорусский язык нашла отражение в ряде постановлений середины 1920-х гг., направленных на практическое осуществление национальной политики в БССР. Законодательно регулировались также насущные для 1920-х гг. вопросы, касающиеся упрощения советского аппарата, рационализации форм и методов его работы, сокращения объемов документооборота.

Но все же, несмотря на то что отдельные положения законодательных актов БССР в той или иной степени касались порядка оформления и движения документов в организации, системы законодательства по вопросам делопроизводства разработано не было. И вопросы регулирования делопроизводства решались в основном на ведомственном уровне.

Проблема рационализации управленческого труда и делопроизводства занимала значительное место в деятельности ЦИК и СНК БССР, которые, являясь высшими органами власти республики, призваны были решать в том числе и вопросы, связанные с функционированием государственного аппарата, и осуществлять поиск оптимальных организационных форм и методов информационно-документационного обслуживания в советских учреждениях. В рамках решения этих задач в 1920-е гг. появляется значительное количество инструкций, регламентирующих либо отдельные стороны делопроизводства, либо постановку делопроизводства в отдельных учреждениях. Это — Инструкция для обмена служебной корреспонденцией между советски-

ми учреждениями, Инструкция о порядке ведения делопроизводства в уездных отделах управления, волисполкомах и сельсоветах ССРБ, Основная инструкция о порядке делопроизводства и отчетности районных исполнительных комитетов и др.¹

Инструкции, как правило, разрабатывались профильным наркоматом и после утверждения протоколом заседания СНК становились обязательным для исполнения документом. Так, упомянутые инструкции были разработаны соответственно Наркоматом почт и телеграфов, НКВД и НК РКИ.

Наиболее важные вопросы совершенствования делопроизводства обсуждались на заседаниях правительства и, следовательно, нашли свое отражение в протоколах СНК и Президиума ЦИК БССР. Решения по ним, если не требовалось издания законодательного акта, принимали форму протокольных постановлений. Именно в такой форме были приняты решения о сокращении переписки и аппаратов, о борьбе с бюрократизмом и волокитой в советских учреждениях, о ходе работ по упрощению отчетности и делопроизводства и др.²

В 1920-е гг. большое распространение в качестве документов, регламентирующих отдельные стороны делопроизводства в учреждениях, получили циркуляры. Они устанавливали сроки исполнения корреспонденции, порядок документирования отдельных сторон деятельности учреждений и т. п. Чаще всего они издавались от имени Управления делами СНК или Секретариата ЦИК как подразделений, ответственных за постановку делопроизводства. Циркуляры рассылались с целью организации исполнения постановлений высших органов власти, в том числе и союзных, когда соответствующий законодательный акт не принимался в республике. Но чаще всего циркуляры были своего рода реакцией на какие-либо недостатки в деятельности

¹ Инструкция для обмена служебной корреспонденции между Советскими учреждениями в крупных городах БССР: утв. СНК ССРБ, 12.02.1921 г. // НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 11. Л. 18–19; Инструкция о порядке ведения делопроизводства в уездных отделах управления, волисполкомах и сельсоветах ССРБ, 1 дек. 1921 г. // НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 119. Л. 3–5 об.; Основная инструкция (положение) о порядке делопроизводства и отчетности Районных Исполнительных комитетов: утв. СНК БССР 14 сент. 1926 г. // НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 295. Л. 30–33.

² Протокол № 11 заседания СНК БССР, 30 апр. 1924 г. // НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 21. Л. 2–13; Выписка из протокола № 18 заседания президиума Белбюро ЦК РКП, 18 апр. 1924 г. Ф. 7. Оп. 1. Д. 801. Л. 12.

учреждений и были призваны их устранить или определить ответственность.

На ведомственном уровне регламентацией делопроизводства в советских учреждениях занимались и народные комиссариаты БССР. И если все они в основном уделяли внимание совершенствованию делопроизводства лишь своих аппаратов и в некоторых случаях подведомственных им учреждений, то на деятельности двух из них — НКВД и НК РКИ БССР — следует остановиться особо.

Согласно Положению о своей деятельности НКВД БССР должен был решать вопросы совершенствования системы управления, разрабатывать проекты законов о деятельности центральной и местной администрации, издавать соответствующие инструкции³.

И надо сказать, что этот наркомат очень добросовестно и последовательно проводил работу по совершенствованию делопроизводства в местных органах власти. Именно благодаря его деятельности появились уже названные инструкции 1921 и 1926 гг., кстати, единственные полные и всеобъемлющие среди документов, изданных в 1920-е гг. по вопросам регулирования делопроизводственных процессов.

НКВД разрабатывал формы книг, печатей и штампов для местных органов, организовывал курсы, готовил справочники и пособия для секретарей, издавал большое количество циркуляров, регламентирующих либо разъясняющих отдельные моменты организации делопроизводства.

НК РКИ БССР стоял во главе работы по совершенствованию аппарата управления как специальный орган с очень большими полномочиями. Положением о НК РКИ на него возлагалась обязанность следить «за упорядочением и упрощением всего вообще делопроизводства подотчетных учреждений» и представлять на обсуждение подлежащих органов конкретные предложения о необходимых преобразованиях и изменениях в организации и работе хозяйственных и административных органов, устранения параллелизма, бесхозяйственности, бюрократизма, канцелярской и ведомственной волокиты, а также о преобразованиях всей системы ведения дела в тех или иных учреждениях⁴. Эти предложения, оформленные в виде докладных записок, проектов введения в наркоматах усовершенствованного делопроизводства.

³ Положение об НКВД БССР, 1924 г. // НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 88а.

⁴ Положение о НК РКИ БССР, 1921 г. // НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 34. Л. 72а — 74а.

производства, выписок из протоколов заседания Коллегии НК РКИ, в последующем и становились основой для издания ЦИК, СНК и НКВД БССР соответствующих нормативных актов по совершенствованию делопроизводства в республике. Когда же в 1927 г. было издано постановление ЦИК и СНК БССР «О расширении прав РКИ», постановления НК РКИ БССР по вопросам упрощения и сокращения учета, отчетности и делопроизводства, изменения структуры отдельных частей учреждений и предприятий и т. п. стали окончательными и обязательными для исполнения всеми государственными учреждениями и предприятиями⁵.

Таким образом, государственное регулирование делопроизводства в БССР в 1920-е гг. осуществляли высшие органы власти республики — ЦИК и СНК, в силу осуществления ими законодательной функции и компетенции решать любые вопросы государственного управления; НКВД БССР как орган, стоящий во главе всех местных органов власти; НК РКИ БССР как орган, возглавляющий всю работу по совершенствованию структуры, форм и методов деятельности госучреждений и обладающий очень широкими полномочиями.

Регулирование делопроизводственных процессов в БССР в 1920-е гг. шло как по линии законодательства, так и по государственной и ведомственной регламентации делопроизводства в учреждениях. Проявилась она в издании ряда законодательных актов, инструкций, циркуляров, регулирующих отдельные стороны делопроизводства и постановку делопроизводства отдельных органов в целом.

⁵ О расширении прав РКИ: постановление ЦИК и СНК БССР, 14 июля 1927 г. // НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1200. Л. 2–2 об.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ КЛУБ ПОЛИТЭМИГРАНТОВ ИМЕНИ ЗАГОРСКОГО (1920–1930 гг.)

к.и.н. Ж. Г. Сон

(Общероссийское объединение корейцев)

Общественно-политические события последнего времени показали со всей очевидностью и убедительностью возросшую роль общественных и религиозных объединений в построении гражданского общества, гармонизации межнациональных отношений. Одним из принципиальных элементов укрепления потенциала государственной власти в условиях формирования правового государства и гражданского общества является активизация социальных институтов. Это подразумевает и разработку эффективных методов взаимодействия государства и общества¹.

Поиск новых форм межнациональных отношений, формирование совершенно нового национального самосознания приводит ученых-обществоведов к анализу и реанимации исторической памяти. Особенно тех событий прошлого, которые способствовали бы консолидации российского общества в целом и его составляющих. При этом необходимо учитывать специфику исторически сложившихся межэтнических отношений и перевода национальной политики в осязаемую плоскость².

Знакомство с документами и материалами фондов Российского государственного архива социально-политической истории позволяет в определенной степени восполнить историческую картину на примере организации и деятельности Интернационального клуба политэми-

¹ См.: Бугай Н. Ф. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. М., 2011; Бугай Н. Ф. Русские на Северном Кавказе: социальное положение, трансформации этнической общности (1990-е годы — начало XXI века). М., 2011; и др.

² См.: Бугай Н. Ф., Назарова Е. А. Национальные общественные объединения Москвы — основа формирования гражданского общества в мегаполисе (конец XX — начало XXI в.) // Москва многонациональная: истоки, эволюция, проблемы современности. М., 2007.

грантов имени Загорского³, образованного в 1927 г. под непосредственным руководством Московского комитета ВКП(б) и просуществовавшего до середины 1930-х гг.

Причины возникновения, организация и деятельность Интерклуба представляют научный интерес. Прежде всего, Интерклуб является первой общественной организацией, объединившей рабочих-политэмигрантов, проживавших в Москве. После 1917 г. в России значительно увеличился приток иностранной иммиграции. Рабочие с разных стран, привлекаемые большевистским лозунгом «Пролетарии всех стран соединяйтесь!», потянулись в Советский Союз. Прибывшие из-за границы рабочие наравне с русскими рабочими стали непосредственными участниками национально-государственного строительства в Советском Союзе.

Процессы индустриализации, раскулачивания и сплошной коллективизации не могли положительно влиять на гармонизацию межэтнических отношений, напротив, в большинстве случаев местное население было агрессивно настроено к мигрантам, всячески препятствовало принятию «чужих». Трудно контролируемый наплыв людской массы в те или иные районы страны, в составе которых присутствовали лица разной национальности, разных социальных слоев, не поддавался организации и контролю. Все эти факторы обостряли межнациональные отношения между местными и «чужими». Это касается в полной мере и московского региона.

Известно, что в конце 1920-х гг. по всей стране развернулась «кампания борьбы с национализмом». Одной из причин разжигания и обострения местного национализма являлась не только, как считают многие исследователи, политика «коренизации», но и непродуманная переселенческая политика, проводившаяся в плановом порядке на территории всего Союза ССР с целью поднятия экономики и обороноспособности государства⁴.

К 1930-м гг. проблемы национализма достигли наивысшей степени разгула, когда на каждом заседании ВЦИК и СНК Союза ССР приходилось разбираться и выносить решения практически по всем регионам страны. Так, в постановлении ВЦИК СССР от 20 апреля 1930 г. указывалось: «В области национальной политики обеспечить вместе

³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 136. Д. 8. Л. 1–6.

⁴ См.: *Сон Ж. Г.* Корейцы Дальнего Востока в системе межэтнических отношений Союза ССР. 1920–1930-е годы. Дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. М., 2009.

с хозяйственным, политическим развитием всего края последовательное проведение национальной политики и всестороннее обслужива-ние национальных меньшинств»⁵.

Однако подобная мера не привела к ожидаемым результатам, и властям пришлось принимать более активные действия после состоявшегося в июне — июле 1930 г. XVI съезда ВКП(б), призвавшего бороться против двух основных уклонов в национальном вопросе — «великодержавного шовинизма как главной опасности местного национализма»⁶.

Проблемы взаимодействия на всех уровнях социально-экономической жизни в Москве становятся камнем преткновения для политэмигрантов. Отсутствие каких-либо знаний о русской культуре, языковой барьер становятся главными причинами отчуждения и изоляции от окружающего мира.

В связи с этим Московский комитет ВКП(б) Краснопресненского района, в чем ведомстве находился этот клуб, регулярно проводил так называемые смычки-встречи с русским пролетариатом вне рабочего времени. Помимо политико-воспитательной работы ставилась первостепенная задача поднятия уровня культуры межэтнических отношений, изучение русского языка и культурно-просветительская работа с политэмигрантами⁷.

В зависимости от внешней и внутривнутриполитической ситуации в стране изменялся и национальный состав клуба. Если в 1928 г. в Интерклуб входили секции: венгерская, французская, итальянская, корейская, болгарская, латиноамериканская⁸, то в 1931 г. национальный состав Интернационального клуба политэмигрантов им. Загорского значительно изменился. В него вошли следующие секции нацменьшинств: немецкий, эстонский, ассирийский, латышский, цыганский, еврейский, корейский, мордовский, украинский, литовский, польский, китайский, татарский, белорусский.

Исчезновение секций первого состава Интерклуба связано с усилением авторитарного режима советской власти. В условиях тяжелого экономического положения отсутствие каких-либо условий для существования вынудило большую часть венгров, французов, итальянцев, болгар и латиноамериканцев вернуться к себе на родину.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 2. Д. 1073. Л. 21.

⁶ См.: *Сон Ж. Г.* Указ. соч.

⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 136. Д. 8. Л. 1.

⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 136. Д. 10. Л. 10.

Хотя немногие из них по комсомольским путевкам отправлялись на комсомольские стройки.

В 1931 г. в Интерклуб вошли национальные секции: эстонская, латышская, мордовская, украинская, литовская, татарская, белорусская, еврейская, немецкая, представители этих народов имели свою государственность в Союзе ССР. В Интерклубе были также секции ассирийцев, корейцев, поляков, китайцев, цыган — население с приграничных территорий, не имеющее государственных образований и являлись представителями государств, граничащих с СССР. Как видно, состав Интерклуба изменился, совсем «чужие» покинули страну, на смену им пришли этнические меньшинства, входившие в состав советского государства. Увеличение количества национальных секций Интерклуба, состоящих из представителей народов Союза ССР, показывает, что проведение ленинской национальной политики в жизнь проходило с огромными трудностями. Остановить потоки мигрантов было очень сложно.

Интернациональный клуб политэмигрантов им. Загорского является первым институтом гражданского общества, чья деятельность была направлена на гармонизацию межэтнических отношений, воспитание культуры межэтнического общения, формирование национального самосознания. К сожалению, режим сталинской диктатуры негативно сказался на деятельности Интерклуба. Поиски «врагов народа» начались в первую очередь в этой общественной организации, и к 1937 г. Интерклуб прекратил свое существование.

«РЕВОЛЮЦИОННАЯ» ВИНА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ОЦЕНКЕ В. В. РОЗАНОВА

О. Е. Сорокопудова
(МГУ)

В сложный для нашей страны период конца XIX — начала XX в. отечественная социально-политическая мысль была зеркалом, в котором отражались политические и культурные пертурбации реальности. Писатели и философы, каждый по-своему пытались выразить и истолковать происходящие в обществе процессы, понять их причины и истоки. Одним из самых необычных, с одной стороны, а с другой стороны, самым что ни на есть традиционным и органичным для России мыслителем этого периода был Василий Васильевич Розанов (1856–1919 гг.).

Как истинный художник и патриот, он остро чувствовал происходящие в обществе изменения, причем уловил их приближение еще задолго до революции 1917 г. Как и многие авторы того времени, он утверждал, что революция в России случилась не вдруг, что она была обусловлена и подготовлена историческим и идейным развитием государства. Но вместе с тем, именно ему принадлежит догадка о том, что во многом ответственность за масштабные и даже роковые потрясения для России лежит на такой тонкой, художественной и зачастую далекой от политики сфере, как литература.

Действительно, в истории русской культуры на протяжении длительного времени именно в литературе, вокруг литературы, посредством литературы готовились все исторические преобразования и перемены, все социальные сдвиги и перевороты. Литература обо всем спорила, все обсуждала и осуждала¹. Современник Розанова Глинка А. С., под псевдонимом Волжский, писал, что поскольку российская академическая философия «еще очень небогата, чаще всего зависима и малокровна», то большую роль в формировании обще-

¹ Кондаков И. В. «Последний писатель»: В. Розанов между консерваторами и радикалами // Энтелехия. Кострома, 2000. № 1. С. 18.

ственного сознания играет как раз «художественная философия изысканной литературы»².

Русской литературе XIX века Розанов ставит в вину проповедование нигилистических идей, которые впоследствии так губительно сказались на всем общественном организме. «Мы, в сущности, играли в литературу. “Так хорошо написал”. И все дело было в том, что “хорошо написал”, а “что написал” — до этого никому дела не было»³. Розанов критиковал отечественных писателей именно за их «литературность», за невнимание к содержанию, самим идеям, к воспитательной функции всякой литературы. В своей последней книге он с болью отмечает: «По *содержанию*⁴ литература русская мерзость, такая мерзость бесстыдства и наглости, как ни единая литература. В большом Царстве, с большой силою, при народе трудолюбивом, смышленном, покорном, что она сделала? Она не выучилась и не внушила выучить, чтобы этот народ, хотя научили гвоздь выковать, серп исполнить, косу для косьбы сделать (вывозим косы из Австрии — география). Народ рос совершенно первобытно с Петра Великого, а литература занималась только “как они любили” и “о чем разговаривали”»⁵.

Розанов настаивает, что от литературы в стране должна быть именно практическая польза, воспитательная, мировоззренческая. Он указывал на это уже в «Опавших листьях»: «Нужна вовсе не “великая литература”, а великая, прекрасная и полезная жизнь. А литература может быть и “кой-какая” — “на задворках»⁶. Розанов был увлечен идеей практической пользы литературы. «Что миру за дело, что “Айхенвальд хорошо пишет”, — полемически вопрошал он. — Миру *больно*. Рак. Нефрит. В мире *нужда*. Муки нет. Мука дорога. Айхенвальд “все хорошо пишет”»⁷.

Конечно, в разные периоды творчества отношение Розанова к литературе было различным, однако он сам признавался, что отрицает «собственно, не очень много: Кантемира, Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, вторую половину Толстого и всех “писателей 60-х годов” с

² *Волжский*. Мистический пантеизм В. В. Розанова // Новый путь. 1904. № 12. С. 30.

³ *Розанов В. В.* Апокалипсис нашего времени. М., 2000. С. 7.

⁴ Здесь и далее курсив В. В. Розанова.

⁵ Цит. по: *Фатеев В. А.* С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. Кострома: ГУИПП, 2002. С. 600.

⁶ *Розанов В. В.* Опавшие листья. М., 2004. С. 8.

⁷ *Розанов В. В.* Мимолетное. М., 1994. С. 289.

“судебную реформу”. Что же я отрицаю, собственно? Непонимание России и отрицание России»⁸.

Вместо созидания и утверждения в нашей литературе, по мнению Розанова, была лишь «ирония» и «сатира». Произведения А. Н. Радищева, Д. И. Фонвизина, А. С. Грибоедова, декабристов, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. И. Герцена на протяжении почти всей второй половины XIX века формировали негативное, презрительное отношение к «России», «Царю», «правительству». Естественно, что чтение подобных книг несколькими поколениями российских читателей привело, по словам Розанова, к тому, что «все любящее побито камнями; нет, хуже, накормлено пощечинами»⁹. «Неужели, — вопрошал он, — можно “воспитывать детей” на проклинании и на насмешке над своею родною землею и над своим родным народом?»¹⁰

Подобное положение вещей в отечественной литературе, отмечал Розанов, сродни «болезни духа», все больший расцвет индивидуализма сопровождался ослаблением каких-то главных нравственных жизненных опор. И трагедией русской жизни Розанов как раз и считал революцию, которая пришла как неминуемая расплата за чрезмерный эстетизм предреволюционного цветения литературы. Мысль о том, что Россию «убила» литература, Розанов развил, ссылаясь на нелюбимого им критика С. А. Венгерова, сказавшего при встрече с возвратившимися эмигрантами, что «не литература должна приветствовать торжество революции, а революция должна наоборот сказать спасибо литературе, которая все время, целых полвека и более, призывала революцию»¹¹.

Розанов одним из первых увидел признак грядущего упадка в литературе, так ярко проявившегося позднее в декадентском движении, — отказ от национальной почвы. Розанов ставил это в вину русским писателям: «В них нет ничего “русского”; запаха наших лесов, наших лугов, румянца великоруса — не ищите у этих бледных мертвецов, ни в их “созданиях”. Это “общечеловеки” ...»¹²

Примечательно, что сам Розанов, противоречивый и вызывающий столько споров среди исследователей, так сформулировал свое ли-

⁸ Там же. С. 295.

⁹ *Розанов В. В.* Сахарна. М., 1998. С. 53.

¹⁰ *Розанов В. В.* Мимолетное. М., 1994. С. 108.

¹¹ *Розанов В. В.* Апокалипсис нашего времени. М., 2000. С. 126.

¹² Цит. по: *Фатеев В. А.* С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. Кострома: ГУИПП, 2002. С. 186.

тературное предназначение: «...иногда мне кажется, что во мне происходит разложение литературы, самого *существования ее*. И может быть, это есть мое литературное “employ”»¹³. Подобный литературный эсхатологизм Розанова, несмотря на его парадоксальность, тем не менее демонстрирует отражение, пусть субъективное и болезненное, самой культурно-исторической эпохи. Период конца XIX – начала XX века стал контрапунктом отечественной истории и литературы с ее дезорганизованной системой моральных координат, сменой ценностей и упадком патриотического чувства, которые так тонко были прочувствованы «художественной» душой Розанова.

¹³ *Розанов В. В. Опавшие листья*. М., 2004. С. 155.

**БЕСПАРТИЙНЫЕ ВО ВСЕСОЮЗНОМ ОБЩЕСТВЕ
ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ
В КОНЦЕ 1920-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.
(по документам РГАСПИ)**

Е. Л. Суббота
(ИРИ РАН)

Изучая историю Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1921–1935 гг.), невозможно не обратить внимания на то, что сквозной линией в ней проходит конфликт между представителями разных политических убеждений. И это неслучайно: в рамках одной общественной организации сосуществовали представители партий большевиков, меньшевиков, эсеров, бундовцев, анархистов, а также бывших участников революционных организаций 1860–1890-х гг. Их объединял такой фактор, как пребывание на каторге или в ссылке в дореволюционное время.

Изначально целями Общества бывших политкаторжан были изучение истории каторги, ссылки и революционного движения, а также посильная материальная помощь друг другу. Но в рамках такого органа Общества, как фракция ВКП(б), негласно сформировалась и другая цель — «прочно привязать бывших членов социалистических партий, а также известных в прошлом деятелей революционного движения к советскому государству»¹. Привязка эта осуществлялась в том числе путем государственного финансирования Общества, обеспечения его членов различными льготами (пайки, медицинское обслуживание, путевки, бесплатное жилье и др.). Высокий авторитет Общества, выступавшего в качестве своеобразного патрона над бывшими политкаторжанами и предоставлявшего им хорошую возможность включиться в общественную жизнь, заняться научно-исследовательской работой, стимулировал к вступлению в его ряды. Если в 1921 г. в Обществе

¹ Юнг М. Угроза ликвидации ОПК в 1922 г. // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев: образование, развитие, ликвидация (1921–1935): Материалы международной научной конференции (26–28 октября 2001 г.). М., 2004. С. 34.

насчитывалось около 177 человек, то в 1925 г. его членами числились уже 1620 челлвек, а в 1934 г. — 2890 человек². Помимо Московского отделения в крупнейших городах СССР возникло более 60 филиалов ВОПК.

Среди тех, кто подавал заявки на членство в Обществе, встречались бывшие уголовные заключенные, а также лица, которые согласно Уставу быть членами Общества не могли. Поэтому к середине 1920-х гг., когда в Москве и Ленинграде было налажено архивное дело, процедура приема в Общество постепенно усложнилась: для вступления необходимо было не только заполнить ряд анкет, написать автобиографию и заручиться поддержкой двух членов Общества, но и дождаться получения архивной справки, а также отзыва из своего землячества³. Справка должна была подтвердить, что кандидат в члены Общества не подавал представителям царской власти прошения о смягчении наказания (т. е. не был «подаванцем»), а также никого не выдавал при даче показаний (к таким бывшим заключенным применялся термин «выдаванец»). Для лиц, подвергавшихся аресту в советский период, процесс вступления в Общество сопровождался более тщательными проверками, а в случае повторного ареста, как правило, следовало исключение. С конца 1920-х гг. Организационная комиссия ВОПК при приеме новых членов делала акцент еще и на том, ведут ли они активную общественную деятельность. Заместитель старосты С. Ф. Корочкин замечал в связи с этим, что «некоторые члены нашего Общества склонны рассматривать его как организацию помощи, взаимопомощи и только. Они хотели бы, чтобы Общество политкаторжан давало пенсии, курортно-санитарные места, но ни в какую политику не вмешивалось бы... Мы должны поставить перед всем Обществом политкаторжан и перед всей той беспартийной массой, которая у нас имеется, вопрос о том, чтобы самым решительным образом ударить по всем этим настроениям, по всем отсталым реакционным настроениям, которые имеются в нашем Обществе»⁴.

² См.: Конспект времени: Труды и дни Александра Ратнера. М., 2007. С. 302.

³ Землячество — объединение бывших каторжан одной тюрьмы или системы тюрем. Землячества занимались сбором материалов по истории отдельных централов и районов ссылки; рассматривали кандидатуры земляков, желающих вступить в Общество.

⁴ Стенограмма собрания коммунистов — членов Московского отделения от 22 марта 1933 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 89. Оп. 5. Д. 40. Л. 6 об.

Но и тех из членов ВОПК, к биографии которых трудно было подкапаться, со второй половины 1920-х гг. ожидали регулярные проверки и перерегистрации. Целью проверок было очищение от «элементов», которые своими действиями и даже самим фактом пребывания в стенах Общества могли опорочить его в глазах политического руководства страны. С другой стороны, к коммунистам при приеме в Общество, а также при перерегистрациях, относились более снисходительно и покровительственно (особенно с начала 1930-х гг.): руководству Общества было выгодно увеличивать процентное соотношение между беспартийными и членами партии в пользу последних. По словам того же Корочкина, необходимо было подходить к приему «не только с точки зрения установления того или иного формального признака — был ли человек в каторге или в ссылке, есть ли у него рекомендации и т. д., а мы должны подходить с такой меркой: насколько человек советски нам близок, насколько он способен активно участвовать в социалистическом строительстве. И если есть хоть какая-нибудь неясность на этот счет, принимать его нельзя»⁵. Если обратиться к цифрам, то они продемонстрируют эту тенденцию так: в 1928 г. в Обществе состояло 38,8 % партийцев, а в 1933 г. — уже 43 %. На заседании фракции ВКП(б) в марте 1933 г. было сказано, что «это нужно отнести главным образом за счет... внимания к вопросам приема»⁶.

Формально высшим органом Общества до 1924 г. было общее собрание, а после 1924 г. — Всесоюзный съезд. Но фактическое руководство Обществом, его связь с аппаратом ВКП(б), обсуждение всех текущих политических вопросов осуществляла фракция ВКП(б), учрежденная в 1921 г. Именно во фракции регулярно поднимался вопрос о взаимоотношениях членов партии и беспартийных.

Недоверие партийцев к «бывшим» усугубилось в связи с арестами, две волны которых прошли в 1931 г. и 1933 г. (в 1931 г. поводом для арестов стало дело «Союзного бюро меньшевиков», а в 1933 г. — речь Сталина на январском Пленуме ЦК, после которой в Ленинградском отделении было арестовано 11 бывших эсеров). Коммунист Зальман на заседании фракции Московского отделения ВОПК 22 марта 1933 г. заявил: «Вряд ли может быть достаточная уверенность в том, что те, которые у нас считаются беспартийными, действительно остались беспартийными. И действительно, сколько раз я принужден был констатировать, что когда я начинал разговаривать с каким-нибудь из

⁵ Стенограмма собрания коммунистов // Там же. Л. 19.

⁶ Там же. Л. 27.

беспартийных по-настоящему, то вся его беспартийность летела вверх тормашками»⁷.

В этот период руководство Общества стало проводить достаточно противоречивую и далеко не всем коммунистам Общества понятную тактику. С одной стороны, их призывали «строго придерживаться позиции классовой бдительности на основе решения Пленума Ц[ентрального] Совета, тщательно проверяя и выявляя политическое лицо подающих заявления о приеме»⁸. С другой стороны, Емельян Ярославский подчеркивал необходимость того, чтобы беспартийные не чувствовали себя изгоями, ведь если их оттолкнуть, то «они будут у себя собираться по куткам, по уголкам», и поэтому «неправильно, если мы из всяких комиссий и старостатов будем вышибать беспартийных и толкать их на путь изоляции»⁹. Чем же объясняется такое противоречие? Ответом на этот вопрос можно считать слова одного из почетных членов Общества Феликса Кона: «Когда мы одних бьем, надо других выдвигать и показать, что мы бьем именно контрреволюционеров, а идущих с нами беспартийных проводим»¹⁰. Другими словами, в условиях ужесточения политического режима и участвовавших арестов, необходимо было сделать жест, показывающий, что репрессии касаются лишь отдельных, арестованных органами правопорядка лиц. Основная же масса членов Общества (главным образом, беспартийные) лояльно относится к власти и никакого отношения к контрреволюционным организациям не имеет. Такая политика должна была вывести само Общество из-под удара и предотвратить его закрытие.

Ситуация серьезно ухудшилась после убийства Кирова. Емельян Ярославский (староста, т. е. председатель ВОПК с 1925 г.), выступая на общем собрании 3 февраля 1935 г., подчеркнул: «Некоторые... очевидно, думают, что звание члена Общества политкаторжан служит иммунитетом, дает право на безнаказанность. Нет, Общество б[ывших] политкаторжан и ссыльных, куда вошли люди, которые от-

⁷ Стенограмма собрания коммунистов // РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 40. Л. 48.

⁸ Резолюция общего собрания Ленинградского отделения Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев от 11 мая 1933 г. // Там же. Д. 62. Л. 14.

⁹ Заседание фракции 5-го Пленума Центрального Совета Общества политкаторжан от 16 апреля 1932 г. // РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 42. Л. 39, 42.

¹⁰ Заседание фракции ВКП(б) ВОПК от 11 апреля 1932 г. // Там же. Д. 58. Л. 178.

давали свои силы делу революции... не допустит в своих рядах людей, которые хоть в какой бы то ни было степени солидаризируются с врагами рабочего класса», и если «у кого-либо возникает сомнение в беспристрастности в данном случае органов нашего пролетарского суда, то это уже дело очень плохое»¹¹. Когда эти слова произносились, до закрытия Общества оставалось всего несколько месяцев. И всего через два года начнутся массовые расстрелы людей, некогда с гордостью носивших звание члена Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

¹¹ Доклад Ем. Ярославского на общем собрании членов Общества политкаторжан от 3 февраля 1935 г. // Там же. Д. 45. Л. 21–22.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

к.и.н. А. Ю. Суслов
*(Казанский национальный исследовательский
технологический университет)*

Важнейшей предпосылкой научного изучения истории партии социалистов-революционеров (ПСР) является публикация источников. В советскую эпоху специальных научных изданий документов по послеоктябрьской истории ПСР не было. Единственной крупной публикацией документов партии эсеров оставался сборник, составленный голландским историком М. Янсенем в основном по материалам архива Международного института социальной истории (г. Амстердам)¹. Восполнить этот пробел была призвана трехтомная публикация документального наследия ПСР за 1900–1922 гг., осуществленная в рамках большого проекта по изданию документов российских партий Центром политической и экономической истории России Российского независимого института социальных и национальных проблем и издательством «РОССПЭН».

Применительно к послеоктябрьскому периоду наибольшее значение имеет публикация второй части третьего тома сборника «Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы», охватывающего период октября 1917–1925 гг.² В сборник вошли около 300 документов, значительная часть которых публикуется впервые — материалы VIII Совета ПСР 1918 г., протоколы заседаний и иные документы ЦК за 1918–1920 гг. В целом материалы сборника позволяют воссоздать целостную картину истории ПСР 1917–1925 гг.

¹ Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П.С.Р. / собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в пореволюционный период Marc Jansen. Amsterdam: Stichting beheer IISG, 1989. 772 с.

² Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3 т. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. 1925 г. М.: РОССПЭН, 2000. 1055 с.

В то же время необходимо отметить ряд моментов, снижающих значимость этой, безусловно, полезной публикации. Во-первых, вызывает сожаление, что составитель сборника Н. Д. Ерофеев ограничился документами только двух фондов Российского государственного архива социально-политической истории — Ф. 274 (Центральный Комитет партии социалистов-революционеров) и Ф. 76 (Ф. Э. Дзержинский). Это привело к тому, что целый ряд неопубликованных документов ПСР, представляющих значительный интерес, в сборник не попал. Так, публикация документов сентябрьской (1920 г.) конференции ПСР осуществлена по отчетам в «Революционной России» (с. 652–677). В то же время сохранился протокол конференции, содержащий как доклады с мест, так и доклад ЦК, резолюции и др.³

Не использованы в сборнике и документы Ф. 673 РГАСПИ, содержащие микрофильмированные документы из архива ПСР в Международном институте социальной истории (г. Амстердам). В частности, не опубликована важная выписка из протокола заседания ЦК ПСР от 26 октября 1920 г. (в сборнике последний опубликованный протокол ЦК ПСР датируется 26 апреля 1920 г.), содержащая решение по вопросу о поведении членов партии на допросах. Не попали в поле зрения публикатора протоколы заседаний ЦК ПСР (к сожалению, очень краткие) за 1921 г., также хранящиеся в РГАСПИ.

Эти упущения особенно заметны при анализе документов судебного процесса 1922 г. Опубликованы только речи и последние слова некоторых подсудимых, напечатанные в свое время в «Революционной России».

Этот пробел был частично восполнен выходом в свет документального сборника о процессе ПСР 1922 г., составителями которого выступили С. А. Красильников, К. Н. Морозов и И. В. Чубыкин⁴. Сами источники распадаются на две части. Опубликованные впервые документы из фондов АП РФ (три тематических дела) раскрывают механизм подготовки процесса, сущность агитационно-пропагандистской кампании, реакцию зарубежных наблюдателей на процесс. В приложении приведены документы из разных архивов (ГА РФ, РГАСПИ,

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 138. Л. 16–29.

⁴ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь — август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / сост. С. А. Красильников, К. Н. Морозов, И. В. Чубыкин. М.: РОССПЭН, 2002. 1007 с.

ЦА ФСБ, МИСИ), в том числе подлинники последних слов подсудимых, переданных заключенными через своих жен и опубликованные за границей в «Революционной России». Использование этих автографов позволило увидеть все те текстологические изменения, которые не вошли в опубликованный в 1922 г. вариант. Весьма подробные комментарии, объемные качественные биографические справки существенно дополняют картину послеоктябрьской истории ПСР. В то же время, к сожалению, вновь осталась не введенной в научный оборот стенограмма процесса 1922 г. Пока лишь в некоторых работах имеются ссылки на этот ценный источник.

Вместе с тем долгое время основной источник по истории процесса 1922 г. — стенограммы судебных заседаний — оставался недоступен большинству исследователей и не был введен в научный оборот. В связи с этим значимость публикации этих документов, начатой в 2011 г., трудно переоценить. Составителями сборника выступили В. К. Виноградов, В. Н. Сафонов, В. С. Христофоров под научной редакцией профессора Казанского университета А. Л. Литвина⁵.

Публикация стенограмм, осуществляемая по машинописным копиям из архива ЦА ФСБ РФ (фонд Н–1789), содержит стенографические отчеты 47 судебных заседаний Верховного революционного трибунала ВЦИК. В первых двух томах (из планируемых четырнадцати) опубликованы стенограммы за первые девять дней процесса вплоть до 17 июня 1922 г. включительно. В центре внимания Трибунала в это время находились процессуальные вопросы — отвод всего состава суда, заявленный представителем 1-й группы обвиняемых М. Я. Гендельманом, вызов свидетелей, приобщение документов, формальный опрос обвиняемых о признании ими своей вины. Чрезвычайно важным для выяснения позиции партии социалистов-революционеров по целому комплексу проблем истории послеоктябрьской России является декларация обвиняемых 1-й группы, зачитанная 10 июня 1922 г. Е. М. Тимофеевым. Между Трибуналом и зарубежными защитниками (Э. Вандервельде, К. Розенфельдом, А. Вотерсом, Т. Либкнехтом) шел спор из-за различных интерпретаций соглашения, подписанного в Берлине представителями трех Интернационалов. Постоянные нарушения этого соглашения, отклонение практически всех просьб защиты привели к тому, что иностранные защитники покинули процесс.

⁵ Правозащитный политический процесс в Москве. 8 июня — 4 августа 1922 г. Стенограммы судебных заседаний: в 14 т. Т. 1, 2 / науч. ред. А. Л. Литвина. М.: РОССПЭН, 2011. 687 с.

С 12 июня 1922 г. Трибунал начал рассматривать вопросы, изложенные в «Обвинительном заключении»: юнкерское восстание в Петрограде 28–29 ноября 1917 г., защита эсерами Учредительного собрания, работа военной организации ПСР в 1918 г., Собрание рабочих уполномоченных. По всем этим вопросам сталкивались две точки зрения: Трибунала, активно поддерживаемая частью обвиняемых, и обвиняемых 1-й группы, отстаивавших свою позицию. Стенограммы судебных заседаний дают весьма четкую картину того, что Трибунал исходил вовсе не из юридических норм, а из политической логики партии, захватившей власть.

К сожалению, сборник не лишен определенных недостатков. Первый из них заключается в отсутствии перевода на русский язык выступлений иностранных защитников на процессе и показаний свидетелей (Л. Фроссара). Второй недостаток — отсутствие комментариев и именного указателя, что лишь в определенной степени компенсируется содержательным введением. Стенограмма процесса 1922 г. является сложным источником, требующим внимательного анализа. Со стороны всех участников процесса были и умолчания, и сочетание правды, полуправды и откровенной фальсификации. И подсудимые, и сам Трибунал рассматривали судебный процесс как продолжение политической борьбы. В связи этим научный комментарий был бы весьма полезен.

Современные документальные публикации существенно обогатили картину истории ПСР после октября 1917 г. В то же время многие сюжеты нуждаются в дальнейшем исследовании, в том числе в плане публикации документальных источников. Прежде всего это документы местных партийных организаций, в том числе столичных, которые еще полноценно не введены в научный оборот. Требуется внимательного анализа деятельность подпольных эсеровских групп в Советской России в 1920-е гг., их связь с эмиграцией и репрессии по отношению к ним. Наконец, весьма важна публикация обширного идейно-теоретического наследия эсеровской эмиграции.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В СРЕДНЕЙ АЗИИ. КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.

О. Д. Тальская
(МГУ)

С момента завоевания царской Россией Средней Азии вопрос устроения мирного сосуществования с местным народом был первичной задачей империи. Таковым он оставался и на протяжении всего советского периода. Но менялись ли механизмы осуществления национальной политики?

Политика царизма в Средней Азии, затрагивающая вопросы социально-экономического, культурного развития местного населения была воспринята среднеазиатской интеллигенцией неоднозначно. И Александр II, и Александр III проводили политику унификации национальных регионов, выражавшуюся в русификации, но при этом поощрялись национальные и культурные традиции, местная элита сохраняла свое прежнее положение, а мусульманское духовенство и члены их семей даже освобождались от налогов. Движение джадидов, стремившееся объединить прогрессивное развитие народа с традиционностью и религиозностью и радикально настроенные слои мусульманского населения активно взялись за дело революции, которая манила их свободой, давала возможность «ответить» работодателям, несмотря на то что в ходе реформ, проводимых царской властью в Средней Азии, не наносилось прямого урона устоям мусульманства, воспринимавшегося местным населением не просто как религия, а как образ жизни, не ломались и местные поземельные отношения. Накаляла обстановку ситуация с переселением русских крестьян. К 1910 г. на территории Туркестанского генерал-губернаторства насчитывалось 124 таких поселения, где проживало около 70 тыс. человек¹. Но все же политика этого периода не сводилась только к военщине, учитывались интересы коренного населения, их особенности.

К 1917 г. стремление жителей Средней Азии к независимости актуализировалось. Показательной является предвыборная борьба за

¹ Хидоятов Г. А. Моя родная история. Ташкент: Укитувчи, 1990. С. 288.

места в ташкентской городской думе летом 1917 г. Уже организационно оформившиеся к тому времени партии «Шурои Исламия» во главе с Краевым мусульманским советом и «Шурои Улема»² получили 74 места из 112. Это вызвало в среде демократических сил Туркестана из европейского населения бурный протест. Они открыто заявили о консервативных началах представителей коренного населения, их политической незрелости. Такое заявление не могло не отразиться на межнациональных отношениях. Множественные конфликты на национальной почве вспыхнули в регионах края. Одним из самых кровопролитных стало столкновение в Семиречье между русскими крестьянами и киргизами и казахами, вернувшимися после февральской революции из Китая, куда они бежали после подавления восстания 1916 г. Отсутствие единого властного органа посеяло череду конфликтов, которую можно было решить лишь с появлением нового действенного руководства.

В октябре 1917 г. в новый орган власти «Краевой Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» (который позже стал именоваться Советом народных комиссаров Туркестанского края) представители коренного населения не вошли. В ответ на это на улицы Ташкента вышли тысячи митингующих мусульман с лозунгами «За автономный Туркестан». Но поначалу мирный митинг перерос в беспорядки и обогрился кровью.

После полного установления советской власти и создания Туркестанского бюро ЦК РКП(б) в 1920 г. национальный вопрос уже не имел такого ярко выраженного характера. А с созданием Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), ставшего верховным органом партии в Средней Азии, первостепенными вопросами стали борьба с басмачеством (что тоже отчасти можно назвать вопросом национальной политики) и национально-государственное размежевание среднеазиатских республик. Однако и в рядах партии были недовольные проводимой политикой, которая, как им казалось, не учитывала национальных особенностей. Так, в период проведения коллективизации выделилась группа так называемых национал-уклонистов, считавших, что в кишлаках и аулах ни о какой классовой борьбе не может идти и речи, а, следовательно, отрицали и применение решительных мер к баям (зажиточное крестьянство), тогда как партия считала их эксплуатато-

² 20 сентября 1917 года «Шурои Исламия», «Турон», «Шурои Улема» и др. объединились в единую для всего Туркестана и Казахстана партию «Союз мусульман».

рами трудящегося дехканства. В связи с этим в Узбекистане и Туркменистане имели место попытки возврата баям земель, отобранных у них во время земельно-водной реформы.

В ноябре 1926 г. в Москве состоялось «частное совещание ВЦИК», в котором принимало участие около 50 членов ВЦИК от автономных республик и областей РСФСР, в том числе и от Киргизии. «Спекулируя на отдельных недостатках и ошибках в проведении национальной политики и раздувая их, они обвинили партию и Советское правительство в игнорировании интересов нерусских национальностей и невыполнении решений XII съезда партии о ликвидации фактического неравенства ранее угнетенных народов. Они требовали форсирования индустриального развития окраин, не считаясь ни с реальными возможностями этого, ни с интересами планового развития экономики всего Советского Союза»³, — пишет историк-исследователь М. Ф. Андерсон. Это способствовало активизации националистов в республиках Средней Азии. В это же время в Компартии Узбекистана возникает так называемая иногамовщина. Р. Иногамов отстаивал интересы национальной интеллигенции, продолжавшей идеологию джадидизма. Вслед за этим в Туркменистане партийный деятель М. Тумайлов выступает за ликвидацию Средазбюро и других среднеазиатских органов как неспособных справиться с вопросами национальной политики. Решить вопрос он предлагал увеличением зарплаты рабочим коренных национальностей и снижением налогов дехканам. Несмотря на то что предложения, естественно, оставили без рассмотрения, это говорит о довольно либеральной позиции внутри самой партии.

Бесспорно, что осуществление национальной политики в каждый период имело свои особенности, но цель всегда сводилась к мирному сосуществованию народов на такой огромной территории.

Наследие царской России — край, население которого было глубоко религиозным, где дифференциация населения была столь сильна, а традиции чтились несмотря ни на что, было сложно превратить в социалистическое общество. Вспышки национализма и сепаратизма были для данного региона нормой, может именно поэтому, спустя не один десяток лет, местное население с радостью и восторгом заговорило о долгожданной свободе, которой им удалось добиться.

³ Андерсон М. Ф. Из истории партийного строительства в Средней Азии. Душанбе: Ирфон, 1966. С. 147.

ДОКУМЕНТЫ ИЗ ФОНДОВ РГАСПИ КАК ИСТОЧНИК О ВЗГЛЯДАХ ДЕЯТЕЛЕЙ РКП(б) НА ПРОБЛЕМУ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СМЕРТИ ГЕРОЕВ РЕВОЛЮЦИИ

*к.и.н. Л. Е. Терещенков
(ПетрГУ)*

Уже в первые годы по окончании революции деятели РКП(б) начинают разрабатывать проекты, связанные с оформлением исторической памяти о прошедшей революционных событиях. Для этого самое пристальное внимание уделяется проблеме коммеморации. Речь идет не только о знаменитой программе монументальной пропаганды, но и о разработке революционных ритуалов. Особое место в этом ряду отводилось похоронам прославленных деятелей революции.

В фондах РГАСПИ отложились источники, свидетельствующие, что официальный подход к организации революционных похорон встречал оппозицию. В частности, в фонде Истпарта находится протокол слушаний доклада «Комиссии по борьбе с фетишизмом», резолюция по нему и ряд сопутствующих документов. Эта подборка документов и нарративов живо характеризует борьбу, развернувшуюся в период между похоронами В. И. Ленина и празднованием 20-летия революции 1905–1907 гг.

Рискнем предположить, что поводом к появлению данной комиссии в недрах Общества старых большевиков при Истпарте стало захоронение тела В. И. Ленина в мавзолее. Однако открытое противостояние «Комиссии...» и ЦК РКП(б) началось на похоронах В. П. Ногина в мае 1924 г. М. С. Ольминский — старый большевик, ветеран партийной печати, один из организаторов Истпарта — отказался нести почетный караул у тела умершего¹. При разбирательстве дела на собрании первичной партийной организации М. С. Ольминский заявил о принципиальном несогласии с практикующимся порядком похорон умер-

¹ Выписка из протокола № 42 Заседания Бюро ячейки РКП(б) при ЦК РКП(б) от 2-го июня 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 329. Л. 74.

ших коммунистов. После чего ему согласно резолюции партячейки «было предложено заявить о своем поступке в ЦКК»².

Чтобы уяснить причины этого поступка, необходимо обратиться к статье М. С. Ольминского «О Двоеверии». В ней автор предпринимает яркий мемуарный экскурс в историю борьбы естественно-научных представлений и религиозного воспитания во времена его детства в 1870-х гг. Но затем специально оговаривается: «Все это я пишу не ради воспоминаний, а чтобы поставить вопрос о нашем коммунистическом двоеверии»³. Причину нарушения им партийной дисциплины автор статьи объясняет следующим образом: «Мне лично было приказано ячейкой однажды участвовать в несении “почетного караула” при трупе. Я, конечно, отказался демонстративно, так как считаю, что “почетный караул” является лишь видоизменением “чтения по покойнику”, а “почетные караульщики” заменяют дьячков и монашек»⁴.

Он следующим образом объясняет ошибки линии партии: «...в последние годы, читая наши газеты, пришлось невольно обратить внимание, что когда говорится о смерти видного коммуниста, то пишется не “умер”, а “почил”, не “труп”, а “прах” и т. п. А когда собирают на памятник деньги, то стали говорить, что это не “сбор”, а “лепта”, и, наконец, как бы признавая, что душа умершего коммуниста требует провода тела на кладбище, приглашают “отдать последний долг товарищу”, как будто он был кредитором и теперь требует возврата долга»⁵.

Пышные похороны, по его мнению, — это косвенное признание существования загробной жизни. М. С. Ольминский как революционер-атеист был убежден, что после смерти никакого будущего даже у самого прославленного революционного бойца быть не может. Тут его мнение и мнение его сторонников расходится с мнением руководства партии, которая препровождала умершего революционера пышными похоронами в пространство не загробной жизни, но коллективной памяти. М. С. Ольминский как бескомпромиссный «футурист» полагал, что тело не предназначено для коммеморативных практик, но жизнь и смерть революционера должны служить задачам социалистического строительства и индустриализации. В своем завещании, которое было

² Выписка из протокола № 42 Заседания Бюро ячейки РКП(б) при ЦК РКП(б) от 2-го июня 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 329. Л. 74.

³ *Ольминский М. С.* О двоеверии (В дискуссионном порядке) // РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 329. Л. 70.

⁴ Там же. Л. 72.

⁵ Там же. Л. 70.

отправлено в ЦКК РКП(б) и в первичную парторганизацию при ЦК РКП(б), он заявил: «В случае моей смерти прошу закопать меня в землю [...] без гроба, в одном белье, в присутствии только могильщиков и милиции. Никаких проводов трупа, никакой перевозки его, никаких венков и дежурств не должно быть. Не ставить никакого памятника над могилой, место тотчас заровнять»⁶.

Отсюда вытекает его вульгарно-материалистический утопический взгляд на необходимость создания фабрик для конвейерной переработки усопших. В бумаге, озаглавленной «В ЦКК», М. С. Ольминский заявляет: «Наиболее соответствующим видом похорон признаю; без всяких церемоний отправлять трупы из больницы на утилизационные заводы, где вырабатываются из костей — удобрение, а из жира и мозга — мазь для смазки машин и для прочих технических целей»⁷. Завещание старого большевика также содержит пространное выпущенное нами пожелание на этот счет.

Подобный взгляд являлся отражением доведенного до логического предела атеизма и пролетарского фордизма. Эти идеи перекликались и с фантастической литературой первой трети XX века. Достаточно упомянуть Герберта Уэллса с его «Машиной времени». Подобные взгляды являлись также отражением травматического опыта Первой мировой и Гражданской войн с их новой физиологией войны, когда полностью уходила сакрализация тела.

Дабы показать, что он не собирается попусту скандализировать партийную общественность, М. С. Ольминский разъясняет, что «похороны являются у нас точной копией буржуазных и царских похорон [...] Почтить память надо не пошлыми венками, памятниками над могилой и прочими буржуазными затеями, а путем усиления литературной и словесной пропаганды и агитации, связывая их с жизнью и смертью товарища»⁸.

Идеи М. С. Ольминского встретили горячий отклик у ряда членов «Общества старых большевиков» при Истпарте. В самом конце 1924 г. на заседании «Общества...» слушался доклад Комиссии по борьбе с фетишизмом. Заслушав доклад, собрание приняло резолюции, в чис-

⁶ *Ольминский М. С.* Мое завещание // РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 329. Л. 76.

⁷ *Ольминский М. С.* В ЦКК от 11 июня 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 329. Л. 80.

⁸ *Ольминский М. С.* В ЦКК от 11 июня 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 329. Л. 80.

ле которых было предложение: «По вопросу о Мавзолее Ильича поручить Комиссии подготовить письмо в ЦК с просьбой подвергнуть вопрос пересмотру»⁹. Однако в письме от «Общества старых большевиков» И. В. Сталину этого пункта уже нет¹⁰.

Старых большевиков поддерживали текстильщики Рогожско-Симоновского района. Одно из партсобраний сообщало лично М. С. Ольминскому: «Заслушав доклад тов. Калмансона о погребении большевиков, ячейка Группкома текстильщиков ПОСТАНОВИЛА: собрание ячейки РКП(б) и РЛКСМ поддерживает решение старых большевиков о похоронах большевиков без политических речей, без процессий и других обрядов, хотя и нерелигиозного характера»¹¹.

Таким образом, в начале 1920-х гг. в РКП(б) боролись две линии. Во-первых, научных атеистов, последовательность рассуждений которых доходила до определенной вульгаризации проблем смерти. Вторую линию представляли прагматики, которые начинали работу по созданию имперского большого стиля. Тем более что похороны великого государственного деятеля с римских времен являлись одним из основополагающих ритуалов поддержания имперского сакрального пространства.

⁹ Выписка из протокола № 7 заседания бюро Общества старых большевиков от 28 декабря 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 329. Л. 75.

¹⁰ Общество старых большевиков при Истпарте. В ЦК РКП(б). Секретарю ЦК РКП(б) тов. Сталину от 19 января 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 329. Л. 69.

¹¹ Копия т. М. С. Ольминскому. Выписка из протокола № 14 от 10 декабря 1924 г. ячейки РКП(б) совместно с членами РЛКСМ и беспартийных при Группкоме текстильщиков Рогожско-Симоновского района // РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 329. Л. 77.

**ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ КАМПАНИЙ
ПО БОРЬБЕ С «ОБЪЕКТИВИЗМОМ»
И «КОСМОПОЛИТИЗМОМ» (1948–1950)
В ЛИЧНЫХ ФОНДАХ ИСТОРИКОВ В АРХИВЕ РАН**

*к.и.н. В. В. Тихонов
(ИРИ РАН)*

Работа посвящена обзору материалов по истории идеологических кампаний по борьбе с «объективизмом» и «космополитизмом», сохранившихся в личных фондах историков в Архиве РАН (АРАН)¹.

В фондах отложились различные материалы, имеющие прямое отношение к идеологическим кампаниям. Особенно много удалось обнаружить стенограмм заседаний и собраний различных научно-исследовательских и образовательных учреждений. Их значительное количество во многом объясняется тем, что стенограммы присылались участникам для дальнейшей правки. Но была и другая причина: участники дискуссий старались сохранить стенограммы для того, чтобы в последующем представить их в качестве свидетельства своей «правильной» позиции, использовать их против недоброжелателей, подготовиться к новым дискуссиям, написать на их основе статьи. Ценность стенограмм, отложившихся в фондах историков, увеличивается еще и потому, что многие из них отсутствуют в фондах учреждений либо поиск их затруднен.

Любопытные документы можно обнаружить в фонде академика А. М. Панкратовой. Она занимала важные посты в исторической науке, поэтому оказалась в центре проходивших кампаний, в которых ее задачей было донесение идеологических директив до широкой научной общественности. Это отразилось в ее докладах в различных научно-образовательных учреждениях².

В фонде Ф. В. Потемкина сохранилась неправленная стенограмма объединенного заседания исторических кафедр Высшей партийной

¹ Архив Российской академии наук (АРАН). Путеводитель по фондам (Москва). Фонды личного происхождения М., 2008.

² АРАН. Ф. 697 (А. М. Панкратовой). Оп. 1. Ед. хр. 49–50, 70, 97.

школы (ВППШ) при ЦК ВКП(б), состоявшегося 4–6 апреля 1949 г.³ На этом заседании разгромной критике подверглись Е. Н. Городецкий и К. В. Базилевич.

Фонд Е. Н. Городецкого содержит заявления в партком ВППШ при ЦК ВКП(б) в партком МГУ, в Отдел пропаганды и агитации, написанные в разгар антикосмополитической кампании⁴. В них историк требует аннулировать выдвинутые в ходе проработок в ВППШ и МГУ обвинения, а также рассмотреть с точки зрения партийной этики поведение его критиков. К заявлениям приложен экземпляр газеты «Сталинец», печатавшейся в ВППШ. Номер за 26 марта 1949 г. посвящен борьбе с космополитами. Здесь же можно обнаружить статью ученицы Е. Н. Городецкого Л. А. Зак в его защиту⁵. Статья так и не была опубликована. Картину гонений на ученого дополняют его объяснительная записка в ЦК ВКП(б) по поводу анонимного письма 1949 г. о помощи репрессированному Л. Э. Разгону (брату известного историка И. М. Разгона)⁶ и заявление в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) с объяснением по поводу обвинений в ошибках, допущенных при издании сборников исторических документов. В последнем историк признал свою вину в том, что допустил политические ошибки, напечатав документы не только большевиков, но и других партий. Все это прекрасно иллюстрирует археографическую практику тех лет, когда даже документальные публикации строились по принципу партийности.

Необходимым дополнением к стенограммам заседаний и переписке с партийными и властными инстанциями являются источники личного происхождения, в первую очередь дневники. Сразу заметим, что беспокойное время, когда дневник мог стать важным источником обвинения, не способствовало их ведению. В Архиве РАН сохранились дневники Б. Б. Кафенгауза (Ф. 1580) и М. Н. Тихомирова (Ф. 693).

Дневник Б. Б. Кафенгауза отличается предельной сухостью и лаконичностью, автор предпочитает только фиксировать события. Лишь однажды он дает оценку событиям. После совещания в Институте истории, прошедшего с 15 по 18 октября 1948 г. и посвященного борь-

³ АРАН. Ф. 1692 (Ф. В. Потемкина). Оп. 1. Ед. хр. 80.

⁴ Там же. Ф. 2055. (Е. Н. Городецкого). Оп. 1. Ед. хр. 72.

⁵ Большие отрывки статьи опубликованы в монографии А. Л. Юрганова. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 620–622.

⁶ АРАН. Ф. 2055. Оп. 1. Ед. хр. 73.

бе с «буржуазным объективизмом», он записал: «Об этих заседаниях осталось тягостное настроение»⁷.

В дневниковых записях М. Н. Тихомирова, наоборот, много подробных характеристик историков и событий, они полны горькой иронии и часто негодования от происходящего. В разгар борьбы против «буржуазного объективизма» он записал: «Сейчас все разделились на две группы: тех, кто пишет и кого ругают, и тех, кто ничего не пишет, но зато всех ругают. Сегодня я встретил знакомого профессора и спросил его: «Как живете?» Ответил: «Хорошо, потому что ничего не пишу»⁸.

Архивные источники позволяют атрибутировать важнейшие директивные статьи, направлявшие ход идеологических кампаний. Например, в ходе изучения материалов историка И. А. Кудрявцева (Ф. 1690), проработавшего продолжительное время в редакции журнала «Вопросы истории», выяснилось, что он был одним из авторов нескольких печально известных передовиц журнала. Например, таких как «Об образовании Русского централизованного государства» и «Против объективизма в исторической науке»⁹.

С несколько неожиданного ракурса позволяют осветить проходившие кампании документы, обнаруженные в фонде академика В. М. Хвостова и показывающие процесс написания школьного учебника по Новой истории¹⁰. Заметим, что анализ влияния идеологических кампаний послевоенного времени на школьные учебники по истории — тема до сих пор незатронутая. В источниках отразились многие перипетии создания учебника.

Таким образом, документы персональных фондов историков служат серьезным подспорьем в изучении советской исторической науки в условиях идеологических кампаний. Безусловно, источники зачастую фрагментарно отражают проходившие события, но в то же время они существенно дополняют архивы учреждений, а источники личного происхождения позволяют взглянуть на проблему глазами участников. Дальнейшие поиски в личных фондах сулят немало интересных находок.

⁷ Там же. Ф. 1580 (Б. Б. Кафенгауза). Оп. 2. Ед. хр. 44. Л. 22.

⁸ Там же. Ф. 693 (М. Н. Тихомирова). Оп. 6. Ед. хр. 2. Л. 4.

⁹ Мельник А. Н. Творческие материалы личного фонда И. А. Кудрявцева // Археографический ежегодник за 1984 г. М., 1986. С. 286.

¹⁰ АРАН. Ф. 1667. Оп. 1. Ед. хр. 512.

С. П. ШЕВЫРЕВ: ВЫРАЖЕНИЕ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ В ЯЗЫКЕ

Л. И. Томей
(МГУ)

Современные исследователи творчества Степана Петровича Шевырева характеризуют его как выдающегося русского мыслителя XIX века, политического публициста, поэта и литературного критика, историка литературы и искусства, педагога и организатора университетского образования¹.

В своем творчестве Шевырев исследовал вопросы происхождения отечественной литературы, влияния языка на восприятие действительности народом. Чтобы реконструировать взгляд ученого на проблему выражения русской народности в языке, сперва определимся в понятиях. Наверное, самое проблемное здесь — понятие «народность». Самое распространенное определение гласит: «Народность — это исторически сложившаяся языковая, территориальная, экономическая и культурная общность людей, предшествующая нации»².

Наш современник, д.ф.н. Рукавицын Михаил Максимович, занимавшийся проблемой народности искусства, отмечает, что «народность традиционно толкуется как отражение определенного взгляда на народ и его реальное положение в историческом процессе». Автор добавляет, что «с народностью прежде всего ассоциируются наши представления о гуманистических идеалах. На нее “равняется” художник в поисках наиболее совершенных форм отражения жизни и способов выражения своих эстетических взглядов и воззрений. От нее неотделимы такие понятия, как правдивость и идейность, художественность и образность»³. Много раньше К. С. Аксаков писал о

¹ *Ширинянец А. А.* Вступ. статья // *Шевырев С. П.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 5.

² Этнопсихологический словарь. URL: <http://ethnopsychology.academic.ru/220>

³ *Рукавицын М. М.* Народность искусства как философско-эстетическая проблема. Дис. ... докт. филос. наук. М., 1983 г.

том, что народность — суть самостоятельности народа. Так или иначе, для народности характерны замена прежних кровнородственных связей территориальной общностью, племенных языков — единым. Для становления народности необходимы накопление общественных, как духовных, так и материальных, ценностей, а также пространственный и временной факторы.

Шевырев весьма поэтично говорит о народности: «Из всех идей современных самая живая — идея народности. Ей Италия обязана своим возрождением. Итальянский философ Вико говорит, что каждый народ призван вложить свою частицу в человеческую мудрость, которая слагается из здравых смыслов каждой народной личности. Следовательно, по Вико, мудрость человеческая до тех пор не будет полна, пока все народы не внесут в нее своих вкладов,⁴ — Шевырев развивает мысли Вико. — Были народы, которые уже вложили дары свои в общую сокровищницу и сошли с лица земли. Есть другие, которые продолжают свои приношения и стоят во главе европейского образования. Есть, наконец, третьи, которые хотя отчасти и сказали уже свое слово, но оно не было еще услышано другими, и действия их принадлежат более будущему, нежели прошедшему. К третьей категории принадлежим и мы»⁵.

Спрашивая, что есть народное, Степан Петрович замечает, что «...оно принадлежит к разряду тех идей, которые более чувствуются сердцем, нежели определяются мыслью: таковы идеи прекрасного и поэзии»⁶. Поэтому вполне логичным кажется для ученого, что сила народная «ни в чем так не сказалась, как в языке. Язык есть невидимый образ всего народа, его физиономия. У нас довольно изучали грамматику языка и словарь его; но почти нисколько не обратили внимания на то, как в русском языке выражаются дух и характер Русского народа»⁷. Это и становится задачей для историка.

Анализируя русский язык, Степан Петрович утверждает, что он является одним из древнейших, как санскрит, греческий, латынь, кельтский и готский. В звуковом отношении русский язык отличается от европейских разнообразием звуков. «В этом звуковом богатстве

⁴ Шевырев С. П. Избранные труды // Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 351.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 352.

заключается тайна нашей способности говорить на всех почти языках, за что нас славят другие народы и в чем нам сочувствуют»⁸. Именно потому мы находимся на рубеже Европы, что «...нам суждено усвоить и соединить все результаты европейского образования, для чего языки служат лучшим орудием»⁹. Наша речь «сложилась из двух стихий: языка славяно-церковного и устного народного, которые издревле между собою различались»¹⁰. Теперь они так слиты в нашем языке, что разделить их невозможно. Славяно-церковный язык, с одной стороны, подразумевает некоторую статику и стабильность языковых форм, особенно грамматики, язык народный, устный, с другой стороны, не подчинен никаким оковам грамматики, он характеризуется динамичностью и живостью: всякое правило подвергается в нем множеству исключений. «Не выражается ли и в этом резкая черта народного характера?» — задается вопросом ученый.

Особенно интересным представляется глагол в русском языке, который отличается своими формами от глаголов других языков. «Особенно сильно развито в нем повелительное наклонение: русский язык употребляет наклонение неопределенное: *молчать!* *быть по сему!* Есть еще особенный способ отдавать приказание посредством прошедшего совершенного, русский человек говорит: пошел! Его воля так сильно выражается, что он желал бы, чтобы приказание его перешло в прошедшее в тот самый миг, как он отдает его»¹¹. Примечательно, что в нашем языке отсутствует сослагательное наклонение, которое образуется у нас частицей «бы», но так распространено в латыни. А народ, говоривший на этом языке, «изобрел римское право и в нем особенно развил систему *договоров* со всеми ее утонченностями»¹². Русский народ, напротив, договоров не любит и особенно боится писанных, полагаясь лишь на силу устного слова.

Наш глагол имеет виды, которые «выражают возможность или сократить действие в одну секунду времени, или растянуть его на самое большое пространство. Не выражается ли в этой возможности сокращать и растягивать действие времени то свойство Русского народа, по которому он сокращает иногда века в десятки лет, годы в месяцы, ме-

⁸ Шевырев С. П. Избранные труды... С. 353.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 354.

¹² Там же.

сяцы и дни в мгновения; ленится и растягивает время свое, не дорожа им, а потом пробуждается вдруг и действует..?»¹³.

Перейдем к словарю. В словах можно изучать первоначальную философию народа и историю его отношений с другими народами. Философия народа открывается нам в производстве слов от корней, таящих в себе подчас потаенный смысл. «Возьмем слово *мать*: оно имеет корень в санскритском глаголе *ма*, что значит *имаю, емлю, обнимаю*»¹⁴. Характеризуя русский язык чертами народного характера, историк заключает, что «наше слово было, по большей части, искренним и честным»¹⁵. Наверняка таким и видел Шевырев русский народ.

Говорить об этом можно бесконечно, а приводить занимательные примеры и того дольше. Острый ум ученого и особый стиль Шевырева делают его труды познавательными, пронизательными и живыми!

¹³ Шевырев С. П. Избранные труды... С. 355.

¹⁴ Там же. С. 357.

¹⁵ Там же. С. 360.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОХОТСКО-ОЛЬСКОГО ЛЕСНИЧЕСТВА В 1925–1930 гг.

Р. Е. Фирсов
(СВГУ)

На территории современной Магаданской области и Хабаровского края лесного хозяйства в дореволюционный период и первые годы советской власти не существовало, а лес заготавливали кустарным способом (почти исключительно местное население для собственных нужд — на топливо и для строительных целей)¹.

В советской и российской историографии не существует работ, раскрывающих всей полноты поставленного вопроса, поэтому изучение лесного хозяйства на территории современной Магаданской области имеет практической значение, сбор материалов и дальнейшая систематизация.

С установлением советской власти были проведены меры по устройству лесного хозяйства в стране, одно из них — создание Лесного кодекса РСФСР в 1924 г.² с последующими дополнениями и изменениями.

В данной работе на примере Охотско-Ольского лесничества Николаевского на Амуре округа рассматриваются основные вопросы лесопользования в период с 1925 по 1930 г.

Так, на 1928 г. Охотское лесничество обслуживало территорию свыше 30 миллионов м² по границам р. Вилига, м. Борисова и ЯСССР. Эта площадь административно была разделена на 2 района — Ольский и Охотский, имела 22 населенных пункта с общей численностью 593 хозяйства и населения около 3000 человек, не считая кочевников³.

¹ Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛАГ. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. 138 с.

² Лесной кодекс РСФСР (Собрание Узаконений 1924 г. № 58. Ст. 564).

³ Материалы Охотского лесничества (доклад, протокол технического совещания), подворные списки сел района и др. материалы за 1927–1928 гг. // Государственный архив Магаданской области. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 82. Л. 27.

Один из основных разделов Лесного Кодекса «О лесах местного значения», в котором говорится о выделении лесных участков и передаче их губернским земельным органом в бессрочное пользование. О проведении в жизнь этого раздела свидетельствует «Инструкция по отводу и передаче из государственного лесного фонда сельскому трудовому населению ДВ местного значения»⁴, которая была отослана лесообъезчику Ольского объезда лишь в октябре 1928 г. и то с пометкой, что инструкция пока не применяется⁵.

В организации лесного хозяйства на территории лесничества в обязанности каждого сельсовета входило предоставление райисполкомом подворных списков граждан селения на потребное количество дров и строевого материала для собственного потребления с указанием породы требуемой древесины, размера и количества бревен, кольев, жердей и количества кубических саженей дров⁶. Данная работа совершалась ежегодно.

Также проводилась таксация строевого и дровяного материала на основе циркуляров Краевого Земельного управления, расположенного в городе Хабаровске, где разграничивался отпуск леса платным потребителям (в числе их: госпотребители, кооперативы и общественные организации), льготным (в числе их: золотопромышленники) и бесплатным (самые маломощные хозяйства, как то: вдовы с малолетними детьми и старики, живущие своим собственным трудом, но не на иждивении). Отдельной статьей стояло кочевое население, которому разрешалась рубка леса для собственных надобностей круглый год, бесплатно и без ограничений.

Из отчетов по отпуску лесоматериалов по Ольскому объезду за 1925–1933 гг.⁷ следует, что за 1926–1927 бюджетный год лесоматериалов было отпущено на 785 рублей 47 копеек⁸, за 1927–

⁴ Инструкция по отводу и передаче из государственного лесного фонда сельскому трудовому населению ДВ местного значения. Хабаровск: Тип. Лит. акц. общ-ва «Книжное Дело», 1927.

⁵ Приказы по личному составу за 1928–1931 гг. // ГАМО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 100. Л. 1.

⁶ Переписка по вопросам лесопользования и охоты с ольским райисполкомом за 1928–1929 гг. // ГАМО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

⁷ Отчет отпуска лесоматериалов по Ольскому объезду за 1925–1933 гг. // ГАМО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 15.

⁸ Там же. Л. 6.

1928 бюджетный год — 783 рубля 73 копеек⁹, за 1928–1929 бюджетный год — 1753 рубля 58 копеек¹⁰. Но в докладе Охотскому райисполкому от Охотского лесничего на 1928 г. упоминается, что Ольский район в то время доходности не давал, и, очевидно, может дать только тогда, когда будет посещен лесным надзором¹¹.

Также из этого доклада видны побочные пользования в лесах Охотского лесничества: к ним относится сенокосение и охота. Упоминается, что за 1927 г. произведен раздел сенокосов между земельными обществами сроком на три года. Сроки и способы охоты разработаны для лесничества в 1926–1927 гг. и согласованы с РИК и Охоттовариществом. Лесничеством производится учет охотников, выдаются охотничьи билеты и наблюдается соблюдение сроков охоты¹².

В 1927 г. Охотскому лесничему Дальневосточным Земельным управлением было поручено, проработать вопрос о выделении на побережье Охотского моря территории под заповедник. Конкретно выяснить, не оказалось ли бы возможным наметить под заповедник территорию, прилегающую к одной из следующих рек: Улья, Еикан, Кекра, Лантарь или какой-либо другой¹³.

Контора лесничества располагалась в Охотске, объезды располагались: 1) в с. Ивановка, обслуживающее системы рек Кухтуяр, Гусинки, прииска с. Ивановку; 2) в Охотске, обслуживающее систему рек Охота, Хайбос, Рыбалки, Ульбею, Охотск, с. Иию, с. Новое Устье, с. Булгии¹⁴.

На 1927 г. в штат лесничества входили: 1 лесничий (с окладом 275 рублей), 1 помощник лесничего (с окладом 200 рублей), 3 лесообъездчика (с окладом 100 рублей), 1 сторож (с окладом 95 рублей)¹⁵.

На примере Ольского объезда можно рассмотреть текучесть кадров лесообъездчиков, так, в 1927 г. на эту должность был принят Г. И. Кочеров¹⁶. Но уже в феврале 1928 г. был назначен Л. К. Бровин¹⁷. В сен-

⁹ Отчет отпуска лесоматериалов по Ольскому объезду за 1925–1933 гг. Л. 11.

¹⁰ Там же. Л. 15.

¹¹ ГАМО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 82. Л. 29.

¹² Там же. Л. 28.

¹³ Там же. Л. 31.

¹⁴ Там же. Л. 27.

¹⁵ Там же. Л. 32.

¹⁶ Материалы лесообъездчика района (обязательное постановление Дальневосточного крайисполкома, выписка из протокола заседаний президиума РИКа, копии) и другие документы за 1927–1928 гг. // ГАМО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 61. Л. 11.

¹⁷ ГАМО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 82. Л. 26.

тябре 1929 г. на основании постановления проверочной комиссии по чистке партии и советского аппарата лесообъездчик Л. К. Бровин был уволен¹⁸. На его место был назначен Улин, который в марте 1930 г. уволился по собственному желанию¹⁹. Вместо уволившегося Улина был назначен временно исполняющий обязанности лесообъездчик Михайлов²⁰. С 1 апреля 1930 г. на должность лесообъездчика вместо временно назначенного Михайлова был назначен И. М. Пчелинцев²¹. Но 17 июля 1930 г. на двухнедельный испытательный срок вместо И. М. Пчелинцева на службу поступил Н. А. Шапдориков²².

Суть проблемы по охране лесов изложена в докладе охотского лесничего Д. Ф. Оглобина в 1928 г.: «Наше лесное хозяйство имеет свои болячки, некоторые из них в наших условиях неизлечимы, другие происходят по нашей вине. Отсутствие на побережье лесонадзора до 1925 г. и обилие леса дало повод населению не задумываться о ценности леса. Кажущееся на первый взгляд невинное лесонарушение, заготовка леса в неуказанном месте, имеет печальные последствия, каждому из Вас можно убедиться, просто посмотрев на прииск «Золотой кооператив» поселка Ивановки, где вырублены деревья, даже семенники (матки). И пройдут сотни лет, эти места останутся также голыми, так как искусственное облесение в наших условиях невозможно. Одно наше горе в том, что в этом деле мало встречаем мы помощи не только от населения, но и от Госучреждений»²³. Из цитаты следует, что в первые годы деятельности лесничества перед ним стояла большая работа по наведению порядка в лесах.

Таким образом, за 1925–1930 гг. сложилась структура с органами управления и кадровым составом, разработаны законодательные нормы и порядок лесопользования. Но также оставались острые проблемы: текучесть кадров, охрана лесов и, конечно, суровые климатические условия Дальнего Востока.

¹⁸ Приказы по личному составу. 1928–1931 гг. // ГАМО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 110. Л. 43.

¹⁹ Там же. Л. 54.

²⁰ Там же. Л. 55.

²¹ Там же. Л. 55.

²² Там же. Л. 61.

²³ ГАМО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 82. Л. 28.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ Д. И. ПИСАРЕВА И П. Н. ТКАЧЕВА

Ю. В. Фокина
(МГУ)

Д. И. Писарев и П. Н. Ткачев — важные фигуры в истории отечественной социально-политической мысли XIX века. В их жизненном пути можно найти некоторые сходства, основателя якобинского направления в народничестве нередко сравнивают с одним из ярчайших русских критиков, называют прямым преемником знаменитого нигилиста¹. Оба обладали литературным талантом, сотрудничали в одном журнале, имели непростой характер. М. К. Лемке полагал, что Ткачеву удалось бы преодолеть некую противоречивость своей программы, «если бы ему не суждена была печальная доля его блестящего предшественника по деятельности в “Русском слове” Писарева — умереть в тот момент, когда в нем начиналось нравственное преобразование, и новый путь открывался перед ним»².

Общие моменты можно увидеть и в их теоретическом наследии: оба отводили важную роль на пути преобразования российского общества деятельности интеллигенции. Писарев первостепенное значение в своей концепции отводит знаниям, они — двигатель и залог прогресса. По его мнению, все общественное зло происходит оттого, что у большей части народа нет возможности развивать свой интеллектуальный потенциал, а это приводит к тому, что «масса обыкновенно относится ко всем своим страданиям с одинаково угрюмой покорностью»³, видя во всех бедах лишь «наказание божие». Благоую, оздоровляющую роль здесь и может сыграть интеллигенция: нужно помочь народу соединить свое искреннее стремление трудиться со знаниями, только тогда из них удастся извлечь всю практическую пользу, и «богатства страны

¹ Морозов Н. А. Повести моей жизни: в 2 т. М.: АН СССР, 1961. Т. 1. С. 320.

² Лемке М. К. К биографии П. Н. Ткачева // Былое. 1907. № 8. С. 172.

³ Писарев Д. И. Французский крестьянин в 1789 году // Писарев Д. И. Сочинения: в 4 т. М., 1955. Т. 4. С. 399.

и народа начнут увеличиваться с невероятной быстротой»⁴. Одновременно с этим и политическому гнету буржуазии придет конец, так как приобретать и удерживать господство в обществе способен только тот класс (или круг людей), который «владеет наибольшим количеством развитых умственных сил»⁵. Успех новых идей определяется еще и разночинским характером интеллигенции: в ряды образованного общества поступают люди, в том числе из низших, знающих голод, слез народа, поэтому эти идеи они встретят с «пылким и сознательным сочувствием». Только умный и развитый человек может оберегать себя и других от страданий при плохих условиях жизни, в которых живет большинство. При необходимости интеллигенции не следует отвергать и идею насильственного переворота. Признавая, однако, что революции неизбежно наносят материальный и нравственный вред народу, ущерб от них, по мнению Писарева, несравним с теми последствиями, от которых они спасают⁶. Мыслящие защитники народа могут поддержать идею революции исключительно из любви к бедным людям, которым станет немного легче жить на свете. «При этом, — отмечает Писарев, — здесь нет никакой любви к шумным демонстрациям и занимательным потасовкам: если бы это облегчение могло быть достигнуто путем мирного преобразования, то мыслящие защитники народных интересов первые осудили бы переворот как ненужную трату физических и нравственных сил»⁷.

Идея насильственного переворота, совершенного умственно развитой частью народа, уже совсем близка Ткачеву. В его теории — бланкизме — это является ключевым фактом: строго организованная, интеллектуально развитая группа заговорщиков, используя террористические методы, должна захватить *политическую власть* в свои руки, тем самым произведя метаморфозу сил умственных в силы материальные. Однако в отличие от Писарева гораздо меньшие надежды Ткачев возлагает на народ. Политическая сила, по его мнению, нужна не только для того, чтобы противостоять классовым, идейным врагам, но и для того, чтобы иметь реальную власть над народом, который по своей необразованности и ограниченности может не сочувствовать никаким преобразованиям. Это в свою очередь приведет к тому,

⁴ Писарев Д. И. Очерки из истории труда // Писарев Д. И. Сочинения: в 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 311.

⁵ Там же. С. 329.

⁶ Писарев Д. И. Генрих Гейне // Там же. С. 229.

⁷ Там же. С. 229.

что неразвитое большинство тут же восстановит старый порядок, и именно поэтому народ необходимо направлять в нужную сторону, так как сам он не может знать, что для него лучше. После непосредственного захвата власти революционно настроенная интеллигенция должна установить переходный период в стране и постепенно начать перестройку государственных институтов и сознания народа. Все эти действия, по мнению Ткачева, должны привести к осуществлению общественного идеала — социализму⁸. Таким образом, якобинская программа строилась на принципе «революция во имя народа, но без народа»⁹, и подобное пренебрежение крайне возмущало многих деятелей освободительного движения.

Настоящее сочувствие и призыв не забывать о ведущей роли народных масс на сцене всемирной истории высказывал Писарев: «Настоящим фундаментом самых великолепных и замысловатых политических зданий всегда и везде является народная масса, и что постоянная заботливость о благосостоянии этой массы составляет первую и самую священную обязанность всякого, кому эта масса своим неутомимым трудом доставила возможность сделаться мыслящим и образованным человеком»¹⁰.

Возникшую в России интеллигенцию Писарев называет «новыми людьми» и «мыслящим пролетариатом». Она возникает в ходе того, что все больше знаний проникает в низшие слои общества. По его мнению, новоявленный класс отличает от остальной массы народа несколько важнейших обстоятельств: первое это то, что новые люди считают труд абсолютно необходимым условием человеческой жизни. Второе свойство — ум и чувства у мыслящего пролетариата находятся в гармонии, то есть каждый человек может сам отчетливо осознавать свое положение и свои поступки, ему уже не надо перекладывать это право на небольшое число мыслителей: «Новый человек верит своему уму и верит только ему одному»¹¹.

⁸ См.: *Ткачев П. Н.* Набат (Программа журнала) // *Ткачев П. Н.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1976.

⁹ *Шириняц А. А.* Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 548.

¹⁰ *Писарев Д. И.* Французский крестьянин в 1789 году // *Писарев Д. И.* Сочинения: в 4 т. М., 1955. Т. 4. С. 402.

¹¹ *Писарев Д. И.* Мыслящий пролетариат // *Писарев Д. И.* Сочинения: в 4 т. М., 1955. Т. 4. С. 9.

Образованность, расчет исключительно на свой ум — как раз те качества, которые так ценил Ткачев в деле освободительного движения. Развитие самосознания и чувства долга в тех людях, о которых говорил Писарев, должны были непременно в теории бланкизма привести к революции и осуществлению народного идеала — социализму.

Таким образом, на примере теорий двух радикальных мыслителей мы можем наблюдать зарождение идеи об исключительной роли интеллигенции в судьбе России; идеи, которая на много лет вперед определит одно из ключевых направлений дискуссий в отечественной социально-политической мысли.

ДВЕ НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РУКОПИСИ БАБЕФА ИЗ ФОНДОВ РГАСПИ КАК ПРИМЕРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ТАКТИКИ БОРЬБЫ В ТЕЧЕНИЕ ТРЕТЬЕГО ГОДА РЕВОЛЮЦИИ

О. Ю. Фролова

(Французский университетский колледж при МГУ)

Франсуа-Ноэль, или Гракх, Бабеф (1760–1796) — один из самых ярких персонажей Великой французской революции и создатель Заговора равных. То, что его жизнь и политические взгляды широко изучались советскими и современными русскими историками, определялось не только преемственностью многих его идей Октябрьской революцией, но приобретением в 1920-е гг. выдающейся коллекции его рукописей, хранящейся теперь в РГАСПИ. На ее базе было написано немало научных исследований, а главное, были изданы в 4 томах его сочинения¹, в то время как во Франции вышел только первый том аналогичного издания², но возможно, что фонды РГАСПИ станут основой для издания следующих.

Документы, хранящиеся в РГАСПИ, относятся к разным периодам жизни и деятельности Бабефа, но материалы, освещающие период термидорианской реакции, исследованы мало, хотя они позволяют по новому взглянуть на политическую культуру Бабефа в третий год революции. Во время написания мною дипломной работы «Политическая культура Бабефа в третий год революции» во Французском университетском колледже под руководством директора института истории Французской революции г-на П. Серна я использовала весь объем рукописного наследия Бабефа, хранящегося в РГАСПИ, большая часть которого составила 3 том вышеупомянутого издания. Сейчас мне хотелось бы остановиться на тех двух документах, которые не вошли в публикацию, хотя имеют большое значение для освещения одной из главных тем деятельности Бабефа в это время —

¹ *Бабеф Г.* Сочинения. Т. 1–4. М., Наука, 1975–1977.

² *L'inventaire des manuscrits et imprimés de Babeuf. P. Les éditions du C. T. H. S., 1976.*

борьбы за суверенитет народа, и в частности за сохранение народных обществ. Это «Дальнейшее развитие действий по захвату независимости народа»³ и «Проект петиции народа Парижа»⁴, написанные в октябре и ноябре 1794 г. Цель данной работы — показать, как в этих двух небольших рукописях отразился тот глубокий поворот во взглядах Бабефа, который происходил в течение всего третьего года Республики, в результате которого Бабеф, яростный противник террора и диктатуры, пришел к одному из своих самых известных тезисов, что Робеспьер — это демократия.

Несмотря на значительную историографию по отдельным аспектам данного вопроса, посвященную или деятельности Бабефа без выделения третьего года революции⁵, или периоду спада революции, но без особого внимания к личности Бабефа⁶, многопрофильные работы с корреляцией двух этих осей единичны⁷, но и в них наши документы не отражены, что дает право говорить об очевидной новизне сюжета и угла зрения на данную проблему.

Эти два документа находятся в историческом контексте антинародной политики термидорианского Конвента осенью 1794 г. по сокращению прав народных обществ, которая особенно ярко проявилась в его «народоубийственном» Адресе от 18 вандемьера. Бабеф, разделявший позиции правых термидорианцев, пришедших к власти 9 термидора после свержения Робеспьера, в отношении неограниченной свободы

³ Suite du développement des manœuvres employées pour consommer l'envahissement de la souveraineté du peuple // Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 223. Опись 1. Д. 267.

⁴ Projet d'une pétition du peuple de Paris // РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 269.

⁵ Далин В. Грахх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785–1794). М.: Наука, 1963; и другие многочисленные работы этого автора; *Mazauric Cl.* Babeuf et la Conspiration pour l'Egalité. P., 1962; *Schiappa J.-M.* Gracchus Babeuf avec les Egaux. P., 1991.

⁶ *Tonesson K.* La défaite des sans-culottes. Oslo, 1959; *Soboul A.* Les sans-culottes parisiens en l'an II. P., 1964; *Cobb R.* Les armées révolutionnaires... 2 vols. P., 1961–1963; *Baczko B.* Comment sortir de la Terreur. P., 1989; *Luzatto S.* L'automne de la Révolution, P., 2001; *Serna P.* La République des girouettes, Seyssel, 2005.

⁷ *Черткова Г.* Грахх Бабеф во время термидорианской реакции. М.: Наука, 1990; *Tchertkova G.* «De la place du babouisme dans l'histoire du mouvement révolutionnaire européen» dans Les historiens russes et la Révolution français après la Communisme. P., 2003.

для печати резко выступает против попыток власти ограничить суверенитет народа, который заключается в неограниченном праве секций собираться и в праве народа избирать должностных лиц.

«Дальнейшее развитие действий...» — ответ Бабефа на Адрес Конвента, который стремится узурпировать власть и право на формирование и манипулирование общественным мнением, а народ свести к пассивному подчинению в рамках «суверенитета в миниатюре». «Миниатюра», «рабство» и «амальгама» — три термина, которые Бабеф выделяет подчеркиванием — служат его основными идейными направлениями. Причем тема смешения взаимоисключений присутствует во всем: смешение плохого и хорошего во взглядах Фрерона, два крыла в термидорианском блоке, двойственность в политике Конвента. Этот дуализм присущ всей эпохе термидорианской реакции. Амальгамой можно назвать и взгляды самого Бабефа, который при всем своем крайнем демократизме не разочаровался еще в Конvente и надеется прийти к всеобщему счастью через его демократическое законодательство, когда его лучшая часть победит реакцию. В этом документе на фоне обычных для Бабефа идей — критике правительства, твердой антиробеспьеристской позиции, защите народных обществ как гарантов осуществления суверенитета народа в полном объеме и права на петиции как выражения подлинного и независимого общественного мнения — появляются новые элементы в его политической культуре. Бабеф начинает понимать, что термидорианцы не покончили с террором и диктатурой и не дали свободу, что, пользуясь политической неграмотностью народа, лживыми уловками и манипуляциями с общественным мнением, они стремятся к усилению собственной неограниченной власти и сведению к минимуму влияния народных обществ как гарантов суверенитета народа и демократических свобод.

«Проект петиции...» содержит постоянное требование Бабефа вернуть народу Парижа право собираться два раза в декаду и самим избирать должностных лиц. Почему народ, принявший Конституцию, должен опять стать рабом? Почему опять хотят построить 100 000 новых Бастилий? Свобода в опасности! Но в опасности и весь народ, особенно бедняки. В этом маленьком документе тема крайней нужды и бедности поднимается дважды, значит Бабеф очень озабочен проблемами противостояния голоду в эту холодную зиму 1794–1795 гг. И он понимает суть термидорианской реакции, ничего не сделавшей для народа в социальной области и стремящейся лишить его демократических свобод и прав собраний и петиций, чтобы одеть новые цепи рабства.

Таким образом, эти два документа доказывают нам наличие переходного периода и своеобразного перелома в политической культуре Бабефа, произошедшего в третий год революции. Из сторонника термидорианского Конвента и яркого противника якобинской диктатуры Бабеф приходит к пониманию смысла 9 термидора как «несостоявшейся революции», к идее о необходимости диктатуры как временного и переходного этапа, к позитивной оценке экономических и социальных мероприятий Робеспьера. Все эти мысли мы видим в двух наших документах: в первом отразился процесс разочарования Бабефа в политике термидорианцев и осознание возрастания роли народных обществ в борьбе за «всеобщее счастье», во втором проявился крах его иллюзий в отношении социальных мероприятий правительства. Изменение ситуации в стране трансформировало политическую культуру Бабефа и требовало обновления тактики борьбы.

Я благодарю хранителя фонда Бабефа РГАСПИ В. Н. Фомичева, директора проекта П. Серна и особенно моего научного руководителя С. Дюфресса, благодаря которому моя научная работа состоялась.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ МОСКВЫ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

И. В. Чарушкин
(ГУУ)

Первые общественные организации в России начали появляться во второй половине XVIII века. Уже с начала XIX века получают распространение различные общества при университетах. Это объясняется как либерализацией российского общества при Александре I (в частности, Университетский устав, принятый в 1804 г., предоставлял им значительную автономию), так и ростом количества самих университетов. Помимо них во второй половине XIX — начале XX века в Москве были созданы культурно-просветительные, пожарные общества, профсоюзы, общества фабрикантов, кооперативы и др.

В 1867 г. было основано Общество попечения о раненых и больных воинах, находящееся под покровительством императрицы. Устав общества был утвержден в 1867 г. Александром II, обновлялся и дополнялся в 1889 и 1893 гг.¹ Общество было переименовано в Российское общество Красного Креста в 1876 г.

Московское местное управление РОКК в своем составе имело несколько комитетов² и подразделений обслуживания. Первым председателем управления был генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков. С одной стороны, этот человек был очень популярен в Москве, с другой — в этот период Екатерина Михайловна Долгорукова уже имела роман с Александром II.

Наиболее активно общественные организации возникали в переломные моменты истории, отличающиеся либерализацией политики властей, допускавших их создание. При этом необходимость контроля со стороны государства сохранялась, что выражалось в появлении

¹ Власов П. В. Обитель милосердия. М.: Московский рабочий, 1991. С. 58.

² Циркуляры главного и местного управлений РОКК (1885–1891, 1899, 1904, 1906–1907) // Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 837. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

соответствующих законов³. Первый в России закон об общественных организациях был издан в марте 1906 г. под названием «Временные правила об обществах и союзах»⁴. Желающие учредить общества должны были подать заявление губернатору или градоначальнику. Правилами 4 марта 1906 г. разрешалось властям закрывать общества или приостанавливать их деятельность. Вся внутренняя жизнь обществ жестко регламентировалась и ставилась под надзор полиции. При этом уже в следующем, 1907 г. автор закона, П. А. Столыпин, убедился в недостаточной эффективности последнего как регулятора общественной самостоятельности и приступил к его переделке.

Составной частью закона 4 марта 1906 г. являлись «Временные правила о профессиональных обществах...». Соединение нескольких профессиональных обществ в союз запрещалось, открытие отделений обществ ограничивалось. Профсоюзы не получили права ведения стачечной борьбы. Подавляющее большинство профсоюзов Москвы возникло на революционной волне 1905 г.

Структура профсоюзов была неоднородна. Наряду с крупными производственными союзами, которые строились независимо от профессий (одно предприятие — один союз), стали создаваться мелкие союзы по узкоцеховому принципу⁵.

После Февральской революции появились фабрично-заводские комитеты, объединявшие рабочих одного предприятия независимо от их профсоюзной или профессиональной принадлежности. Временное правительство приняло Закон об обществах и союзах, согласно которому разрешалось образовывать общества и союзы, деятельность которых не нарушает закон. В противном случае предусматривалось принудительное их закрытие. 19 июля 1917 г. Временное правительство издало постановление, согласно которому регистрация обществ и союзов должна была осуществляться в окружных судах.

Среди действующих в этот период научных обществ выделяются Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (1863–1929) и Русское библиографическое общество при Московском университете (1889–1930), Историко-родословное общество

³ *Туманова А. С.* Самодержавие и общественные организации в России: 1905–1917 годы. Тамбов, 2002. С. 25.

⁴ *Хмара Ю. Н.* Власть и гражданское общество: проблемы взаимосвязи и взаимодействия. Челябинск, 2007. С. 214.

⁵ История профсоюзов СССР: учеб. пособие. М., 1969. С. 131.

(1904–1917), Московское императорское археологическое общество (1864–1922).

Первое было основано как Научное добровольное общество для содействия развитию и распространению естественно-научных знаний в России. Идея его создания принадлежала профессору зоологии Московского университета А. П. Богданову. Устав 1864 г. определил направления его деятельности: систематическое пополнение коллекции Зоологического и Минералогического музеев Московского университета, описание новых форм животных, растений и минералов, приобретение коллекций животных и минералов, организация экспедиций для собирания естественно-исторических предметов, издание трудов по естествознанию⁶.

Инициаторы создания Русского библиографического общества — В. Ф. Фрейман, А. Д. Торопов и А. А. Астапов — видели его предназначение в описании всех русских книг и рукописей, в разработке системы методов в отечественной библиографии, что было отмечено в уставе (1890)⁷. Деятельность общества была направлена на издание рукописей, книг церковной и гражданской печати, периодических изданий, иностранных книг о России, собирание редких книг, организацию библиографического музея и выставок, содействие сохранности частных библиотек и т. д.

Историко-родословное общество было создано в начале XX века в Москве по инициативе Ю. В. Арсеньева. Устав общества был утвержден в 1904 г., почетными членами в 1905 г. были избраны графиня П. С. Уварова и граф С. Д. Шереметев, а в действительные члены — 63 лица. Деятельность была направлена на сохранение семейных архивов и собраний, их описание и издание, а также собирание и обработку материалов по истории, генеалогии, архивоведению, геральдике, сфрагистике⁸ и т. д.

Московское императорское археологическое общество, основанное по инициативе И. Е. Забелина и А. С. Уварова, вело археологические раскопки в центральных губерниях России, на Украине и Кавказе, с 1865 г. издавало «Древности», с 1869 г. проводило археоло-

⁶ Отчеты о деятельности (1874), финансовые отчеты (1868–1869), отчеты о научных экспедициях в Самарканд и Ташкент, на Урал (1868–1869) // ЦИАМ. Ф. 455. Оп. 1. Д. 2. Л. 8, 14, 16.

⁷ Исторический очерк о деятельности общества с момента возникновения до 1930 г. // ЦИАМ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 24. Л. 12–14.

⁸ Устав общества (1904) // ЦИАМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

гические съезды. При нем были образованы специальные комиссии⁹: по сохранению древних памятников (1876), восточная (1887), славянская (1892), археографическая (1896), по изучению старой Москвы (1909).

Основной состав научных обществ в данный период это прежде всего представители дворянства, интеллигенции и зарождающейся буржуазии¹⁰.

Помимо этого в данный период существовали различные общества любителей животных, общества охотников, общества трезвости, общества потребителей.

Рубеж XIX–XX вв. ознаменован как развитием уже существующих, так и появлением новых общественных организаций различных профилей деятельности, например профессиональные союзы, что объясняется общим историческим фоном, именно в переломные моменты общество испытывает потребность в консолидации. Появляются и первые законодательные акты, регламентирующие их деятельность и порядок создания, что было вызвано необходимостью контроля со стороны власти.

⁹ Документы (протоколы, стенограммы речей, проспекты, докладные записки и переписка) по пересмотру устава // ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 67. Л. 5, 13.

¹⁰ *Туманова А. С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 186.

ПЕРЕПИСКА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

И. С. Чирков
(ЦАОПИМ)

Центральный архив общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ)¹ — структурное подразделение Главного архивного управления города Москвы² — имеет самое большое в России собрание документов современных общественных объединений. В настоящее время научное описание прошли около 120 фондов политических партий и движений, общественных и религиозных организаций. Среди них: партия «Демократический выбор России», движение «Союз православных граждан», политическая организация «Союз офицеров», Крестьянская партия России, общероссийская политическая общественная организация «Отечество», Российская партия коммунистов и многие другие.

Главное архивное управление Москвы имеет договоры со многими общественными объединениями и в ходе сотрудничества с ними принимает на хранение документы, образующиеся в их деятельности. Это организационно-распорядительные документы (уставы, протоколы, решения и др.), материалы по основной деятельности (планы, отчеты, заявления и обращения и др.), печатные издания. Важное место среди поступающих на государственное хранение документов занимает переписка: письма, полученные организацией от частных лиц, общественных, государственных, коммерческих организаций, и исходящие письма. Иногда письма составляют основной объем поступивших на хранение документов в силу особенностей работы организации. Основная деятельность Общественного центра содействия реформе

¹ В 1993–2005 гг. — Центральный архив общественных движений Москвы (ЦАОДМ). Правопреемник Партийного архива Института истории партии МГК и МК КПСС.

² До 2003 г. — Московское городское объединение архивов (Мосгорархив).

уголовного правосудия (Ф. 8771), Союза комитетов солдатских матерей (Ф. 8777) и ряда других общественных объединений отражена в первую очередь в их переписке. Организация может начать с передачи в архив переписки, не будучи готова сдать другие документы. В письмах большинства организаций содержится информация об организованных объединением мероприятиях (митингах, научных конференциях, благотворительных концертах), об адресной помощи просителям, о координации работы местных отделений.

Переписка некоторых общественных объединений может восполнить отсутствие важнейших уставных и организационно-распорядительных документов в основном комплексе сданных материалов. Нередко устав, программа организации, протокол о ее создании находятся в приложении к письмам, так как рассылались по почте с целью привлечь внимание официальных лиц или потенциальных спонсоров. Переписка, которую ведет общественное объединение, может быть одним из способов управления, донесения информации до структурных подразделений. Такая практика применялась, например, исполнительным комитетом Собора славянских народов Беларуси, России и Украины (Ф. 8753).

В составе переписки общественных объединений на хранение могут поступать также документы уставные, организационно-распорядительные и по основной деятельности других организаций, присланные фондодатчику. Так, в составе переписки Международного общественного информационно-просветительского Движения «Добро — без границ» (Ф. 8845) имеются документы нескольких правозащитных и благотворительных организаций, в разное время сотрудничавших с Движением. То же касается, например, и Российской ассоциации жертв незаконных политических репрессий (Ф. 8760), за свою длительную историю взаимодействовавшей с разными общественными организациями. С кем и для чего сотрудничала организация, кому, напротив, она противопоставляла себя? На эти вопросы также дает ответ переписка. Особый интерес представляют письма в адрес политических партий, входивших в Государственную думу, от крупнейших государственных деятелей, политиков, деятелей культуры. Так, в фонде Либерально-демократической партии России (Ф. 8777) имеются письма С. С. Собянина, В. Ю. Суркова, В. А. Гусинского, М. А. Захарова и др.

Переписка общественного объединения с органами государственной власти — важный источник для изучения не только истории организации, но также государственной политики в отношении об-

публичных объединений. Переписка концептуальной партии «Единение» (Ф. 8806) в связи с делом о ликвидации Партии составила значительную часть соответствующего дела в фонде этой организации. Письма с ответами на отправленные в различные властные инстанции просьбы и жалобы содержатся в фондах большинства общественных объединений.

Переписка общественного объединения с организациями, с органами власти, государственными деятелями, благотворителями показывает его работу со стороны внешней общественной деятельности. Переписка организации с ее подразделениями и отдельными членами может раскрыть особенности ее внутренней жизни, подоплеку принятия решений, показать формирование структуры организации, борьбу за власть и конфликты между ее членами.

Восприятие общественного объединения людьми, обществом, так называемая обратная связь, свидетельствующая о степени популярности организации, об успехе ее деятельности в стране, отражается в первую очередь в письмах, присылаемых ей частными лицами. Уже упоминавшийся фонд Либерально-демократической партии России содержит огромное количество писем частных лиц со всей России, что неудивительно, учитывая известность председателя партии В. В. Жириновского. Это не только просьбы о помощи, но также выражения поддержки и симпатии, нередко с вложенными в конверт фотографиями, даже детскими рисунками либо рукописи статей для публикации в партийной газете и т. д. Другой фонд — Московской городской общественной организации пенсионеров, ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов (Ф. 8757) — включает письма ветеранов, содержащие порой достаточно подробные воспоминания о военных годах. Эти письма могут представлять ценность как для изучающих общественную жизнь новейшего времени, так и для историков Великой Отечественной войны. Подлинные документы военных лет имеются в приложениях к письмам, поступившим от Российского межрегионального комитета памяти Маршала Советского Союза Г. К. Жукова (Ф. 8726).

Письма частных лиц в фондах общественных объединений ценны не только для изучения истории самих общественных объединений. Они — незаменимый источник по истории общественной жизни страны, по «истории повседневности», уникальный материал для социологических, социально-психологических, культурологических исследований. Они представляют вполне самостоятельную ценность. В ЦАОПИМ имеется отдельный фонд, полностью состоящий из пи-

сем граждан, посвященных проблемам общественно-политической жизни России (Ф. 8713). Они были присланы в редакции нескольких журналов в конце 1980-х — начале 2000-х гг.

Переписка общественных объединений представляет большую ценность как исторический источник, и следует признать, что в ЦАОПИМ создана наиболее обширная и репрезентативная архивная база для ее изучения.

ИЗУЧЕНИЕ ТОПОГРАФИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ КАЗАНСКОГО, ПЕНЗЕНСКОГО И СИМБИРСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1780-х гг. КАК ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

*к.и.н. Н. О. Шкердина
(НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия)*

Эпоха Просвещенного абсолютизма в России способствовала созданию научных трудов, сочетавших в себе практические и научные интересы. Динамичные реформы XVIII в. требовали привлечения все большего количества ресурсов. Для этого требовался учет всех богатств Российской империи. В результате деятельности по детальному описанию территории государства, составлению географических карт возникают своеобразные исторические источники этой эпохи — целая череда топографических описаний наместничеств и губерний Российской империи 1780-х гг.

Их составлению предшествовала серьезная организационная работа. В 1781–1782 гг.¹ Кабинетом Ее Императорского Величества совместно с Петербургской Академией наук были составлены анкеты или так называемые запросные пункты, которые направлялись в наместническое правление и канцелярии губернских городов в 1783 г. Это подтверждается описью дел фонда 846 Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

Для реализации сбора этого разнопланового материала, который варьировался от описания топографии, ландшафта, описания населенных пунктов, административно-территориального деления, этноконфессиональной характеристики населения, историко-этнографических материалов до характеристики экономического потенциала наместничества (природные ресурсы, ремесла, народные промыслы) и т. д. в наместничества и губернские города были направлены экспе-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXI. СПб., 1830. Ст. 15, 128. С. 168.

диции. Результатом этой деятельности явилась целая плеяда топографических описаний. Известно, что Академия наук направила указания в Симбирское наместничество в 1782 г., Пензенское и Казанское наместничества в 1783 г.

Как и все топографические описания 1870-х гг., «Топографическое описание Пензенского наместничества», «Топографическое описание по Казанскому наместничеству вообще и каждого города и уезда» неизвестных авторов и «Топографическое описание Симбирского наместничества вообще по вышеизъясненным запросным пунктам от кабинета Ея императорского величества 22-го марта 1784 года» Т. Г. Масленицкого имеют много общих черт. Структура топографических описаний носит стандартный схематизированный характер. Ответы на пункты анкетного запроса были призваны охарактеризовать наместничество, входящие в него губернии и уезды. Очень большой интерес представляют статистические сведения, которые содержат материалы по демографии, этнической, конфессиональной и сословной характеристике региона.

Текст «Топографического описания Пензенского наместничества» содержится в РГВИА (Фонд 846. Опись 1. Дела 18 911, 18 912). Копии этих дел были сняты в 1957 и в 1964 гг. начальником ГАПО Е. Г. Самойловым, затем в 1980-х гг. с текстом работал В. С. Годин, в 2000-х гг. работал М. Полубояров.

В качестве источников составления топографических описаний кроме официальных источников, статистических справок и т. п. материалов официального делопроизводства широко использовали «Царственную книгу», «Опыт Казанской истории», «Древний летописец», «Российскую историю» В. Н. Татищева, труды академических экспедиций, опубликованные к этому времени. Особенно большой популярностью пользовались труды Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, П. И. и Н. П. Рычковых, И. Г. Георги и др. доступные источники, содержащие материалы по региональной топонимике, географии, истории и этнографии. Схема построения топографических описаний Пензенского, Казанского и Симбирского наместничеств носит универсальный характер.

Авторство ряда топографических описаний остается анонимным, Впрочем, это не умаляет их исторической значимости как исторических источников. Скорее всего, авторами топографических описаний Пензенского и Казанского наместничеств были чиновники канцелярии наместника или губернатора, которые были назначены с целью

написания этих трудов. Вероятно, что авторство этих трудов носит коллективный характер.

Не меньший интерес для историков и краеведов, изучающих региональную историю, представляет «Топографическое описание по Казанскому наместничеству вообще и каждого города и уезда» неизвестного автора. Период создания этого источника относится также к 1784–1785 гг. Текст этого труда находится в фондах РГВИА (Фонд 846. Описание 1. Дело 18 743. Л. 1–28 об.). В Военно-топографическом депо документ был зарегистрирован 4 апреля 1785 г. Данными о том, издавался ли этот документ, мы не располагаем.

По своему объему это топографическое описание сравнительно небольшое. Оно охватывает 28 лицевых и оборотных листов, отличается сравнительной лаконичностью, что, впрочем, не вредит его информативности.

Среди топографических описаний особняком выделяется «Топографическое описание Симбирского наместничества вообще по вышеизъясненным запросным пунктам от кабинета Ея императорского величества 22-го марта 1784 года» Т. Г. Масленицкого с обширной историко-этнографической частью, написанной К. С. Мильковичем. Оно является одним из самых любопытных и информационно насыщенных топографических описаний этого времени.

Временем создания «Топографического описания Симбирского наместничества» является период между 1782–1785 гг. «Топографическое описание Симбирского наместничества» Т. Г. Масленицкого содержится в РГВИА (Фонд 846. Описание 16. Дело 19 026). Копия части «Топографического описания Симбирского наместничества» Т. Г. Масленицкого, составленной К. С. Мильковичем с обширной историко-этнографической частью, содержится в фонде научного архива ГКУ НИИГН при Правительстве РМ дело И–1569. Текст был извлечен из фондов РГВИА и передан в научный архив ГКУ НИИГН при Правительстве РМ В. А. Юрченковым.

Это топографическое описание было востребовано исследователями XIX и XX вв. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что его историко-этнографические фрагменты, содержащие сведения о мордве, татарах и чувашах, неоднократно переиздавались на протяжении XIX в.

Т. Г. Масленицкому удалось собрать исторические и географические материалы почти со всех населенных пунктов Симбирского наместничества. В текст топографического описания вошла рукопись

«О построении города Симбирска в 1648 году» от кн. П. М. Баратаева². Источниками для будущего топографического сочинения послужили все доступные материалы, в том числе и извлечения из «Царственной книги», «Опыта Казанской истории», «Древнего летописца», «Российской истории» В. Н. Татищева, опубликованных трудов академических экспедиций. Можно отметить определенные текстологические совпадения с сочинениями Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, П. И. и Н. П. Рычковых, И. Г. Георги и др. При составлении топографических описаний привлекался обширный круг специалистов, который включал в себя чиновников местного уровня, картографов, землемеров, сотрудников губернских архивов. Статистические данные по монастырям, церквям и священнослужителям поступала из канцелярий Тамбовской, Нижегородской, Казанской и Астраханской епархий. На самом нижнем уровне получения статистической информации согласно «опросным пунктам» были городовые магистраты совместно с комендантами, городовыми и капитан-исправниками.

Топографические описания Пензенского, Казанского и Симбирского наместничеств 1780-х гг. являются источниками, обладающими высоким уровнем информативности. В них вошли самые разноплановые материалы по топографии, уникальные историко-этнографические свидетельства по социокультурной жизни коренных народов Среднего Поволжья, а также официальные статистические сведения по демографии, предоставленные губернскими канцеляриями по состоянию на конец 80-х гг. XVIII в. Конечно, эти труды не лишены компилятивности, поскольку вобрала в себя Отдельные извлечения из трудов Г. Ф. Миллера, И. И. Лепехина, Н. П. Рычкова, И. Г. Георги, П. С. Палласа, И. Э. Фалька и др., но значимость их по региональной истории достаточно высока благодаря большой концентрации столь многообразной и ценной информации.

² Трофимов Ж. Первый историограф. Ульяновск, 1996. С. 10.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ФАКТОРЫ РАБОТЫ КОМИССИИ ЦК ВКП(б) И СНК СССР ПО НАПИСАНИЮ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ПО ИСТОРИИ СССР В 1930-е гг.

Е. О. Щеголькова
(МГУ)

В начале 30-х гг. XX века произошел качественный перелом в системе преподавания истории в СССР. Началом к предполагаемым изменениям послужило письмо И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», которое было опубликовано в журнале «Пролетарская революция». Итогом явилась череда изменений в методах преподавания и изучения истории. Все эти перемены хронологически можно поделить на 2 крупных этапа.

Первый этап (март 1934 — январь 1936 г.) характеризуется формированием представления о школьном учебнике по истории нового типа, поиском нужной модели изложения материала, и как результат — неудачи авторов.

Второй этап (январь 1936 — август 1937 г.) — новый подход к созданию учебников по уже сформированной модели, поиски оптимального варианта в трактовке исторических событий Отечественной истории нашей страны.

8 марта 1934 г. Народный комиссариат просвещения (Наркопрос) РСФСР по поручению ЦК ВКП(б) провел совещание с участием наркома просвещения РСФСР А. С. Бубнова, заместителем наркома просвещения Н. К. Крупской и группой ведущих советских историков и педагогов, на котором А. С. Бубнов подчеркнул, что необходимо устранить методические просчеты в системе исторического образования предшествующих лет и произвести глубокую принципиальную перестройку всего содержания исторического образования. По итогам этого совещания была создана государственная Комиссия по разработке вопросов исторического образования и утверждён её состав.

Результатом деятельности Наркопроса РСФСР и исторической Комиссии стало постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 мая

1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР»¹. Согласно данному постановлению, преподавание истории в школах оценивалось неудовлетворительно. Учебники характеризовались как схематичные и отвлеченные. СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановил к июню 1935 г. подготовить новые учебники по истории, утвердил список членов групп по составлению новых учебников по истории.

В июне 1934 г. А. С. Бубнов подготовил проект постановления на утверждение состава групп историков, которые должны были работать по составлению учебника по элементарной истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории для начальной школы². Руководителей групп А. С. Бубнов подобрал из историков-коммунистов с организаторскими способностями. Также каждой группе предоставлялись консультанты — ведущие профессора-историки и педагоги-методисты. Группы должны были работать параллельно в порядке соревнования и предоставить результаты своей работы в виде конспектов в Наркомпрос к 10 сентября 1934 г., а учебник не позднее мая 1935 г.

Все представленные до конца 1936 г. учебники по истории СССР требовали от автора полной отдачи в проработке текста и изложения материала с позиции марксистской идеологии. Сложным в подготовке учебника являлся еще и тот факт, что от авторов требовалось изложить весь материал в доступной для детей форме. Учебник должен был содержать фактический материал, литературно переработанный, а также выдержки из документов. Рецензенты учебников указывали на недостатки, отсутствие того или иного материала практически по всему содержанию учебника. Авторам необходимо было исправить недочеты и вновь предоставить учебник на рецензию. Время на создание школьного учебника бесследно уходило. А «нужный» учебник так и не появлялся.

К середине января 1936 г. было принято решение пойти другим путем. Для просмотра и улучшения, в необходимых случаях переделки учебников по истории решением Политбюро ЦК ВКП(б)³ была об-

¹ Историю — в школу: создание первых советских учебников // Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2008. С. 45–47; АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 55. Л. 71–73.

² Историю — в школу: создание первых советских учебников // Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2008. С. 49–52; АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 55. Л. 85–90.

³ Историю — в школу: создание первых советских учебников // Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2008. С. 169; АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 56. Л. 128

разована новая комиссия под руководством А. А. Жданова. Комиссия могла организовывать группы для просмотра отдельных учебников, а также объявить конкурс на учебники, которые будут признаны подлежащими коренной переделке. 14 февраля 1936 г. на втором заседании комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР по учебникам истории было принято решение объявить конкурс на учебник по истории СССР для начальной школы⁴.

Уже 3 марта 1936 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с кратким содержанием сведений по всеобщей истории»⁵. В конкурсе могли участвовать все желающие, как авторские коллективы, так и отдельные лица. Так же оговаривался срок, в который должны быть предоставлены работы — до 1 июля 1936 г.

В течение 1936–1937 гг. велась работа Комиссии по вопросам написания учебника по истории СССР. Жюри писало рецензии, замечания и письма, передавала присланные варианты учебников для рецензии преподавателям истории и работникам исторической науки, проводило совещания учителей, собирала и рассматривала обзоры и историографию по истории народов СССР.

22 августа 1937 г. в газете «Правда» вышла статья под названием «Знать историю народов СССР», в которой объявлялось о завершении работы над учебником по истории СССР. Учебник А. В. Шестакова был объявлен победителем. 27 августа 1937 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о преподавании истории не только в 3–4-х классах по учебнику Шестакова А. В., но и в 5, 6, 7-х классах, «впредь до появления более пространный учебника по истории СССР»⁶. После объявления итогов работы над поиском оптимального учебника для учащихся средней и старшей школы продолжалась.

⁴ Протокол № 2 заседания комиссии по учебникам истории СНК СССР и ЦК ВКП(б) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 358. Л. 4.

⁵ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 359. Л. 2.

⁶ Историю — в школу: создание первых советских учебников // Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2008. С. 265; АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 55. Л. 115.

Таким образом, комиссия ЦК ВКП(б) и СНК СССР по созданию учебника по истории СССР решила сразу несколько задач, стоявших перед исторической наукой еще в начале 30-го десятилетия XX века. С появлением стабильных учебников по истории СССР завершилась важная веха формирования системы советского исторического образования, который привел не только к утверждению новых доктрин изучения и преподавания истории с позиции марксизма, но и выработал основной набор установок, с помощью которых историческая наука стала оплотом стабильности советской системы общественно-политических отношений.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ГОРОДА ЯКУТСКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

А. И. Яковлев
(СВФУ)

Город Якутск был основан в 1632 г. в эпоху правления царя Михаила Федоровича. Первые основатели города Якутска построили острог на правом берегу р. Лены, назвав новый острог «Ленский». В эти земли русские «охочие люди» за пушниной начали проникать еще в конце 20-х гг. XVII в. Острог служил опорным пунктом, центром продвижения русских служилых и промышленных людей на север, восток и т. д. В 1643 г. он был переименован в Якутск.

Основали Якутск казаки во главе с сотником Енисейского острога Петром Бекетовым. В 1633 г. численность жителей острога была 200 человек. Основной массой городских жителей были служилые люди — казаки, торговые, промышленные люди с семейством и слугами. «Гарнизон якутских укреплений» составляли казаки. По мнению Г. А. Попова, служилые люди составляли не более 25 % населения острога¹. Все население жило внутри самого острога, обнесенного частоколом.

О населении г. Якутска начиная с XVII до XIX в. очень мало сведений. В книге Г. А. Попова дан материал о народонаселении в течение трех веков. По его данным, в XVII в. население города росло очень медленно, в основном за счет механического прироста. О XVIII в. судить трудно, так как данных фактически нет. По первой половине XIX в. о количестве населения судить также трудно, поскольку цифры даны приблизительные. Кроме того, численность жителей города Якутска из года в год колеблется, что можно объяснить традиционны-

¹ *Попов Г. А.* Сочинения / Г. А. Попов; [сост. и отв. ред.: к.и.н. Л. Н. Жукова, к.и.н. Е. П. Антонов]. Якутск: ЯГУ, 2005. Т. 3: История города Якутск, 1632–1917: [краткие очерки] / [сост. и отв. ред.: к.и.н. Л. Н. Жукова, к.ф.н. В. Г. Скрипин, к.и.н. Е. П. Антонов]. 2007. С. 37.

ми сезонными миграциями якутского населения. Во второй половине XIX в. можно говорить о росте населения Якутска.

Таблица 1

Население Якутска с 1633 по 1851 г.²

Годы	Население (чел.)	Из них якутов
1633	200	
1651	250	
1659	610	
1671	642	
1678	645	
1766	1155	
1775	1932	
1808	До 3000	
1824	До 2458	
1829	До 2626	
1836	До 3137	867
1840	До 2319	429
1842	2586	180
1846	2615	346
1847	3303	
1849	2964	
1851	3147	845

За период с 1852 по 1917 г. численность населения города Якутска увеличивается почти в 2 раза (см. табл. 2).

С 3692 человек до 7315, т. е. в 1,98 раз. Статистические данные, собранные Г. А. Поповым, в большинстве своем показывают достаточную нестабильность городского населения. Например, в течение 10 лет (1852–1862 гг.) население увеличивается почти на 1 тыс. человек. Цифры колеблются с 3692 до 5649 человек. В следующее десятилетие (1862–1872 гг.), наоборот, уменьшаются с 5649 до 4449 человек. Причинами такого колебания может быть сам состав населения.

² Попов Г. А. Сочинения / Г. А. Попов; [сост. и отв. ред.: к.и.н. Л. Н. Жукова, к.и.н. Е. П. Антонов]. Якутск: ЯГУ, 2005. Т. 3: История города Якутск, 1632–1917: [краткие очерки] / [сост. и отв. ред.: к.и.н. Л. Н. Жукова, к.ф.н. В. Г. Скрипин, к.и.н. Е. П. Антонов]. 2007. С. 84.

Особенностью населения Якутска была сезонность: в архивных материалах до XX в. имеются сведения о росте численности населения города летом до 12 тыс. человек. С начала XIX в. на постоянное жительство в Якутск начинают переселяться якуты. В 1851 г., по данным Г. А. Попова, жило 845 якутов³. Как видно из табл. 2, если в середине XIX в. якуты составляли $\frac{1}{4}$ часть населения города, то к 1917 г. уже $\frac{1}{2}$. Согласимся с П. П. Петровым, что наибольший прирост городского населения давала миграция из сельской местности. Уменьшение численности населения до 7315 человек к 1917 г. можно считать временным явлением, что оно было вызвано разрухой, голодом и обратной миграцией в сельскую местность части населения в улусы из-за опасности призыва в армию, сельскохозяйственными работами.

Таблица 2

Население Якутска с 1852 по 1917 г.⁴

Годы	Население (чел.)	Из них якутов
1852	3692	–
1860	4800	–
1862	5649	2081
1870	4562	–
1881	5786	–
1890	6542	3028
1891	6566	–
1894	5938	–
1895	6197	–
1897	6532	3258
1901	6990	3123
1902	7122	3193
1903	7274	2737
1907	8189	–
1908	7898	3456
1910	8209	–
1912	9254	–
1917	7315	–

³ Попов Г. А. Сочинения... С. 84.

⁴ Там же.

Численность населения Якутска росла крайне медленно: за период с 1852 по 1912 г. (наивысшая численность) количество жителей выросло с 3692 до 9254 человек и составляло немногим более 3 % населения всей Якутии, а все городское население края — 4 %. Для сравнения, накануне Первой мировой войны в городах Тобольской губернии проживало 7,4 % ее населения, Енисейской — 14,5 %, Забайкальской области — 15,7 %. В целом по Сибири в 1913 г. на долю городского населения приходилось 10,1 %, по стране 18 %⁵.

Табл. 3 показывает нам еще одну особенность формирования не только городского населения Якутска, но и всего населения Якутии. Это превалирование мужского населения. Причинами данного явления можно назвать высокую женскую, детскую смертность, неблагоприятные санитарно-гигиенические условия жизни, отсутствие медицинского обслуживания и т. д.

Таблица 3

Численность городского населения Якутска (1862–1917 гг.)⁶

Год	Мужчин	Женщин	Всего
1888	3634	2669	6303
1897	3561	2974	6535
1911	5358	3896	9254
1917	3798	3517	7315

Внимательное изучение сословий Якутска показывает превалирование мужского населения идет в основном за счет мужчин, относящихся к сословиям: инородцев (якутов), местных мещан, личных дворян, ссыльных. Надо отметить, что большое количество мужчин наблюдается среди якутского населения города, которое здесь занимает абсолютное большинство — 3112 человек в 1900 г.; 3123 человек — в 1901 г.

Якутск был создан как «мужской», 200 человек, жившие в XVII в., были мужчины, немногочисленное женское население было представлено представительницами коренного населения. В XIX в., когда уве-

⁵ *Игунов В. А.* Динамика численности городского населения в Сибири в период строительства социализма // Урбанизация Советской Сибири: Сб. статей. Новосибирск, 1987. С. 31.

⁶ *Петров П. П.* Города Якутии 1861–1917 гг. (социально-экономический очерк истории). Якутск: Якутское книжное издательство, 1990. С. 8.

личивается якутское население, в Якутск сначала переехали мужчины для ведения различных дел, устройства на работу, торговли и т. д. Из других сословий — личных дворян, ссыльных — также в основном были представители-мужчины. Женское население растет медленными темпами, можно сказать стабильно держится в среднем отметки 80–90 человек в год. Мужское население растет скачкообразно, по несколько сотен в год: 1901 г. — 3917⁷; 1902 г. — 3930⁸; 1905 г. — 4069⁹; 1908 г. — 4526¹⁰.

Женское население пополнялось скорее за счет механического роста. Также надо отметить и военное сословие, семьи казаков и других служилых людей, которые приезжали со своими семьями. Если судить по донесениям полицейской управы, то наибольшее количество женщин мы наблюдаем среди инородческого слоя горожан: в 1900 г. — 1522 человек¹¹; 1901 г. — 1582 человек¹²; 1902 г. — 1582 человек¹³; 1908 г. — 1660 человек¹⁴. Город Якутск — это место, куда в основном приезжали из улусов по делам — административным, торговым. В город приезжали в основном мужчины как главы семейств, отвечающие за юридическую, экономическую стороны жизни семьи — продажа и покупка продуктов, судебные иски, сбыт промысловой добычи, ведение каких-либо юридических документов.

Таким образом, одной из основных гендерных характеристик Якутска начала XX в. является преобладание мужского населения над женским, что связано с его природно-климатическими, экономическими, социально-политическими особенностями.

⁷ Якутский областной статкомитет // НА РС(Я). Ф. 343и. Д. 515.

⁸ Там же. Д. 545.

⁹ Там же. Д. 633.

¹⁰ Там же.

¹¹ Якутский областной статкомитет // НА РС(Я). Ф. 343и. Д. 479.

¹² Там же. Д. 515.

¹³ Там же. Д. 545.

¹⁴ Там же. Д. 633.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Авакян Дарья Айрапетовна — соискатель факультета политологии Московского государственного университета (МГУ) им. М. В. Ломоносова, avakyan88@mail.ru

Алексеева Александра Николаевна — старший преподаватель исторического факультета Северо-Восточного федерального университета (СВФУ) им. М. К. Аммосова (г. Якутск), sendiele@rambler.ru

Архипова Мария Николаевна — студентка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, mari.arhipova@gmail.com

Бабкин Александр Александрович — сотрудник Российского государственного архива кинофотодокументов, аспирант Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (ИАИ РГГУ), aleksander.babkin@gmail.com

Барбасова Светлана Сергеевна — аспирантка факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова, barbasiks@mail.ru

Баташова Ася Сергеевна — аспирантка факультета истории и права Тульского государственного педагогического университета (ТГПУ) им. Л. Н. Толстого, batashova.asya@yandex.ru

Бобровских Екатерина Викторовна — студентка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, katrin-br-br@mail.ru

Вербицкий Дмитрий Александрович — аспирант факультета истории и права ТГПУ им. Л. Н. Толстого, dj.1@rambler.ru

Веселов Александр Александрович — аспирант кафедры истории и политологии Института государственного управления и права, Государственного университета управления (ГУУ), ostash@yandex.ru

Воронов Филипп Дмитриевич — студент медицинского факультета Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ), poloi@yandex.ru

Воронович Александр Александрович — аспирант Центрально-Европейского университета (Будапешт, Венгрия), alex.voronovich@gmail.com

Гоманенко Олеся Александровна — доцент Волгоградского государственного университета, к.и.н., gomanenko.olesya@mail.ru

Довжик Наталья Николаевна — специалист 1-й категории Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), студентка исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, natalia.dov@mail.ru

Евдокимов Андрей Юрьевич — специалист 1-й категории РГАСПИ, студент факультета архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (ИИАИ РГГУ), cruel.violonist@gmail.com

Ерендеева Анастасия Николаевна — аспирантка Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (г. Самара), erendeeva_n@mail.ru

Завольский Дмитрий Валерьевич — специалист 1-й категории Российского государственного архива социально-политической истории

Захаров Евгений Сергеевич — ведущий специалист РГАСПИ, аспирант факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова, resthazar123@rambler.ru

Зеленская Алиса Юрьевна — студентка социально-гуманитарного факультета Северо-Восточного государственного университета (СВГУ), г. Магадан, Zelenskaya.mgd@yandex.ru

Зеляк Виталий Григорьевич — доцент кафедры всеобщей истории социально-гуманитарного факультета СВГУ, к.и.н., Zelyak75@mail.ru

Иванова Ольга Сергеевна — старший преподаватель исторического факультета Белорусского государственного университета (БГУ, Республика Беларусь), к.и.н., ivanova_olga_s@mail.ru

Ильяшенко Владимир Александрович — сотрудник кафедры исторической информатики исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, соискатель, vlad-ilyashenko@ya.ru

Карпук Дмитрий Андреевич — преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии, кандидат богословия, студент исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, dimand3@yandex.by

Картман Кейт — студентка Холи Кросс Колледжа (Великобритания), Kartman.K.@holycross.ac.uk

Козлова Анастасия Михайловна — студентка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, am.kozlova2011@yandex.ru

Комочев Никита Алексеевич — преподаватель кафедры археологии ИАИ РГГУ, научный сотрудник отдела археологии Института славяноведения РАН, к.и.н., komni@list.ru

Костриков Станислав Сергеевич — аспирант кафедры истории и политологии Института государственного управления и права ГУУ, merton@list.ru

Кохнович Виктор Адамович — старший преподаватель исторического факультета БГУ, к.и.н. (Республика Беларусь), hist.bsu@by

Кочетова Анна Сергеевна — главный специалист РГАСПИ, аспирантка факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова, anna-koch@bk.ru

Кошемчук Ксения Леонидовна — студентка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, kosh11@yandex.ru

Кравченко Татьяна Михайловна — лаборант отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. (музей М. В. Ломоносова), Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого «Кунсткамера» РАН (МАЭ РАН), г. Санкт-Петербург, krav.d@mail.ru

Кукиль Николай Владимирович — аспирант факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова, nikolai.kukil@yandex.ru

Кулясова Алина Федоровна — студентка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, kulyasova.af@gmail.com

Ларина Олеся Николаевна — аспирантка факультета истории и права ТГПУ им. Л. Н. Толстого, ole-88@mail.ru

Ли Алексей Игоревич — студент Карагандинского университета «Болашак» (Республика Казахстан), alex_lee_49@mail.ru

Лозбенев Игорь Николаевич — сотрудник Образовательного центра ОАО «Газпром», учитель, к.и.н., igor_1511@mail.ru

Лосева Юлианна Сергеевна — студентка Университета LUMSA (Рим, Италия), squasiyulianna@yahoo.it

Лукашин Александр Владимирович — главный специалист РГА-СПИ, аспирант факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова, alexlukashin@mail.ru

Лупанова Евгения Михайловна — старший научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. (музей М. В. Ломоносова) МАЭ РАН (г. Санкт-Петербург), к.и.н., lupanova@kunstkamera.ru

Лягушкина Людмила Алексеевна — студентка исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, luskom@gmail.com

Малкин Максим Павлович — старший преподаватель Карагандинского университета «Болашак» (Республика Казахстан), maxim_malkin@mail.ru

Минаев Евгений Александрович — ведущий специалист РГАСПИ, аспирант факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова, evgenyminaev@yandex.ru

Митрофанова Ирина Владимировна — аспирантка Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (г. Самара), mitrofanoffa-irina@yandex.ru

Найманова Жанна Бегайдаровна — студентка Карагандинского университета «Болашак» (Республика Казахстан), zhanna.naimanova@mail.ru

Опилкин Алексей Сергеевич — аспирант факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова, aleksey_opilkin@mail.ru

Пепелова Мария Леонидовна — студентка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, mapur559@yandex.ru

Рочева Анжела Вячеславовна — преподаватель государственного автономного образовательного учреждения среднего профессионального образования Республики Коми «Ухтинский индустриальный техникум» (г. Ухта), соискатель, rocheva-1975@mail.ru

Садовников Денис Владимирович — аспирант факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 1711_88@mail.ru

Серова Светлана Андреевна — аспирантка исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, serovasvetlana@mail.ru

Сетов Никита Романович — ассистент факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, к.п.н., nsetov@gmail.com

Смолякова Екатерина Викторовна — старший преподаватель исторического факультета БГУ (Республика Беларусь), smoliakova@mail.ru

Сон Жанна Григорьевна — советник Общероссийского объединения корейцев, к.и.н., janna_song@hotmail.com

Сорокопудова Ольга Евгеньевна — аспирантка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, srkpdv@gmail.com

Суббота Елена Леонидовна — аспирантка Института российской истории (ИРИ) РАН, melena1@mail.ru

Суслов Алексей Юрьевич — доцент кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета, к.и.н., PLUSHA131 333@yandex.ru

Тальская Ольга Дмитриевна — студентка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, ollytalsky@gmail.com

Терещенков Леонид Евгеньевич — выпускник аспирантуры исторического факультета ПетрГУ, к.и.н., tereshenkovster@gmail.com

Тихонов Виталий Витальевич — научный сотрудник ИРИ РАН, к.и.н., tihonovvitaliy@list.ru

Томей Лидия Игоревна — студентка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, ly.tomey@gmail.com

Фирсов Руслан Елизарович — студент социально-гуманитарного факультета СВГУ (г. Магадан), Self.Mac@mail.ru

Фокина Юлия Владимировна — студентка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, raue041@gmail.com

Фролова Ольга Юрьевна — заведующая сектором Научной библиотеки МГУ, учащаяся Французского университетского колледжа при МГУ им. М. В. Ломоносова, ola.fro@yandex.ru

Чарушкин Илья Валерьевич — аспирант кафедры истории и политологии Института государственного управления и права ГУУ, fogillias@gmail.com

Чирков Илья Сергеевич — главный архивист Центрального архива общественно-политической истории Москвы, otelcaorim@mail.ru

Шкердина Надежда Олеговна — старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (г. Саранск), к.и.н., доцент, shnadejda@bk.ru

Щеголькова Елена Олеговна — аспирантка исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, rereppisska@mail.ru

Яковлев Айтал Игоревич — старший преподаватель кафедры Истории России СВФУ им. М. К. Аммосова (г. Якутск), аспирант, shai-hulud@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. А. Авакян</i> Эволюция представлений о городе в западноевропейской социально-политической мысли	3
<i>А. Н. Алексеева</i> Проблемы охраны объектов культурного наследия в республике Саха (Якутия) (на примере архитектурных памятников г. Якутск)	7
<i>М. Н. Архипова</i> М. Н. Катков о внешней и внутренней политике Российской империи в 1860-х гг. XIX в.	11
<i>А. А. Бабкин</i> История внутренних государственных займов РСФСР–СССР периода новой экономической политики (1921–1929 гг.)	15
<i>С. С. Барбасова</i> Изменение хозяйственной структуры Московского университета в период ректорства академика А. Н. Несмеянова (1948–1951 гг.)	17
<i>А. С. Баташова</i> Пионерская организация и здоровье пионеров в Туле в 1920-е годы	20
<i>Е. В. Бобровских</i> И. А. Ильин: анатомия русской национальной идеи	23
<i>Д. А. Вербицкий</i> Обзор архивных источников деятельности князя В. А. Черкасского в конфессиональной сфере царства Польского (1864–1867 гг.)	27
<i>А. А. Веселов</i> Общество поэтов и писателей «Литературный особняк»: история и источники	32
<i>Ф. Д. Воронов</i> Русский старообрядческий «Лечебник» как источник по истории медицины	36
<i>А. А. Воронович</i> Создание Молдавской АССР и формирование молдавского республиканского руководства	40
<i>О. А. Гоманенко</i> Массовые источники по социально-экономическому развитию Нижневолжского речного пароходства в 1930–40-е гг.: поиск, разработка и систематизация	44

<i>Н. Н. Довжик</i> Коминтерн и правительства Народного фронта во Франции и Испании в свете проблемы европейской безопасности 1935–1938 гг.	46
<i>А. Ю. Евдокимов</i> Проблема комплектования политических архивов в XXI веке в России на примере Российского государственного архива социально-политической истории	52
<i>А. Н. Ерендеева</i> Архивные источники по истории здравоохранения Самарской губернии 1920-х годов	55
<i>Д. В. Завольский</i> К истории советской наградной системы: неосуществленные проекты в зеркале фондов РГАСПИ	59
<i>Е. С. Захаров</i> Механизмы взаимодействия на научно-техническую интеллигенцию в советской России 1920-х гг.	63
<i>А. Ю. Зеленская</i> Система запретов для роженицы у эвенов Камчатки	68
<i>В. Г. Земяк</i> Широкомасштабное использование принудительного труда заключенных на Северо-Востоке России в 30–50-х гг. XX века и альтернативы развития региона	72
<i>О. С. Иванова</i> Информативность и достоверность устных воспоминаний (архивоведческий аспект)	77
<i>В. А. Ильяшенко</i> ИТЛ Волгостроя в 1935–1953 гг.: производственная деятельность, трудовой контингент и принудительный труд на объектах гидростроительства	81
<i>Д. А. Карпук</i> Преобразования в сфере духовной цензуры в эпоху императора Александра II	84
<i>К. Картман</i> Сталин и Сталинская эпоха	89
<i>А. М. Козлова</i> Проблема бюрократии в анархистской доктрине М. А. Бакунина	92
<i>Н. А. Комочев</i> Издания западноевропейских средневековых грамот в России XX века ...	96
<i>С. С. Костриков</i> Общественная деятельность московского купечества во 2-й половине XIX века: поиск путей самореализации	103

<i>В. А. Кохнович</i> Материалы текущего учета Радзивиллов (XVIII–XIX вв.) как исторический источник	107
<i>А. С. Кочетова</i> Комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК: противостояние антирелигиозной политики ЦК ВКП(б)	111
<i>К. Л. Кошемчук</i> Национальная идея в русском почвенничестве (на примере работ Ф. М. Достоевского)	117
<i>Т. М. Кравченко</i> Страницы истории создания музея М. В. Ломоносова	120
<i>Н. В. Кукиль</i> Политика российского руководства в связи и экспансией Кайзеровской Германии на Ближнем и Среднем Востоке в 1907–1910 гг.	124
<i>А. Ф. Кулясова</i> Понимание красоты тела как трансформационной силы общества в творчестве Уильяма Морриса	128
<i>О. Н. Ларина</i> Реакция Тульской молодежи на доклад Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях»	131
<i>А. И. Ли</i> Исторический опыт укрепления, стабильности и межнационального согласия на примере деятельности Ассамблеи народов Казахстана	135
<i>И. Н. Лозбенев</i> Региональные архивы Центральной части Европейской России о рабочем движении в годы нэпа (1921–1929 гг.)	139
<i>Ю. С. Лосева</i> Духовные надежды императора Павла и его сближение с Мальтийским Орденом	145
<i>А. В. Лукашин</i> Об условиях создания и обстоятельствах выступления ГКЧП (август 1991 г.)	154
<i>Е. М. Лупанова</i> Иоганн Бакмейстер и его «Опыт о библиотеке и кабинете редкостей» ...	161
<i>Л. А. Лягушкина</i> Социальный портрет репрессированных в ходе «Большого террора» (1937–1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по книгам памяти четырех регионов РСФСР	165
<i>М. П. Малкин</i> Сетевые войны — войны XXI века	170

<i>Е. А. Минаев</i> Концепция тоталитаризма как инструмент изучения молодежной политики Советского Союза 1930-х гг.	174
<i>И. В. Митрофанова</i> Развитие историко-партийной науки в Среднем Поволжье в 1930-е гг. (по материалам Средневожского-Куйбышевского партархива)	178
<i>Ж. Б. Найманова</i> Основные факторы межнационального согласия в Республике Казахстан	182
<i>А. С. Опилкин</i> Центральное районное охранное отделение в 1909 г.: достижения и проблемы	186
<i>М. Л. Пепелова</i> Герберт Маркузе о языке тотального администрирования	191
<i>А. В. Рочева</i> К вопросу о подготовке кадров в «Ухтпечлаге»	195
<i>Д. В. Садовников</i> Вопрос о неправительственных вооруженных формированиях на Первой Гаагской конференции мира (1899 г.)	200
<i>С. А. Серова</i> Церемониал Российской империи: археографические проблемы в разработке сюжета	203
<i>Н. Р. Сетов</i> Археология как метод в учении М. Фуко	206
<i>Е. В. Смолякова</i> Государственное регулирование делопроизводства в БССР в 1920-е гг.	209
<i>Ж. Г. Сон</i> Интернациональный клуб политэмигрантов имени Загорского (1920–1930 гг.)	213
<i>О. Е. Сорокопудова</i> «Революционная» вина русской литературы в оценке В. В. Розанова . . .	217
<i>Е. Л. Субботы</i> Беспартийные во Всесоюзном обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. (по документам РГАСПИ)	221
<i>А. Ю. Суслов</i> Публикации документов по истории партии социалистов-революционеров: современное состояние и перспективы	226

<i>О. Д. Тальская</i>	
Национальный вопрос в Средней Азии. Конец XIX — начало XX в.	230
<i>Л. Е. Терещенков</i>	
Документы из фондов РГАСПИ как источник о взглядах деятелей РКП(б) на проблему репрезентации смерти героев революции	233
<i>В. В. Тихонов</i>	
Документы по истории кампаний по борьбе с «объективизмом» и «космополитизмом» (1948–1950) в личных фондах историков в Архиве РАН	237
<i>Л. И. Томей</i>	
С. П. Шевырев: выражение русской народности в языке	240
<i>Р. Е. Фирсов</i>	
Деятельность Охотско-Ольского лесничества в 1925–1930 гг.	244
<i>Ю. В. Фокина</i>	
Интеллигенция в социально-политических концепциях Д. И. Писарева и П. Н. Ткачева	248
<i>О. Ю. Фролова</i>	
Две неопубликованные рукописи Бабефа из фондов РГАСПИ как примеры изменения тактики борьбы в течение третьего года революции	252
<i>И. В. Чарушкин</i>	
Общественные организации Москвы на рубеже XIX–XX вв.	256
<i>И. С. Чирков</i>	
Переписка современных российских общественных объединений как исторический источник	260
<i>Н. О. Шкердина</i>	
Изучение топографических описаний Казанского, Пензенского и Симбирского наместничеств Российской империи 1780-х гг. как исторических источников по истории Среднего Поволжья	264
<i>Е. О. Щеголькова</i>	
Основные этапы и факторы работы Комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР по написанию школьных учебников по истории СССР в 1930-е гг.	268
<i>А. И. Яковлев</i>	
Гендерные особенности в историко-демографической ситуации города Якутска в начале XX века	272
Сведения об авторах	277

Научное издание

**Исторические документы и актуальные проблемы
археографии, отечественной и всеобщей истории
нового и новейшего времени**

Сборник тезисов докладов участников
Второй международной конференции
молодых ученых и специалистов
«Clio-2012»

Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественной оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*
Корректор *А. В. Голубцова*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать .
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18. Тираж экз. Заказ №

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82
Тел.: 334-81-87 (дирекция)
Тел./Факс: 334-82-42 (отдел реализации)